

E-ISSN 2713-0622

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
Scientific and Theoretical
Issues

**TOM
vol. 6 № 1 / 2026**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 6 № 1
2026

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 6 № 1
2026

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 6 № 1 2026

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддерживать молодое поколение ученых.

Журнал включен в Перечень ВАК (К3) при Минобрнауки России по научным специальностям:

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Принимает к опубликованию материалы по специальностям (по данным специальностям журнал еще не включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России):

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

С 2025 года включен в «Белый список» научных журналов (2 уровень).

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе. Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – А. Н. Великих, Г. Н. Голядкин.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior

Scientific and Theoretical Issues

Vol. 6 N° 1 2026

“Russian Journal of Deviant Behavior” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal's priority is to support young scholars.

The journal is included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia in scientific specialties:

- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal psychology and security psychology

Accepts for publication materials in specialties (for these specialties the journal is not yet included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia):

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

Since 2025, it has been included in the “White List” of scientific journals (level 2).

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – A. N. Velikikh, G. N. Golyadkin.

Design and layout – S. N. Gorbunova.

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи ФНЦ ПМИ (Россия, Москва)

Заместитель главного редактора

Злоказов К. В. – доктор психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Бородавко Л. Т. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, академик РАО (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор педагогических наук, профессор, Университет Монтаны (США, Вашингтон).

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий учебно-научным центром кинезиологических исследований и лечебно-реабилитационных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск)

Григорьев А. Н. – доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии и права МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Енгальчев В. Ф. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики государственного университета им. К.Э. Циолковского (Россия, Калуга)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Лельчицкий И. Д. – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Директор Института педагогического образования и социальных технологий, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия, Тверь)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Утюганов А. А. – доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе – начальник научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the problems of preventing aggression and destructive behavior in students, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University, Head of the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center for PMI (Russia, Moscow)

Deputy Chief Editor

Zlokazov K. V., Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Research Department Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology) (Russia, Izhevsk)

Borodavko L. T. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Academician of the Russian Academy of Education (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, University of Montana (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Institute of Psychology and Pedagogy Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher – Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Treatment and Rehabilitation Technologies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Russia, Yakutsk)

Grigoriev A. N. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education,

Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Engalychev V.F. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Head of the Research Center for Forensic Science and Criminalistics of the State University. K.E. Tsiolkovsky (Russia, Kaluga)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychotherapy of the East European Institute of Psychoanalysis (Russia, St. Petersburg)

Ilakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work at the St. Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Service Activities of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lelchitsky I. D. – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Director of the Institute of Teacher Education and Social Technologies, Head of the Department of Social Work and Pedagogy, Tver State University (Russia, Tver)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Utyuganov A. A. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of Research – Head of Research Center of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А. За гранью нормы: гуманизация, риски и новые смыслы.....	10
---	----

Современная девиантология: теории и концепции

Хисматулина Н. В. «Лингвистический поворот» в системе правосудия: гуманизация языка в борьбе со стигматизацией и рецидивом (на примере США).....	14
---	----

Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения

Ши С. Ценность и практика интеграции традиционной китайской семейной культуры в процессе воспитания коллектива сотрудников правоохранительных органов.....	34
---	----

Психологические исследования девиантного поведения

Андреева М. И. Социально-перцептивные образы сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы.....	45
--	----

Кучкарёв Ю. Ю. Структура отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных: компоненты и динамика.....	62
---	----

Максимова Л. А., Смирнов А. В., Валиев Р. А. Социально-психологические особенности склонности к рисковому поведению подростков с ограниченными возможностями здоровья.....	77
---	----

Реан А. А., Шевченко А. О., Ставцев А. А., Кузьмин Р. Г. Подходы к изучению просоциального поведения и альтруизма.....	92
---	----

Социологические исследования девиантного поведения

Андрианова Р. А. Образовательная миграция: риски социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов.....	105
---	-----

Криминологические исследования девиантного поведения

Дворжицкая М. А., Писаревская Е. А., Рахманова Е. Н. Преступления против личности: состояние и основные тенденции.....	121
---	-----

Сенцов В. В., Колесников Р. В. Бесконтактный сбыт наркотических средств с участием мигрантов: криминологический анализ.....	138
--	-----

Ильин И. С. Противодействие вовлечению несовершеннолетних и молодежи в совершение противоправных деяний экстремистской направленности (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области).....	151
--	-----

Сообщения о научных событиях

Брюно В. В., Харabet К. В. На переломе эпох: девиантология в поисках субъектности и новых смыслов (Обзор по итогам работы секции VII Всероссийского социологического конгресса).....	166
---	-----

Злоказов К. В. «Девиантность и деструктивность в контексте молодежной политики: проблемы, новые вызовы и подходы к решению»: обзор совместного заседания научных советов Российской академии образования.....	177
--	-----

Contents

Editor-in-Chief's word

- Rean A. A.** Beyond the Norm: Humanization, Risks, and New Meanings..... 10

Modern deviantology: theories and concepts

- Khismatulina N. V.** “Linguistic turn” in the justice system: humanising language in fighting stigma and recidivism (using the US as an example)..... 14

Pedagogical research and prevention of deviant behavior

- Shi X.** The value and integration practice of traditional Chinese family culture in the team education of law enforcement agencies..... 34

Psychological research of deviant behavior

- Andreeva M. I.** Socially perceptive images of law enforcement officers with different service experience..... 45

- Kuchkarev Yu. Yu.** The structure of life attitude in terminally ill convicts: components and dynamics..... 62

- Maksimova L. A., Smirnov A. V., Valiev R. A.** Socio-psychological characteristics of risk prone behavior in adolescents with disabilities..... 77

- Rean A. A., Shevchenko A. O., Stavtsev A. A., Kuzmin R. G.** Approaches to the study of prosocial behavior and altruism..... 92

Sociological research on deviant behavior

- Andrianova R. A.** Educational migration: the risks of socio-psychological disorientation of foreign postgraduate students..... 105

Criminological research of deviant behavior

- Dvorzhitskaya M. A., Pisarevskaya E. A., Rakhmanova E. N.** Crimes against the person: status and main trends..... 121

- Sentsov V. V., Kolesnikov R. V.** Contactless drug dealing involving migrants: a criminological analysis..... 138

- Ilyin I. S.** Countering the involvement of minors and youth in extremist criminal activities (using the example of Saint Petersburg and the Leningrad region)..... 151

Reports on scientific events

- Bryuno V. V., Kharabet K. V.** At the turn of the era: deviantology in search of subjectness and new meanings (A review of the proceedings of Section VII of the All-Russian Sociological Congress)..... 166

- Zlokazov K. V.** «Deviance and destructiveness in the context of youth policy: problems, new challenges, and approaches to solutions»: a review of the joint meeting of the scientific councils of the Russian Academy of Education..... 177

За гранью нормы: гуманизация, риски и новые смыслы

Уважаемые читатели!

Рад представить вам первый в 2026 году номер «Российского девиантологического журнала».

Рубрику **«Современная девиантология: теории и концепции»** открывает статья *«Лингвистический поворот» в системе правосудия: гуманизация языка в борьбе со стигматизацией и рецидивом (на примере США)»,* посвященная системному анализу эволюции теории навешивания ярлыков, концепции стигматизации и практики гуманизации языка, выявлению их взаимосвязи и практической значимости. Основные результаты исследования демонстрируют историческую трансформацию теории навешивания ярлыков от абстрактной концепции «девиантной идентичности» к эмпирически верифицируемым механизмам, таким как «ожидаемая стигма» и «мастер-статус» человека по стигматизирующему признаку. Показано, что гуманизация языка, реализованная на принципах человекоориентированного подхода, имеет под собой не только этическое, но и научное обоснование, подтвержденное эмпирическими исследованиями. Переход к «уважительному» дискурсу выступает неотъемлемым условием для построения более справедливой, эффективной и гуманной системы правосудия.

В раздел **«Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения»** включена статья автора из Китайской Народной Республики *«Ценность и практика интеграции традиционной китайской семейной культуры в процессе воспитания коллектива сотрудников правоохранительных органов»*, в которой подробно рассматриваются идеологические аспекты традиционной китайской семейной культуры и предлагаются практические пути ее интеграции в командное образование правоохранительных органов. Статья имеет важное теоретическое и практическое значение для укрепления идеологии правоохранительных органов и повышения их сплоченности и боевой эффективности.

Рубрика **«Психологические исследования девиантного поведения»** включает четыре статьи, посвященные изучению социально-психологических особенностей девиантного поведения. Актуальность статьи *«Социально-перцептивные образы сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы»* обусловлена дефицитом кадров в органах внутренних дел. Целью исследования стало выявление особенностей структуры социально-перцептивных образов и ее изменение в зависимости от опыта служебной деятельности. В результате были определены основные характеристики социально-перцептивных образов и их взаимосвязь. Эмпирический анализ структуры социально-перцептивных образов позволил определить достоверные различия в струк-

турах Я-образа, образа полицейского и образа правонарушителя у сотрудников органов внутренних дел в зависимости от опыта службы.

В статье *«Структура отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных: компоненты и динамика»* анализируется структура отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных, представлены базовые компоненты и раскрыта динамика процесса. Цель исследования – изучение психологических особенностей и структуры отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в учреждениях пенитенциарной системы; предложение общих рекомендаций по психологическому сопровождению данных лиц. Автор приходит к выводу о том, что при реализации психологического сопровождения лиц данной категории особое внимание следует уделять формированию реалистичного отношения к жизни, что может стать основой продуктивного проживания оставшейся жизни.

Авторы исследования *«Социально-психологические особенности склонности к рисковому поведению подростков с ограниченными возможностями здоровья»* рассматривают социально-психологические факторы формирования склонности к рисковому поведению обучающихся подросткового возраста с ограниченными возможностями здоровья. Актуальность статьи определяется решением задач организации профилактики вовлечения подростков в рисковое поведение, к которым относятся различные варианты аддиктивного поведения: поведение, связанное с причинением физических повреждений; экстремальное поведение; отклонения в пищевом поведении; а также вовлечение в деструктивные группы и объединения.

Завершает рубрику исследование коллектива авторов *«Подходы к изучению просоциального поведения и альтруизма»*, в котором описываются концептуальные соотношения понятий «просоциальное поведение» и «альтруизм» на основе современных мета-аналитических обзоров и подходов позитивной психологии, социальной психологии и нейронауки. В статье представлены ключевые социально-психологические и психофизиологические подходы к изучению просоциального поведения и альтруизма, а также современные нейровизуализационные и мультимодальные методики. Результаты анализа демонстрируют значительное расширение методического арсенала в изучении просоциального поведения и альтруизма и смещение акцента от изолированных процедур к комплексным дизайнам, сочетающим поведенческие, психометрические и психофизиологические методы. Подчеркивается необходимость дальнейшей разработки интегративных моделей, учитывающих предпосылки альтруизма, его связь с моральным развитием и роль просоциального поведения в профилактике агрессивных и деструктивных форм социальной дезадаптации.

Рубрика *«Социологические исследования девиантного поведения»* представлена статьей *«Образовательная миграция: риски социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов»*, в которой установлено, что социально-психологическая дезориентация иностранных аспирантов усиливается под воздействием языковых и культурных барьеров, экономических ограничений и восприятия внешней среды как потенциальной угрозы личной безопасности. Полученные результаты подтверждают необходимость системной поддержки образовательных мигрантов. Для успешной адаптации и интеграции образовательных мигрантов в новой социокультурной среде требуются целенаправленные программы языковой поддержки, формирование устойчивой мотивации к защите диссертации, социально-психологическое сопровождение на всех этапах их обучения,

подготовка научных руководителей к работе с иностранными субъектами образования, формирование инклюзивной культуры в обществе.

В раздел **«Криминологические исследования девиантного поведения»** включены три статьи. Авторы первой работы *«Преступления против личности: состояние и основные тенденции»* приводят убедительные аргументы, что преступления против личности представляют серьезную угрозу безопасности граждан и стабильности общества и государства. Исследование подтвердило тенденцию к снижению регистрируемых преступлений против личности в России в период с 2018 г. по 2023 г., что коррелирует с общемировой тенденцией, а также к снижению преступлений против жизни и здоровья и в то же время к росту преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, отдельных видов преступлений против конституционных прав и свобод граждан. В статье сформулирован вывод о том, что сложившаяся ситуация требует активизации профилактической деятельности правоохранительных органов, направленной на предотвращение посягательств против интересов семьи и несовершеннолетних, так же, как и против свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности.

В статье *«Бесконтактный сбыт наркотических средств с участием мигрантов: криминологический анализ»* авторы из Воронежского института МВД России исследуют проблему роста преступлений, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств и психотропных веществ с участием мигрантов. Актуальность темы обусловлена стремительной цифровизацией преступной деятельности и высокой общественной опасностью таких деяний. Ключевые выводы исследования свидетельствуют о стабильном росте числа наркопреступлений среди мигрантов: за десятилетие их количество увеличилось на 37,6 %, причем наибольшее количество преступлений наблюдается в Москве и Московской области.

Статья *«Противодействие вовлечению несовершеннолетних и молодежи в совершение противоправных деяний экстремистской направленности (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области)»* посвящена рассмотрению актуальной проблемы вовлечения несовершеннолетних и молодежи в противоправную деятельность экстремистской направленности в условиях цифровой трансформации общества. Отмечается, что использование информационно-коммуникационных технологий, анонимность интернета и психологические особенности подросткового возраста создают благоприятную среду для распространения экстремистской идеологии и вербовки новых сторонников. На основе анализа правоприменительной практики и статистических данных автором составлен условный социальный портрет лица, вовлекаемого в экстремистскую деятельность, выявлены ключевые мотивы (корысть, провокация, идеологическая ненависть) и возрастные особенности совершения преступлений, определены основные каналы коммуникации и психологические приемы воздействия на молодежь (позитивация образа, дегуманизация противника), используемые радикальными сообществами в интернете. В результате исследования обобщены и систематизированы механизмы противодействия, реализуемые правоохранительными органами Санкт-Петербурга и Ленинградской области, обоснована необходимость дальнейшего совершенствования профилактической работы с учетом выявленных тенденций и методов информационного воздействия экстремистов.

В рубрике **«Сообщения о научных событиях»** представлены информационные материалы о прошедших научно-представительских мероприятиях – обзор девиантологической секции в составе VII Всероссийского социологического конгресса Российского

общества социологов (РОС), проходившего в Москве 1–3 ноября 2025 года, и обзор совместного заседания научных советов Российской академии образования, состоявшегося 26 февраля 2026 года.

Так, в центре внимания VII Всероссийского социологического конгресса Российского общества социологов оказались процессы формирования и воспроизводства общественной памяти. Выбор темы показателен – он отражал не только академический интерес к историческим нарративам и коллективным представлениям о прошлом, но и более широкий запрос на понимание происходящих в обществе изменений через призму преемственности, традиции и трансформации ценностных ориентиров.

На совместном заседании двух научных советов при Российской академии образования предметом обсуждения стали проблемы девиантного и деструктивного поведения несовершеннолетних. Актуальность заседания обусловлена необходимостью рефлексии существующих подходов к профилактике ввиду развития различных форм девиаций и деструктивного поведения, детерминированных современным состоянием институтов семьи и школы.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики
агрессии и деструктивного поведения учащихся,
Директор Центра социализации, семьи
и профилактики асоциального поведения
Московского педагогического государственного университета
А. А. Реан**

УДК 343.85:81'42

«Лингвистический поворот» в системе правосудия: гуманизация языка в борьбе со стигматизацией и рецидивом (на примере США)

Наталья Владимировна Хисматулина

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
khisnatalya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-66809-0542

Аннотация

Введение. В условиях переосмысления результативности функционирования системы уголовного правосудия в США, направленного на поиск решений в снижении уровня массового заключения, борьбу с рецидивами и укрепление механизмов реинтеграции бывших заключенных, особую значимость приобретает анализ дискурсивных практик, в частности языка, используемого для описания лиц с пенитенциарным опытом. Традиционные дегуманизирующие термины («преступник», «заключенный», «осужденный») не являются нейтральными; они редуцируют личность человека до ее противоправного деяния, воспроизводя стигму и создавая труднопреодолимые барьеры на пути к ресоциализации. **Целью исследования** является системный анализ эволюции теории навешивания ярлыков, концепции стигматизации и практики гуманизации языка, выявление их взаимосвязи и практической значимости. **Методы исследования** включают в себя систематический анализ и критическую интерпретацию академической литературы, современных эмпирических исследований, активистских манифестов, а также метод триангуляции данных. **Основные результаты исследования** демонстрируют историческую трансформацию теории навешивания ярлыков от абстрактной концепции «девиантной идентичности» к эмпирически верифицируемым механизмам, таким как «ожидаемая стигма» и «мастер-статус» человека по стигматизирующему признаку. Показано, что гуманизация языка, реализованная на принципах человекоориентированного подхода, имеет не только этическое, но и научное обоснование, подтвержденное эмпирическими исследованиями. Переход к «уважительному» дискурсу выступает неотъемлемым условием для построения более справедливой, эффективной и гуманной системы правосудия.

Ключевые слова

теория навешивания ярлыков, стигматизация, девиантная идентичность, девиация, ожидаемая стигма, пенитенциарный опыт, социальная реинтеграция, рецидив, гуманизация языка

Для цитирования: Хисматулина, Н. В. (2026). «Лингвистический поворот» в системе правосудия: гуманизация языка в борьбе со стигматизацией и рецидивом (на примере США). *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 14–33.

Original paper

“Linguistic turn” in the justice system: humanising language in fighting stigma and recidivism (using the US as an example)

Natalya V. Khismatulina

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

khisnatalya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-66809-0542**Abstract**

Introduction. In the context of rethinking the effectiveness of the criminal justice system in the United States, aimed at finding ways of reducing mass incarceration, combating recidivism, and strengthening mechanisms for the reintegration of former prisoners, there is particular significance in analysing discursive practices, and in particular the language used for describing individuals with a penitentiary background. Traditional dehumanising terms (‘criminal’, ‘prisoner’, ‘convict’) are not neutral; they reduce human personality to a single unlawful act, reproducing stigma and creating difficult barriers to resocialisation. **The purpose of the research** is to provide a systematic analysis of the evolution of the labelling theory, the concept of stigmatisation, and the practice of humanising language, as well as to identify their correlation and practical significance. **The research methods** include systematic analysis and critical interpretation of academic literature, recent empirical studies, activist manifestos, as well as the method of data triangulation. **The main findings** of the research demonstrate the historical transformation of the labelling theory from the abstract concept of ‘deviant identity’ to empirically verified mechanisms such as ‘anticipated stigma’ and a person’s ‘master status’ based on a stigmatising characteristic. The effect of humanising language has been proved to be achieved on the basis of principles of a person-first approach with not only ethical but also scientific grounds, confirmed by empirical research. The shift to a respectful discourse is an essential condition for building a more equitable, effective, and humane justice system.

Keywords

labelling theory, stigmatisation, deviant identity, deviation, anticipated stigma, penitentiary background, social reintegration, recidivism, humanisation of language

For citation: Khismatulina, N. V. (2026). “Linguistic turn” in the justice system: humanising language in fighting stigma and recidivism (using the US as an example). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 14–33.

Когда нас не называют бешеными собаками, животными, хищниками и другими оскорбительными словами, нас называют заключенными, осужденными, арестантами и преступниками – все эти термины лишены человечности и идентифицируют нас, скорее, как «вещи», а не как людей... Мы просим всех прекратить использовать эти уничижительные термины и просто называть нас ЛЮДЬМИ. ЛЮДЬМИ, которые

в настоящее время или в прошлом отбывали свое наказание, ЛЮДЬМИ, находящимися на условно-досрочном освобождении, ЛЮДЬМИ, недавно освобожденными из тюрьмы, ЛЮДЬМИ с судимостью, но ЛЮДЬМИ¹.

Eddie Ellis

Введение

Актуальность исследования обусловлена глубоким кризисом систем правосудия, которые во многих странах мира демонстрируют неэффективность в снижении уровня рецидива и слабость механизмов ресоциализации людей с пенитенциарным опытом. В этом контексте эффективным видится переход от карательной модели к гуманистической, ориентированной на реабилитацию и социальную реинтеграцию. Одним из ключевых аспектов этой трансформации является анализ дискурсивных практик, в частности языка, используемого в отношении бывших заключенных в официальных документах, научных публикациях, средствах массовой информации и повседневной коммуникации. Традиционные термины «преступник», «осужденный», «бывший заключенный» и т. п. выполняют функцию не просто описания правового статуса человека, а постоянного напоминания о прошлом проступке, превращая человека в его деяние и лишая его человеческого достоинства. Такая дегуманизация напрямую препятствует успешной реинтеграции, активизируя стигму, способствуя маргинализации и социальной изоляции, что, в свою очередь, повышает риск повторного правонарушения.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе и синтезе теоретических, эмпирических, активистских источников, что позволяет проследить эволюцию идеи гуманизации языка. В отечественной науке данная тема исследована крайне фрагментарно, в то время как в англоязычном правовом и активистском сообществах она является предметом активной и плодотворной дискуссии нескольких последних десятилетий. Настоящее исследование систематизирует и переводит эти идеи в русскоязычный академический дискурс, сопоставляя их с фундаментальными правами человека и современными вызовами в области пенитенциарной системы.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении понимания взаимосвязи между языком и социальной идентичностью в контексте системы правосудия. Исследование способствует развитию криминологической науки, социолингвистики, философии права и социальной психологии, а именно в части осмысления механизмов формирования девиантной идентичности и стратегий совладания в отношении них. Оно также вносит вклад в оперирование такими абстрактными категориями, как «внутренняя/воспринимаемая стигма» и «ожидаемая стигма», переводя их в плоскость измеримых социальных и психологических процессов.

Практическая значимость обусловлена потенциалом данной статьи для разработки государственных программ реабилитации и реинтеграции, обучения сотрудников правоохранительных и пенитенциарных органов, формирования этических стандартов для СМИ, совершенствования законодательства, направленного на защиту прав лиц, отбывших наказание.

Проблема заключается в том, что, несмотря на существующие научные обоснования, данные эмпирических исследований и этические аргументы, дегуманизирующий язык

¹ Ellis, E. (2007). *An open letter to our friends on the question of language*. Center for NuLeadership on Urban Solutions. https://static1.squarespace.com/static/624def0f36d3686eb5ecc0f6/t/664981090c43a60377f756ef/1716093193147/Language+Letter+and+Overview_Center+NuLeadership_March+2023.pdf

продолжает доминировать в официальных, публичных и даже академических дискурсах: это создает устойчивую основу легитимации стигмы и подрывает усилия по реинтеграции.

Целью исследования являются анализ и систематизация знания в области эволюции теории ярлыков и практики гуманизации языка, а также обоснование их критической значимости для построения более справедливой, эффективной и гуманной системы правосудия. *Задачи исследования*: 1) проследить эволюцию теории навешивания ярлыков и стигмы от их истоков до современного состояния; 2) проанализировать эмпирические доказательства, подтверждающие влияние стигматизирующего дискурса на судьбу людей с пенитенциарным опытом; 3) обобщить и систематизировать принципы гуманизации языка; 4) привести и проанализировать конкретные примеры реализации этих принципов в реальных инициативах на уровне государства (на примере США), профессиональных сообществ, некоммерческих организаций, СМИ; 5) сформулировать практические рекомендации для различных заинтересованных лиц.

Методы исследования включают систематический анализ и критическую интерпретацию академической междисциплинарной литературы (из области криминологии, социологии, психологии, социолингвистики), современных эмпирических исследований, активистских манифестов, а также метод триангуляции данных, при котором выводы подтверждаются на основе различных источников и методов исследования. Логика изложения выстроена как историко-аналитическая, что позволяет продемонстрировать эволюцию идей от их истоков к современному состоянию.

Результаты. Теоретические основания, на которых позже будет выстроена теория ярлыков, были заложены Чикагской социологической школой символического интеракционизма, основоположник которой Г. Н. Mead утверждал, что «я» (*'self'*) формируется в процессе социального взаимодействия, а язык является первичным инструментом этого процесса: слова не просто описывают реальность, но и конструируют ее, вызывая у говорящего и слушающего одинаковые реакции и установки (Mead, 1913). Адептом этой теории в контексте девиантного поведения стал Ф. Tannenbaum. В своей работе «Преступность и общество» (Tannenbaum, 1951) он ввел ключевое понятие «драматизация зла» (от англ. *'Dramatization of Evil'*). Согласно взглядам ученого, преступление как акт девиантного поведения изначально является аморальным, но когда этот поступок попадает в зону внимания общества и подвергается официальному осуждению, он превращается в нечто более значимое – в «зло»: общество, порицая правонарушителя, не просто реагирует на его поступок, а словесно «помечает» его (от англ. *'tagging'* – «маркировка, мечение, добавление метки»), что приводит к восприятию человека исключительно как девианта. Именно этот процесс официальной реакции и ее демонстративного провозглашения, по Ф. Tannenbaum, способствует тому, что даже единичное противоправное деяние интерпретируется обществом как устойчивая девиантность, превращая пусть даже однажды оступившегося человека в истинного преступника без права на прощение.

Идеи Ф. Tannenbaum были развиты и систематизированы Н. Becker в теории навешивания ярлыков (от англ. *'Labelling Theory'*), изложенной им в ставшей уже классической работе «Аутсайдеры» (Becker, 1963). Н. Becker переформулировал положения о девиантности, сместив фокус с человека, совершившего нарушение, на социальные процессы, которые определяют, что является нарушением. Его знаменитое утверждение стало манифестом новой парадигмы: «*Социальные группы создают девиантность, разрабатывая и применяя правила к тем, кого они считают нарушителями. От истинно девиантного поведения следует отличать поведение, которое люди таким образом обозначают*» (Becker, 1963, p. 9). Таким образом, девиантность – не качество поступка, а результат социального процесса навешивания ярлыков: преступником становится тот, кого общество таким называет.

Е. Lemert внес ключевой вклад в развитие этой теории, разделив девиантное поведение на *первичное* (случайное, эпизодическое нарушение нормы, не отражающее самоидентичность человека) и *вторичное* (устойчивый образ жизни в качестве преступника, формирующийся в ответ на официальное наказание и общественное осуждение) (Lemert, 1951). Именно сам факт официального наказания (арест, суд, осуждение) становится решающим моментом, который превращает ситуативного нарушителя в «аутсайдера» комформного общества – в человека, чья идентичность теперь определяется исключительно его девиантным статусом, который воспринимается обществом, согласно Н. Becker, в качестве «мастер-статуса» (от англ. *'Master Status'*) – главной характеристики личности, затмевающей все остальные (Becker, 1963, p. 33). При этом присвоение девиантного ярлыка как мастер-статуса за человеком (закрепление восприятия его как преступника) на практике достигается без особых усилий: достаточно его обозначить таковым, и в коллективном сознании общества ему безапелляционно и обязательно в отрицательной коннотации начинает приписываться «совокупность всех черт, присущих любому, кто носит этот ярлык... Его считают неспособным вести себя как моральное существо» (Becker, 1963, p. 33–34). Как следствие, ярлык «преступник», который не просто описывает прошлое деяние, а является, по сути, так называемым самосбывающимся пророчеством, определяющим будущие поступки человека, становится причиной дальнейшей девиации и рецидива, а не средством их предотвращения (Сох, 2020).

Центральной категорией в данной теории является *стигма*, понятие которой было детально разработано и описано Е. Goffman в работе «Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью» (Goffman, 1963). Этимологические корни термина «стигма» уходят в Древнюю Грецию, где, как писал сам Е. Goffman, «те знаки, которые вырезались или выжигались на теле человека, указывали на то, что их носитель является рабом, преступником или предателем – запятнанным человеком, человеком с пороком, ритуально оскверненным, которого следует избегать» (Goffman, 1963, p. 1). В этом изначальном значении стигма была физическим, видимым клеймом, маркирующим «другого» в облегчении его «инаковости», «порочности» среди «полноценных», что определяло обязательность его социальной изоляции. Следует отметить, что практика физической стигматизации была распространена в разных странах на протяжении веков: 1) в Древнем мире рабам, пытавшимся бежать, ставили на лоб клеймо в виде буквы F (от лат. *'fugitivus'* – «беглый») (Bauman, 1996); 2) в Европе практика клеймения была официально закреплена в законодательстве: в Англии; согласно Закону о кражах 1828 г., буква T (от англ. *'theft'* – «кража») выжигалась на руке преступника, который впоследствии, несмотря на отбытое наказание, *навсегда* становился объектом публичного позора (Beattie, 1986, p. 65); во Франции до Французской революции преступникам, осужденным за серьезные преступления, но избежавшим смертной казни, ставили на плечо клеймо в виде буквы V (от франц. *'voleur'* – «вор») (Ariès, 1991, p. 421); 3) в Японии XVIII в. существовала практика клеймения на руке и лице «ирэдзуми», клейменные лица становились социальными изгоями (Naas, 2019, p. 4); 4) в колониальной Америке, заимствовавшей многие практики у Англии, клеймение также было распространено: в Массачусетсе в XVII в. за прелюбодеяние женщинам клеймили лоб буквой A (от англ. *'adultery'* – «прелюбодеяние»), что позже стало основой для знаменитого романа Н. Хоторна «Алая буква» (Hawthorne, 1878, p. 94); в Вирджинии за ложные обвинения клеймили буквой S (от англ. *'slander'* – «клевета»), а за кражу лошадей – H (от англ. *'horse'* – «лошадь»). Эта практика сохранялась в некоторых штатах вплоть до начала XIX в. (Radelet, 2017, p. 42); 5) в Российской империи практика клеймения раскаленным железом была введена Петром I – буква K выжигалась каторжникам, Б – беглым,

В – вора́м и т. п. Эта мера была отменена только в 1863 г. в рамках судебной реформы Александра II как несовместимая с принципами гуманности².

Если в исторической перспективе стигматизация осуществлялась посредством физического клеймения тела, то в современном обществе ту же социальную функцию, что и выжженная на теле буква, стал выполнять язык: вербальный ярлык так же маркирует правонарушителя как «иного», создает видимую (в дискурсивном смысле) границу между «нормальными представителями социума» и «девиантными», позволяя сохранить и легитимировать социальную изоляцию последних, превращая их временный статус преступника в постоянный.

В разработке концепции стигмы Е. Goffman перенес физический маркер клейма в социальную плоскость, определив стигму как «отличительный признак, который является глубоко дискредитирующим», превращая носителя этого признака в «испорченного» в глазах общества. Стигматизированный человек обладает «испорченной идентичностью» (термин, введенный Е. Goffman, от англ. *'spoiled identity'*), не соответствует ожиданиям «нормального» мира, поскольку является «не таким, как все». С точки зрения Н. Becker и Е. Goffman, ярлык «преступник» или стигматизирующий маркер «судимость» *навсегда* стереотипно определяют человека в глазах общества как «опасного, ненадежного, агрессивного, непредсказуемого и бесчестного» (Clow, Ricciardelli & Cain, 2012; Hirschfield & Piquero, 2010; LeBel, 2012), лишая его возможности быть воспринятым как сложная, многогранная личность, хотя по своей природе подобные стигмы не являются свойствами личности; они принадлежат не ему, а социальному контексту (Bos et al., 2013, p. 1).

Интересно, что эффект «испорченной идентичности» (стигма по мастер-статусу бывшего заключенного) усиливается «стигмой по ассоциации» (от англ. *'stigma-by-association'*) – термин, введенный и описанный Е. Goffman, интерпретация которого была тщательно разработана К. Clow, R. Ricciardelli и Т. L. Cain (Clow, Ricciardelli & Cain, 2012). Согласно этой концепции стигма распространяется не только на носителя языка, но и на всех, кто с ним ассоциируется. Этот процесс можно описать через метафору «магического заражения» (от англ. *'magical contagion'*), введенную С. J. Nemeroff и Р. Rozin (Nemeroff, Rozin, 1994, 2000), когда физический контакт или даже ассоциация с «загрязненным» объектом (в данном случае с системой заключения или заключенными) переносит это «загрязнение» на ассоциируемого, делая его частью стигматизированной группы (Clow, Ricciardelli & Cain, 2012, p. 128). Подобный подход позволяет объяснить парадоксальный феномен: даже оправданные (от англ. *'exonerees'*) лица, чья невиновность была официально подтверждена, часто посредством неоспоримых доказательств, таких как ДНК-тест, продолжают восприниматься обществом как «испорченные» и потенциально опасные. Например, Кирку Бладсворту, первому человеку, оправданному и освобожденному из «камеры смерти» благодаря ДНК, до сих пор пишут на грузовике «убийца детей» (Westervelt & Cook, 2008). Даже при наличии неопровержимых доказательств, «презумпция вины» остается сильнее, чем презумпция невиновности, что свидетельствует о глубоко укоренившемся предубеждении.

Несмотря на свою теоретическую привлекательность, в 1970-х гг. теория ярлыков подвергалась серьезной критике, главным образом за недостаток эмпирических доказательств. Критики, в частности Ch. Tittle (Tittle, 1975), обвиняли ее в расплывчатости, упрощенчестве, идеологической ангажированности; утверждали, что теория является спекулятивной и не может объяснить, почему не все, кто подвергается официальному наказанию и последующему порицанию, становятся хроническими преступниками. Ключевой проблемой была абстрактность понятия «внутреннего усвоения» ярлыка. Как измерить процесс, при котором человек начинает

² Культурология.Ру. (2021, 7 февраля). Кого на Руси клеймили железом каленым и за что применялось такое наказание. <https://kulturologia.ru/blogs/070221/48964/>

видеть себя «преступником»? Подобные комментарии привели к временному спаду интереса к теории. Однако в 1980-х гг. исследователи, такие как R. Paternoster и L. Iovanni (Paternoster, Iovanni, 1989), убедительно продемонстрировали, что многие из этих критических замечаний были основаны на упрощенном понимании теории и методологически слабых исследованиях. Это стало отправной точкой для ее научной «реабилитации».

В последние десятилетия концепция стигмы была значительно расширена. В Модифицированной теории ярлыков (от англ. *'Modified Labeling Theory'*) B.G. Link и J.C. Phelan (Link & Phelan, 2001) сместили фокус с самого факта навешивания ярлыка на психологические процессы, которые он запускает у самого человека. Согласно этой модели, ключевым является не сам ярлык, а то, воспринимает ли индивид общественные стереотипы как *лично значимые* вследствие актуализации пяти взаимосвязанных компонентов-оснований стигмы: маркировки человеческих различий, связывания этих различий с негативными стереотипами, категоризации на «мы» и «они», потери статуса «полноценного члена общества» и определенной данным исходом дискриминации. Это восприятие ведет к *интериоризации стигмы* (от англ. *'internalized stigma'*) – внутреннему принятию негативных стереотипов («Общество считает преступников плохими людьми») и, что особенно важно, к собственному *ожиданию стигмы* (от англ. *'anticipated stigma'*) – глубокому убеждению человека в том, что в будущем он обязательно столкнется с отвержением, неравенством и ограничениями в доступе к ресурсам, возможностям, правам, необходимым для поддержания благополучия («Люди в моем обществе не примут меня») (Link & Phelan, 2001). Эта концептуальная дифференциация стала фундаментальной для современных исследований. Она позволила перейти от простой констатации факта ярлыка к анализу сложных психологических механизмов, лежащих в основе его влияния. Это, в свою очередь, открыло путь для проведения строгих эмпирических исследований, которые могли бы проверить гипотезы теории на реальных данных.

Исследование К. Е. Moore, J. В. Stuewig и J. P Tangney (Moore, Stuewig & Tangney, 2016) стало одним из первых в проверке гипотезы о том, что ожидаемая стигма выступает в роли опосредующего механизма между принятой в обществе стигмой и реальными показателями качества постпенитенциарной жизни бывших заключенных. Авторы провели лонгитюдное исследование с участием 163 заключенных, которые были опрошены незадолго до освобождения из тюрьмы на предмет степени согласия с общественной стигмой по отношению к правонарушителям (воспринимаемая стигма) и ожидания ее применения по отношению к ним после освобождения (ожидаемая стигма). Через год с ними связались повторно – на этом этапе оценивались ключевые области постпенитенциарного функционирования: рецидив, психическое здоровье, симптомы зависимости и так называемая комьюнити-адаптация (от англ. *'community adaptation'*) – ресоциализация, социальная реинтеграция. Значимыми результатами исследования стали следующие: 1. Ожидаемая стигма действительно опосредует связь между воспринимаемой стигмой и комьюнити-адаптацией: чем сильнее заключенный до освобождения верил, что общество стигматизирует преступников, тем сильнее он ожидал личного отвержения: более высокий уровень ожидаемой стигмы предreshал более низкий уровень ресоциализации через год после освобождения, но не затрагивал ни рецидив, ни симптомы зависимости, ни ухудшение психического здоровья. Эффект стигмы сработал именно в тех сферах жизни, где требуется активное взаимодействие с конвенциональным обществом. Как отмечают авторы, это может быть связано с феноменом «зачем пытаться?» (от англ. *'Why try? effect'*), описанным P. W. Corrigan, J. E. Larson и N. Rüsч (Corrigan, Larson & Rüsч, 2009): если человек ожидает отвержения, он может просто отказаться от попыток интегрироваться, не подавая заявления на работу, не пытаясь восстановить отношения с семьей и т. п. 2. Существует расовое различие в механизме стигматизации: эффект опосредования (воспринимаемая стигма → ожидаемая стигма →

дезадаптация) был признан статистически значимым только для белых осужденных; для афроамериканцев статистически подтвержденной взаимосвязи между ожидаемой стигмой и комьюнити-адаптацией обнаружено не было, что согласуется с гипотезой «закалки» (от англ. *'inoculation hypothesis'*), разработанной W. J. McGuire (McGuire, 1961), подразумевающей, что стигматизирующий ярлык оказывает низкое влияние на тех, у кого процесс социальной изоляции по иным причинам, чем тюремное заключение, уже завершен (Jensen, 2006). В логике Moore et al. «афроамериканцы, уже столкнувшиеся с видимой стигмой расы, могут быть "закалены, иметь своего рода иммунитет" от воздействия дополнительной стигмы (стигмы бывшего заключенного) и могут развить позитивные стратегии совладания, которыми белые осужденные с меньшей вероятностью смогут воспользоваться» (Moore, Stuewig & Tangney, 2016, p. 212). Данный вывод подтверждается и другими исследованиями. Например, Т. А. Winnick и М. Bodkin (Winnick & Bodkin, 2008) обнаружили, что белые заключенные склонны скрывать свой статус, в то время как афроамериканцы более открыты в этом вопросе, что может свидетельствовать о большей устойчивости к стигме.

Современный взгляд на стигматизацию, представленный I. Tyler в работе «Стигма: машина неравенства» (Tyler, 2020), анализирует более глубокие социальные процессы, рассматривая стигму не как побочный эффект, а как основной механизм социального управления и контроля. I. Tyler утверждает, что стигматизация может рассматриваться как целенаправленная стратегия власть имущих для маргинализации определенных групп – бедных, мигрантов, заключенных и т. д., и легитимации их неравного положения. В контексте заключения это особенно очевидно. Так, М. Alexander в своей книге «Новый Джим Кроу» (Alexander, 2010) показывает, как массовая инкарцерация в США (от англ. *'mass incarceration'* – термин, описывающий необычно высокий уровень заключения в конкретной стране по сравнению с историческими «нормами» или другими странами) стала системой легализованной расовой дискриминации, в которой стигма, накладываемая на бывших заключенных и поддерживаемая идеологическими системами и институтами общества, позволяет легально отказывать им в праве на голосование, в доступе к жилью, работе, здравоохранению, социальным льготам.

Современная теория ярлыков выделяет три основных криминогенных механизма, посредством которых ярлык влияет на способ человека быть и жить.

Первый механизм – трансформация идентичности и формирование девиантной самоидентичности. Этот процесс основан на концепции «отраженных оценок» (от англ. *'reflected appraisals'*), разработанной R. L. Matsueda (Matsueda, 1992), в логике которого человек формирует образ своего «Я» не в вакууме, а на основе того, как, по его мнению, его воспринимают другие. Когда человек постоянно подвергается негативным стереотипам, связанным с ярлыком «преступника» («он опасен», «он нечестен», «он неисправим»), он может интериоризировать эти взгляды. В результате его самоидентичность превращается в устойчивую девиантную идентичность, которая направляет его будущее поведение в соответствии с этой ролью.

Второй механизм – процессы социальной изоляции. Стигма создает значительные препятствия на пути к трудоустройству, жилью и восстановлению социальных связей, подрывает сами основы реинтеграции (Link & Phelan, 2001; Keene, Smoyer & Blankenship, 2018). При этом наблюдается двоякая реакция. С одной стороны, происходит отторжение со стороны «конвенциональных» других – родителей, знакомых, работодателей, общества в целом, которые, руководствуясь страхом, сомнением, подозрением, ограничивают доступ стигматизированного человека в свой личностный / профессиональный круг доверия. С другой стороны, сам стигматизированный человек может реагировать через «уход в себя» (от англ. *'withdrawal'*): из-за страха предвосхищаемого отвержения он сам начинает избегать социальных контактов

с «нормальным» обществом. Это сужает его социальные связи и возможности, создавая замкнутый круг изоляции (Pager, 2003; Kirk & Sampson, 2013).

Третий механизм – вовлечение в девиантные группы. Лишенный поддержки и возможностей в «конвенциональном» обществе, человек ищет принятия и одобрения в девиантных группах среди других стигматизированных лиц. Там его ярлык не является стигмой, наоборот, может быть знаком статуса или общности. Это вовлечение закрепляет девиантную идентичность и предоставляет социальную среду, в которой продолжение девиантного поведения становится нормой (Bernburg & Krohn, 2003).

В 2007 г. исследование Т. Chiricos и его единомышленников (Chiricos et al., 2007) представило одно из самых убедительных эмпирических подтверждений реального функционирования этих механизмов. Проанализировав судьбы 95 919 лиц, приговоренных к условному наказанию во Флориде с 2000 г. по 2002 г., они смогли изолировать чистый эффект самого ярлыка. Дело в том, что по закону штата судья может «удерживать от осуждения» (от англ. *'withhold adjudication'*) совершивших правонарушения лиц – признать их виновными, назначить наказание, но официально не присваивать статус «осужденного» (от англ. *'convict'*). Эта практика создает условия, приближенные к естественному эксперименту: фактически два человека, признанные виновными в совершении однотипного преступления, могут получить одинаковое условное наказание, но при этом один из них становится осужденным, а другой – нет. Для первого наступают все коллатеральные последствия: он теряет многие гражданские права и обязан указывать свою судимость в анкетах. Для второго эти последствия не наступают. Таким образом, исследователи смогли изолировать переменную «присвоение ярлыка» от переменных «виновность» и «наказание», что позволило им ответить на ключевой вопрос: влияет ли сам факт формального осуждения на вероятность рецидива независимо от совершенного преступления и назначенного наказания? Анализ данных выявил статистически значимый результат: официально зафиксированное осуждение на 17 % увеличивает вероятность рецидива, что определяет ярлык не просто как языковую формулировку, а как мощный социальный стимул, который препятствует реинтеграции и повышает риск повторного нарушения закона. Дополнительно проверив гипотезы о том, что влияние ярлыка может быть модерировано характеристиками личности, авторы пришли к следующим выводам: 1) эффект ярлыка проявляется сильнее для женщин, чем для мужчин: с позиций гендерной теории социальное клеймо, связанное с преступностью, тяжело переживается женщинами, поскольку нарушает строгие гендерные нормы «заботливой матери» и «добродетельной женщины»; 2) эффект ярлыка сильнее для белых, чем для афроамериканцев и латиноамериканцев: члены доминирующей группы (белые) имеют больше «ставок в конформизме» (от англ. *'stakes in conformity'*) конвенционального общества и, следовательно, больше теряют от его утраты; 3) эффект ярлыка сильнее для тех, кто достиг 30-летнего возраста без истории предыдущих судимостей: в подтверждение «первичной девиации» для человека, который до этого вел конформный образ жизни, официальное осуждение является потрясением, разрушающим его социальную идентичность, карьерные перспективы; в то же время для закоренелого преступника добавление еще одного ярлыка не приносит существенных изменений в его жизнь («эффект плато»), являясь лишь очередным эпизодом в его биографии.

Теоретические изыскания в области теории навешивания ярлыков и концепции стигматизации, а также эмпирические данные исследований судеб людей с пенитенциарным опытом однозначно подтверждают, что использование формального юридического, но стигматизирующего языка по отношению к бывшим заключенным представляет собой мощный инструмент социального контроля, который продолжает действовать надолго (если не навсегда) после отбытия наказания и даже после официального оправдания, влияя в предполагаемом

справедливом правосудии на эффективность социальной реинтеграции, которая представляет собой сегодня не столько проблему предоставления ресурсов, сколько проблему борьбы с предубеждением. Как следствие, гуманизация языка в его ориентации на человека может рассматриваться как одно из решений, способствующих действительной ресоциализации бывших осужденных.

Обсуждение

Традиционные термины «преступник», «осужденный», «бывший заключенный» и т. п. не являются нейтральными, они редуцируют сложную структуру человеческой личности до ее худшего поступка, превращая человека исключительно в «угрозу». В связи с этим особую значимость приобретает движение за гуманизацию юридического языка, предшественниками которого стали движения в смежных науках. Одними из первых, осознавших силу языка, стали представители психиатрического сообщества: в 1992 г. Американская психиатрическая ассоциация (англ. *'American Psychological Association, APA'*) официально заявила, что классификация психических расстройств должна относиться не к людям, а к самим расстройствам, которые есть у людей, в связи с чем следует избегать выражений типа «шизофреник» в пользу «человек с шизофренией»³. Еще более важным прецедентом стало движение ВИЧ / СПИД. В 1983 г. на конференции в Денвере были приняты так называемые Денверские принципы: «Мы осуждаем любые попытки назвать нас “жертвами” – термином, который предполагает поражение... Мы – “люди с ВИЧ” (от англ. *'People with AIDS'*)»⁴. Этот акт самоназывания стал мощным актом сопротивления в стигматизирующем дискурсе.

В сфере уголовного правосудия борьба за язык началась не в академических кругах, а в самих тюрьмах и тесно была переплетена с историей борьбы за права заключенных. Как отмечает А. Сох, заключенные во второй половине XX в., осознавая предельный дисбаланс между «надзирающими» и «надзираемыми», инициировали борьбу за признание своей человеческой сущности (Сох, 2020). Ярким подтверждением стали восстания в тюрьме Аттика в 1971 г.: «Мы – ЛЮДИ! Мы не звери и не намерены терпеть избиения и унижения» (Marable & Mullings, 2009, p. 467). Подобная практика языкового уничтожения со стороны властных структур имеет глубокие исторические корни и сопоставима с другими формами дегуманизирующей риторики, применявшейся для оправдания насилия и дискриминации: например, нацистская пропаганда использовала термин «мишлинг» (от нем. *'Mischling'* – «помесь», «нечистая порода»), позаимствовав его из ветеринарии, для обозначения лиц с частичным еврейским происхождением (Herbert, 2003, p. 102). И. Геббельс в своем дневнике писал: «Евреи – это паразиты, которые должны быть уничтожены, как блохи» (Kershaw, 2016, p. 298). Во время геноцида в Руанде в 1994 г. за 100 дней было убито более 800 000 человек. Представителей этнической группы тутси называли «иньези», что на языке киньяруанда означает «тараканы», которых «нужно вытаскивать из укрытий и давить ногами» (Des Forges, 1999, p. 15), что превращало убийство людей в банальную, даже гигиеническую задачу – борьбу с вредителями; и т. д. Хотя масштабы преступлений несопоставимы, логика идентична: лишить объект человеческого достоинства, сделать его «менее, чем человеком», чтобы облегчить и оправдать для себя его угнетение, изоляцию и отрицание его прав.

В эпоху радикального активизма 1960–1970-х гг. антистигматизирующая стратегия была несколько иной. Активисты, такие как Джордж Джексон из «Черных пантер», не просто отвергали

³ American Psychological Association, Committee on Disability Issues in Psychology. (1992). *Guidelines for non-handicapping language in APA journals*. https://extension.usu.edu/employee/files/self_assessment_tool/10C_Language.pdf

⁴ Advisory Committee of People with AIDS. (1983). *The Denver Principles*. https://data.unaids.org/pub/externaldocument/2007/gipa1983denverprinciples_en.pdf

дегуманизирующие ярлыки, но и переосмысливали их. Для них термин ‘convict’ («осужденный») был не стигмой, а политической идентичностью класса заключенных (от англ. ‘convict class’), который должен был сыграть ключевую роль в революционной борьбе. Это была стратегия сопротивления, направленная на то, чтобы превратить инструмент угнетения в знамя борьбы.

К концу XX в. стратегия сменилась в сторону гуманизации и применения человекоориентированного языка (от англ. ‘person-first language’). Эта трансформация была напрямую связана с опытом бывших заключенных, которые, выйдя из тюрем, столкнулись с *пожизненным* «несправедливым приговором» стигмы. Кульминацией этого процесса стало «Открытое письмо о вопросе языка», написанное в 2007 г. Е. Ellis, бывшим заключенным, проведшим в тюрьме 23 года, и основателем Центра NuLeadership по вопросам человеческого правосудия и исцеления и организации *All of Us or None*. Это письмо стало манифестом нового движения. Е. Ellis категорически отвергал стандартно применяемые термины в отношении человека с пенитенциарным опытом, называя их «лишенными человечности» и «превращающими людей в вещи». Его основной аргумент был поразительно прост, но психологически глубок: «Худшее в том, что, постоянно слыша ваше уничижительное определение меня, я начинаю верить в него сам»⁵. Идеи Е. Ellis о том, что справедливость начинается со слов, проложили путь к современным инициативам.

На основе накопленного активистского и теоретического опыта исследователи (Tran et al., 2018) сформулировали четыре ключевых принципа, которым должен следовать любой, кто работает с людьми, имеющими опыт заключения: 1) право человека на самоопределение (самый важный источник знаний о том, как называть человека – это он сам); 2) приоритет недискриминирующего языка (отказ от терминов, которые стигматизируют, унижают, дискриминируют); 3) признание достоинства и сложности цельной человеческой личности и отделения деяния от личности (описание человека через призму его человеческой сущности, а не через его правовой статус); 4) культивирование саморефлексии (осознанность в выборе слов, понимание, что язык – мощный инструмент создания и реализации образов и смыслов). Эти принципы нашли свое отражение в реальных политических инициативах на самых разных уровнях.

В 2016 г. Министерство юстиции США объявило решение отказаться от упрощенных (дегуманизирующих) терминов правового поля. Инициаторами были предложены следующие варианты человекоориентированной лексики (таблица).

Предлагаемые лексические замены не являются абстрактными рекомендациями; некоторые из них уже внедрены в практику официального документооборота. Например, на официальном сайте судов штата Юта в разделе разъяснений процедуры уголовных наказаний вместо «осужденный за совершение тяжкого преступления» (от англ. ‘convicted felon’) используется конструкция «лицо, признанное виновным в совершении преступления» (от англ. ‘person convicted of a crime’)⁶, что позволяет отделить правовой статус от идентичности человека. Департамент исправительных учреждений штата Вашингтон (от англ. ‘The Washington State Department of Corrections’, WADOC) в официальной документации использует термин «лицо, отбывающее наказание» (от англ. ‘incarcerated individual’) вместо стигматизирующего «заключенный» (от англ. ‘inmate’), что отражено в политике ведомства и на официальном сайте⁷. Кроме того,

⁵ Ellis, E. (2007). *An open letter to our friends on the question of language*. Center for NuLeadership on Urban Solutions. https://static1.squarespace.com/static/624def0f36d3686eb5ecc0f6/t/664981090c43a60377f756ef/1716093193147/Language+Letter+and+Overview_Center+NuLeadership_March+2023.pdf

⁶ Utah State Courts. *Need legal help? Criminal penalties*. Получено 3 февраля 2026 г., из <https://www.utcourts.gov/en/self-help/case-categories/criminal-justice/penalties.html>

⁷ Washington State Department of Corrections. *Definitions*. Получено 3 февраля 2026 г., из <https://doc.wa.gov/news/resources/definitions>

Таблица. Сравнительные примеры дегуманизирующих и гуманизирующих юридических терминов

Table. Comparative examples of dehumanising and humanising legal terms

Традиционные дегуманизирующие правовые термины	Гуманизирующие правовые термины
Преступник (от англ. 'Felon, Criminal, Offender')	Человек, совершивший преступление / Человек, обвиняемый / осужденный по уголовному делу (от англ. 'Person who committed a law breaking act; person involved in the criminal justice system')
Заклученный, арестант, зэк (от англ. 'Prisoner, Inmate, Convict')	Человек, находящийся в местах лишения свободы / Лицо, отбывающее наказание (от англ. 'Person who is incarcerated; person who experience incarceration; person in detention/jail/prison; person living in detention/jail/prison; person involved in, or experiencing the criminal justice system')
Бывший заключенный (от англ. 'Ex-con, Ex-offender')	Человек, вышедший из мест лишения свободы / Лицо, отбывшее наказание (от англ. 'Person who was in contact with, involved in, interacted with or experienced the criminal justice system; person with convictions; person who was formerly incarcerated')

Департамент ввел политику, обязывающую персонал обращаться к заключенным по именам, а не как к «правонарушителям»⁸.

Предлагаемый подход не является семантической игрой. Он отражает фундаментальную смену парадигмы: от восприятия человека как угрозы к восприятию его как члена общества, который столкнулся с трудностями, оступился и нуждается в поддержке для восстановления своей жизни. К. Mason, помощник генерального прокурора, глава управления Судебных программ Министерства Юстиции США (англ. 'U.S. Assistant Attorney General, head of the Office of Justice Programs, Department of Justice'), поясняя это решение следующим образом: «Все мы можем помочь им, отказавшись от бесполезных и уничижительных ярлыков, чтобы укрепить принципы индивидуального искупления и второго шанса, за которые ратует наше общество»⁹.

В 2019 г. Совет уполномоченных Сан-Франциско принял официальные руководящие принципы, призывающие все правовые структуры города использовать человекоориентированный язык в контексте уголовного правосудия¹⁰. Ведущие исследовательские центры, в частности Урбанистический институт (англ. 'Urban Institute'), опубликовали серию отчетов под названием «Люди прежде всего» (англ. 'People First'), призывая изменить язык, используемый

⁸ Lee, J. (2016, November 6). Washington state to stop calling prisoners 'offenders'. *Greenfield Recorder*. <https://www.recorder.com/2016/11/06/stop-calling-prisoners-offenders-5865694/>

⁹ Jackman, T. (2016, May 4). Guest Post: Justice Dept. agency to alter its terminology for released convicts, to ease reentry. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/news/true-crime/wp/2016/05/04/guest-post-justice-dept-to-alter-its-terminology-for-released-convicts-to-ease-reentry/>

¹⁰ Matier, P. (2019, August 11). SF Board of Supervisors sanitizes language of criminal justice system. *San Francisco Chronicle*. Получено 15 декабря 2025 г., из <https://www.sfchronicle.com/bayarea/philmatier/article/SF-Board-of-Supervisors-sanitizes-language-of-14292255.php>

в системе уголовного правосудия (La Vigne, 2016). Газета *The New York Times* в 2016 г. опубликовала редакционное заявление о том, что ярлыки вроде «фелон» (от англ. *'felon'* – преступник, совершивший тяжкое преступление») являются «несправедливым пожизненным приговором» и что редакция будет сознательно стремиться использовать более гуманную лексику¹¹. Аналогичные усилия были предприняты и в неправительственных организациях. Например, организация LINC, Inc.¹² прямо заявила в своих материалах, что они предоставляют программы и услуги «для лиц, вовлеченных в систему правосудия» (от англ. *'Justice-Involved Individuals'*), а не «для фелонов». Эта лексическая замена – не просто дань моде, а сознательная стратегия, направленная на повышение шансов на успешное трудоустройство, получение жилья и восстановление семейных связей, создание условий для построения стабильной и здоровой жизни, повышение уровня соблюдения законов, норм сообщества и условий надзора.

Указанные примеры демонстрируют действительную смену акцентов в отношении бывших заключенных. К эффективным кампаниям по снижению рецидивов была отнесена и инициатива *'Ban the box'* («Запретить галочку»). Принятая во многих штатах США, она запретила работодателям спрашивать о наличии уголовного прошлого на ранних этапах собеседования, чтобы кандидат мог заявить о своих навыках прежде, чем его оценят по стигматизирующему ярлыку. Результаты исследования М. Denver, J. T. Pickett, S. D. Bushway (Denver, Pickett, & Bushway, 2017) показывают, что подобные меры необходимы, поскольку сам процесс запроса информации об уголовном прошлом и его подтверждение соискателем работы неминуемо активируют отрицательное по отношению к нему предубеждение, что значительно снижает шансы трудоустройства с сопутствующим эффектом «социального изгоя», создавая мощный барьер для реинтеграции.

Задача описанных инициатив – не «очеловечивать» людей (они и так люди) (Cox, 2020), не выбрать, «чей стороны придерживаться» (Becker, 1963), а позволить человеку, уже искупившему свою вину перед обществом, вернуться к полноценной жизни без дополнительных лишений и страданий.

Движение за гуманизацию языка не остается без критики. Во-первых, некоторые исследователи (Namari, 2011), опираясь на скептицизм в отношении лингвистического детерминизма (идеи о том, что язык напрямую определяет мышление), утверждают, что смена терминов без реальных структурных изменений является «пустым жестом», который не меняет реального отношения к людям. Во-вторых, дебаты разворачиваются вокруг противопоставления человекоориентированного (англ. *'Person-first'*) и идентичностного (от англ. *'Identity-first'*) подходов. Последние выступают за утверждение своей идентичности как нормальной и ценной, а не как того, от чего нужно дистанцироваться (аналогично радикалам 1960–1970-х гг.). Подобные дискуссии ведутся в группе «Пенитенциарная криминология» (англ. *'Convict Criminology group'*), состоящей из людей с опытом заключения, студентов и ученых, специализирующихся на криминологии, уголовном праве, политологии¹³. Ее члены выступают за возвращение термина *'convict'* («осужденный») как утверждения своей уникальной идентичности, сформированной опытом тюремной жизни. В-третьих, серьезная критика исходит от исследователей, таких как R. W. Gilmore (Gilmore, 2008) и J. Kilgore¹⁴. Они предупреждают об опасности гуманистических

¹¹ Editorial Board. (2016, May 8). Labels like 'felon' are an unfair life sentence. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2016/05/08/opinion/sunday/labels-like-felon-are-an-unfair-life-sentence.html>

¹² LINC, Inc. *LINC: Leading into new communities*. Получено 15 января 2026 г., из <https://lincnc.org/>

¹³ Richards, S. C., Faggian, D., Roffers, J., Hendricksen, R., & Krueger, J. (2008). Convict criminology: Voices from prison. *Race/Ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts*, 2(1), 121–136. <https://muse.jhu.edu/article/252438>

¹⁴ Kilgore, J. (2014, June 6). Repackaging mass incarceration. *CounterPunch*. <https://www.counterpunch.org/2014/06/06/repackaging-mass-incarceration/>

реформ, когда обновленная риторика и «правильный» язык используются для приукрашивания пенитенциарной системы, а не для ее фундаментальной трансформации. Постройка новых, внешне более гуманных тюрем или использование «персонализированного» языка в отчетах может создать иллюзию прогресса, в то время как репрессивная суть системы остается неизменной. В этом свете язык может стать инструментом легитимации злоупотреблений, а не их преодоления.

Ограничения исследования

Следует подчеркнуть, что анализируемый опыт гуманизации языка формировался в рамках американской правовой традиции, характеризующейся высокой степенью влияния активистских движений на законодательную практику и относительной гибкостью юридической терминологии. Прямой перенос этих практик в европейскую, включая российскую, правовые системы сопряжен с рядом ограничений. Во-первых, в романо-германской и отечественной правовых традициях термины «осужденный», «подсудимый» и т. п. являются строгими процессуальными категориями, закрепленными в кодексах; их замена может создать коллизии в юридической технике и затруднить однозначную квалификацию процессуального статуса лица. Во-вторых, исторически сформированный культурный контекст восприятия пенитенциарного опыта может определять степень эффективности принятия гуманистических идей. Например, в России стигма заключения носит более глубокий характер вследствие советского наследия, где «судимость» являлась пожизненным статусом. В-третьих, необходимо учитывать потенциальные негативные эффекты тотального внедрения человекоориентированного языка, поскольку излишняя эвфемизация может затушевать степень тяжести противоправных деяний и подорвать доверие к системе правосудия со стороны жертв преступлений. В связи с этим представляется, что переход к гуманизирующему пенитенциарному дискурсу должен осуществляться поэтапно, с параллельной работой над изменением институциональных практик и общественных установок, а не ограничиваться формальной заменой терминов.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд ключевых выводов: 1) инициатива гуманизации языка имеет прочные научно обоснованные основания, определенные положениями теории навешивания ярлыков и концепцией стигматизации, эволюционировавших в признанную научную парадигму, подкрепленную статистически значимыми эмпирическими данными; 2) эффект стигмы не является универсальным, его влияние на человека с пенитенциарным опытом зависит от социального контекста, расовой принадлежности, пола, уровня «ставок в конформизме», что требует дифференцированного и персонализированного подхода к разработке и реализации реинтеграционных программ; 3) язык является не нейтральным инструментом дискурса, а мощным механизмом социального конструирования реальности, в том числе снижения уровня рецидива и повышения уровня эффективности ресоциализации людей после отбывания наказания в исправительных учреждениях.

Научный вклад настоящего исследования заключается в трех аспектах: 1) осуществлена системная интеграция разрозненных теоретических подходов (символического интеракционизма, теории навешивания ярлыков, концепции стигмы) в единую аналитическую модель, позволяющую проследить эволюцию от абстрактной «девиантной идентичности» к измеримым психологическим явлениям – «ожидаемой стигме» и интериоризации ярлыка; 2) впервые в русскоязычном академическом дискурсе проведена комплексная синтезация академических исследований, активистских манифестов, эмпирических данных, институциональных инициатив США в области гуманизации языка, что создает основу для постановки аналогичной

проблемы в российском контексте; 3) предложена критическая рефлексия относительно применимости опыта США, что позволяет избежать механического заимствования американской практики и способствует разработке контекстуально обоснованных решений.

На основании выводов тезисно обозначим возможные рекомендации.

Для государственных органов и законодательной власти – на уровне федерального и регионального законодательства следует рассмотреть возможность нормативного закрепления требования гуманизации языка в официальных документах, связанных с системой правосудия, пенитенциарной системой, программами по реабилитации. Возможны разработка и последующее внедрение определенного человекоориентированным подходом этического кодекса, поощряющего использование гуманизирующей правовой лексики в официальной переписке, публичных выступлениях и внутренней коммуникации. Обучение новым коммуникативным практикам, связанным с вопросами стигмы и гуманизирующего языка, должно стать частью профессиональной подготовки и переподготовки управленцев и сотрудников органов и организаций, осуществляющих в своей профессиональной деятельности работу с лицами с судимостью.

Для средств массовой информации и частного сектора – профессиональные ассоциации журналистов и редакции ведущих СМИ должны разработать и опубликовать этические руководства, запрещающие использование дегуманизирующих ярлыков при освещении тем, связанных с заключением. Неправительственные организации, работающие в сфере прав человека и реинтеграции, должны активно продвигать человекоориентированный подход в своих материалах, отчетах и публичных кампаниях.

Для научного сообщества – академические журналы в области криминологии, социологии, психологии и здравоохранения должны включить в «Инструкции для авторов» обязательные требования по использованию персонализированного, гуманизирующего языка. Рецензентам можно предложить активно выявлять и предлагать замену стигматизирующим терминам в рецензируемых статьях. Научные конференции должны включать в свои этические кодексы аналогичные нормы.

Гуманизация языка – это не риторический жест, а необходимое условие для построения справедливого и эффективного правосудия, которое не только изолирует, но и возвращает человека в общество; не только наказывает, но и уважает человеческое достоинство и создает реальные условия для второго шанса; не только опустошает и «отнимает дыхание»¹⁵, но и восстанавливает полноценную жизнь на основе прощения и признания «сложносочиненности» человеческой личности.

Список литературы

- Alexander, M. (2010). *The new Jim Crow: Mass incarceration in the age of colorblindness*. New Press.
- Ariès, P. (1991). *The hour of our death*. Oxford University Press.
- Bauman, R. A. (1996). *Crime and punishment in ancient Rome*. Routledge.
- Beattie, J. M. (1986). *Crime and the courts in England 1660–1800*. Princeton University Press.
- Becker, H. S. (1963). *Outsiders: Studies in the sociology of deviance*. Free Press.
- Bernburg, J. G., & Krohn, M. D. (2003). Labeling, life chances, and adult crime: The direct and indirect effects of official intervention in adolescence on crime in early adulthood. *Criminology*, 41(4), 1287–1318. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2003.tb01020.x>

¹⁵ Betts, R. D. (2020, August 7). *Confessions* [Blog post]. Daily Nutmeg. <https://dailynutmeg.com/blogs/blog/reginald-dwayne-betts-summer-reading-month-excerpt-felon-confessions>

- Bos, A. E. R., Pryor, J. B., Reeder, G. D., & Stutterheim, S. E. (2013). Stigma: Advances in theory and research. *Basic and Applied Social Psychology*, 35, 1–9. <https://doi.org/10.1080/01973533.2012.746147>
- Chiricos, T., Barrick, K., Bales, W., & Bontrager, S. (2007). The labeling of convicted felons and its consequences for recidivism. *Criminology*, 45(3), 547–581. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2007.00089.x>
- Clow, K. A., Ricciardelli, R., & Cain, T. L. (2012). Stigma-by-association: Prejudicial effects of the prison experience for offenders and exonerees. In D. W. Russell & C. A. Russell (Eds.), *The psychology of prejudice: Interdisciplinary perspectives on contemporary issues* (pp. 127–154). Nova Science Publishers.
- Corrigan, P. W., Larson, J. E., & Rüsch, N. (2009). Self-stigma and the "Why try" effect: Impact on life goals and evidence-based practices. *World Psychiatry*, 8(2), 75–81. <https://doi.org/10.1002/j.2051-5545.2009.tb00218.x>
- Cox, A. (2020). The language of incarceration. *Incarceration*, 1(1), 1–13. <https://doi.org/10.1177/2632666320940859>
- Denver, M., Pickett, J. T., & Bushway, S. D. (2017). The language of stigmatization and the mark of violence: Experimental evidence on the social construction and use of criminal record stigma. *Criminology*, 55(3), 664–690. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12145>
- Des Forges, A. (1999). *"Leave none to tell the story": Genocide in Rwanda*. Human Rights Watch.
- Gilmore, R. W. (2008). Forgotten places and the seeds of grassroots planning. In C. R. Hale (Ed.), *Engaging contradictions: Theory, politics, and methods of activist scholarship* (pp. 31–61). University of California Press. <https://cultivatingalternatives.com/2012/10/24/forgotten-place-and-the-seeds-of-grassroots-planning-ruth-wilson-gilmore/>
- Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Prentice-Hall.
- Haas, A. A. (2019). *The artistic evolution of Japanese tattoo culture*.
- Hamari, H. (2011). Political correctness, euphemism, and language change: The case of 'people first'. *Journal of Pragmatics*, 43(3), 828–840. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.09.016>
- Hawthorne, N. (1878). *The scarlet letter*. James R. Osgood and Company. <https://archive.org/details/scarletletter00hawt/page/n9/mode/2up>
- Herbert, U. (2003). *National Socialist extermination policies: Contemporary German perspectives and controversies* (Vol. 2). Berghahn Books.
- Hirschfield, P. J., & Piquero, A. R. (2010). Normalization and legitimation: Modeling stigmatizing attitudes toward ex-offenders. *Criminology*, 48(1), 27–55. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2010.00179.x>
- Jensen, G.F. (2006). Labeling and identity. *Criminology*, 18(1), 121–129.
- Keene, D. E., Smoyer, A. B., & Blankenship, K. M. (2018). Stigma, housing and identity after prison. *The Sociological Review*, 66(4), 799–815. <https://doi.org/10.1177/0038026118777447>
- Kershaw, I. (2016). *Hitler: 1889-1936: Hubris*. W. W. Norton & Company.
- Kirk, D. S., & Sampson, R. J. (2013). Juvenile arrest and collateral educational damage in the transition to adulthood. *Sociology of Education*, 86(1), 36–62. <https://doi.org/10.1177/0038040712448862>
- La Vigne, N. (2016, April 4). *People first: Changing the way we talk about those touched by the criminal justice system*. Urban Institute. <https://justiceroundtable.org/news-item/people-first-changing-the-way-we-talk-about-those-touched-by-the-criminal-justice-system/>
- LeBel, T. P. (2012). Invisible Stripes? Formerly Incarcerated Persons' Perceptions of Stigma. *Deviant Behavior*, 33(2), 89–107. <https://doi.org/10.1080/01639625.2010.538365>
- Lemert, E. (1951). *Social pathology: A systematic approach to the theory of sociopathic behavior*. McGraw Hill.

- Link, B. G., & Phelan, J. C. (2001). Conceptualizing stigma. *Annual Review of Sociology*, 27, 363–385. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>
- Marable, M., & Mullings, L. (2009). *Let nobody turn us around: Voices of resistance, reform and renewal: An African American anthology*. Rowman & Littlefield.
- Matsueda, R. L. (1992). Reflected appraisal, parental labeling, and delinquency: Specifying a symbolic interactionist theory. *American Journal of Sociology*, 97(6), 1577–1611. <https://doi.org/10.1086/229940>
- McGuire, W. J. (1961). Resistance to persuasion conferred by active and passive prior refutation of same and alternative counterarguments. *Journal of Abnormal Psychology*, 63(2), 326–332. <https://doi.org/10.1037/h0048344>
- Mead, G. H. (1913). The social self. *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 10(14), 374–380. <https://doi.org/10.2307/2012910>
- Moore, K. E., Stuewig, J. B., & Tangney, J. P. (2016). The effect of stigma on criminal offenders' functioning: A longitudinal mediational model. *Deviant Behavior*, 37(2), 196–218. <https://doi.org/10.1080/01639625.2014.1004035>
- Nemeroff, C., & Rozin, P. (2000). The makings of the magical mind: The nature and function of sympathetic magical thinking. In K. S. Rosengren, C. N. Johnson, & P. L. Harris (Eds.), *Imagining the impossible: Magical, scientific, and religious thinking in children* (pp. 1–34). Cambridge University Press.
- Nemeroff, C. J., & Rozin, P. (1994). The contagion concept in adult thinking in the United States: Transmission of germs and of interpersonal influence. *Ethos*, 22(2), 158–186. <https://doi.org/10.1525/eth.1994.22.2.02a00020>
- Pager, D. (2003). The mark of a criminal record. *American Journal of Sociology*, 108(5), 937–975. <https://doi.org/10.1086/374403>
- Paternoster, R., & Iovanni, L. (1989). The Labeling perspective and delinquency: An elaboration of the theory and an assessment of the evidence. *Justice Quarterly*, 6(3), 359–394. <https://doi.org/10.1080/07418828900090261>
- Radelet, M. (2017). *The history of the death penalty in Colorado*. University Press of Colorado.
- Tannenbaum, F. (1951). *Crime and the community*. Columbia University Press.
- Tittle, C. R. (1975). Deterrents or Labeling? *Social Forces*, 53(3), 399–410. <https://doi.org/10.2307/2576582>
- Tran, N. T., Baggio, S., Dawson, A., et al. (2018). Words matter: A call for humanizing and respectful language to describe people who experience incarceration. *BMC International Health and Human Rights*, 18, Article 41. <https://doi.org/10.1186/s12914-018-0180-4>
- Tyler, I. (2020). *Stigma: The machinery of inequality*. CPI Group.
- Westervelt, S. D., & Cook, K. J. (2008). Coping with innocence after death row. *Contexts*, 7(4), 32–37. <https://doi.org/10.1525/ctx.2008.7.4.32>
- Winnick, T. A., & Bodkin, M. (2008). Anticipated stigma and stigma management among those to be labeled “Ex-con.” *Deviant Behavior*, 29(4), 295–333. <https://doi.org/10.1080/01639620701588081>

References

- Alexander, M. (2010). *The new Jim Crow: Mass incarceration in the age of colorblindness*. New Press.
- Ariès, P. (1991). *The hour of our death*. Oxford University Press.
- Bauman, R. A. (1996). *Crime and punishment in ancient Rome*. Routledge.
- Beattie, J. M. (1986). *Crime and the courts in England 1660–1800*. Princeton University Press.
- Becker, H. S. (1963). *Outsiders: Studies in the sociology of deviance*. Free Press.
- Bernburg, J. G., & Krohn, M. D. (2003). Labeling, life chances, and adult crime: The direct and indirect

- effects of official intervention in adolescence on crime in early adulthood. *Criminology*, 41(4), 1287–1318. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2003.tb01020.x>
- Bos, A. E. R., Pryor, J. B., Reeder, G. D., & Stutterheim, S. E. (2013). Stigma: Advances in theory and research. *Basic and Applied Social Psychology*, 35, 1–9. <https://doi.org/10.1080/01973533.2012.746147>
- Chiricos, T., Barrick, K., Bales, W., & Bontrager, S. (2007). The labeling of convicted felons and its consequences for recidivism. *Criminology*, 45(3), 547–581. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2007.00089.x>
- Clow, K. A., Ricciardelli, R., & Cain, T. L. (2012). Stigma-by-association: Prejudicial effects of the prison experience for offenders and exonerees. In D. W. Russell & C. A. Russell (Eds.), *The psychology of prejudice: Interdisciplinary perspectives on contemporary issues* (pp. 127–154). Nova Science Publishers.
- Corrigan, P. W., Larson, J. E., & Rüsçh, N. (2009). Self-stigma and the "Why try" effect: Impact on life goals and evidence-based practices. *World Psychiatry*, 8(2), 75–81. <https://doi.org/10.1002/j.2051-5545.2009.tb00218.x>
- Cox, A. (2020). The language of incarceration. *Incarceration*, 1(1), 1–13. <https://doi.org/10.1177/2632666320940859>
- Denver, M., Pickett, J. T., & Bushway, S. D. (2017). The language of stigmatization and the mark of violence: Experimental evidence on the social construction and use of criminal record stigma. *Criminology*, 55(3), 664–690. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12145>
- Des Forges, A. (1999). *"Leave none to tell the story": Genocide in Rwanda*. Human Rights Watch.
- Gilmore, R. W. (2008). Forgotten places and the seeds of grassroots planning. In C. R. Hale (Ed.), *Engaging contradictions: Theory, politics, and methods of activist scholarship* (pp. 31–61). University of California Press. <https://cultivatingalternatives.com/2012/10/24/forgotten-place-and-the-seeds-of-grassroots-planning-ruth-wilson-gilmore/>
- Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Prentice-Hall.
- Haas, A. A. (2019). *The artistic evolution of Japanese tattoo culture*.
- Hamari, H. (2011). Political correctness, euphemism, and language change: The case of 'people first'. *Journal of Pragmatics*, 43(3), 828–840. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.09.016>
- Hawthorne, N. (1878). *The scarlet letter*. James R. Osgood and Company. <https://archive.org/details/scarletletter00hawt/page/n9/mode/2up>
- Herbert, U. (2003). *National Socialist extermination policies: Contemporary German perspectives and controversies* (Vol. 2). Berghahn Books.
- Hirschfield, P. J., & Piquero, A. R. (2010). Normalization and legitimation: Modeling stigmatizing attitudes toward ex-offenders. *Criminology*, 48(1), 27–55. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2010.00179.x>
- Jensen, G.F. (2006). Labeling and identity. *Criminology*, 18(1), 121–129.
- Keene, D. E., Smoyer, A. B., & Blankenship, K. M. (2018). Stigma, housing and identity after prison. *The Sociological Review*, 66(4), 799–815. <https://doi.org/10.1177/0038026118777447>
- Kershaw, I. (2016). *Hitler: 1889-1936: Hubris*. W. W. Norton & Company.
- Kirk, D. S., & Sampson, R. J. (2013). Juvenile arrest and collateral educational damage in the transition to adulthood. *Sociology of Education*, 86(1), 36–62. <https://doi.org/10.1177/0038040712448862>
- La Vigne, N. (2016, April 4). *People first: Changing the way we talk about those touched by the criminal justice system*. Urban Institute. <https://justiceroundtable.org/news-item/people-first-changing-the-way-we-talk-about-those-touched-by-the-criminal-justice-system/>
- LeBel, T. P. (2012). Invisible Stripes? Formerly Incarcerated Persons' Perceptions of Stigma. *Deviant Behavior*, 33(2), 89–107. <https://doi.org/10.1080/01639625.2010.538365>

- Lemert, E. (1951). *Social pathology: A systematic approach to the theory of sociopathic behavior*. McGraw Hill.
- Link, B. G., & Phelan, J. C. (2001). Conceptualizing stigma. *Annual Review of Sociology*, 27, 363–385. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>
- Marable, M., & Mullings, L. (2009). *Let nobody turn us around: Voices of resistance, reform and renewal: An African American anthology*. Rowman & Littlefield.
- Matsueda, R. L. (1992). Reflected appraisal, parental labeling, and delinquency: Specifying a symbolic interactionist theory. *American Journal of Sociology*, 97(6), 1577–1611. <https://doi.org/10.1086/229940>
- McGuire, W. J. (1961). Resistance to persuasion conferred by active and passive prior refutation of same and alternative counterarguments. *Journal of Abnormal Psychology*, 63(2), 326–332. <https://doi.org/10.1037/h0048344>
- Mead, G. H. (1913). The social self. *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 10(14), 374–380. <https://doi.org/10.2307/2012910>
- Moore, K. E., Stuewig, J. B., & Tangney, J. P. (2016). The effect of stigma on criminal offenders' functioning: A longitudinal mediational model. *Deviant Behavior*, 37(2), 196–218. <https://doi.org/10.1080/01639625.2014.1004035>
- Nemeroff, C., & Rozin, P. (2000). The makings of the magical mind: The nature and function of sympathetic magical thinking. In K. S. Rosengren, C. N. Johnson, & P. L. Harris (Eds.), *Imagining the impossible: Magical, scientific, and religious thinking in children* (pp. 1–34). Cambridge University Press.
- Nemeroff, C. J., & Rozin, P. (1994). The contagion concept in adult thinking in the United States: Transmission of germs and of interpersonal influence. *Ethos*, 22(2), 158–186. <https://doi.org/10.1525/eth.1994.22.2.02a00020>
- Pager, D. (2003). The mark of a criminal record. *American Journal of Sociology*, 108(5), 937–975. <https://doi.org/10.1086/374403>
- Paternoster, R., & Iovanni, L. (1989). The Labeling perspective and delinquency: An elaboration of the theory and an assessment of the evidence. *Justice Quarterly*, 6(3), 359–394. <https://doi.org/10.1080/07418828900090261>
- Radelet, M. (2017). *The history of the death penalty in Colorado*. University Press of Colorado.
- Tannenbaum, F. (1951). *Crime and the community*. Columbia University Press.
- Tittle, C. R. (1975). Deterrents or Labeling? *Social Forces*, 53(3), 399–410. <https://doi.org/10.2307/2576582>
- Tran, N. T., Baggio, S., Dawson, A., et al. (2018). Words matter: A call for humanizing and respectful language to describe people who experience incarceration. *BMC International Health and Human Rights*, 18, Article 41. <https://doi.org/10.1186/s12914-018-0180-4>
- Tyler, I. (2020). *Stigma: The machinery of inequality*. CPI Group.
- Westervelt, S. D., & Cook, K. J. (2008). Coping with innocence after death row. *Contexts*, 7(4), 32–37. <https://doi.org/10.1525/ctx.2008.7.4.32>
- Winnick, T. A., & Bodkin, M. (2008). Anticipated stigma and stigma management among those to be labeled “Ex-con.” *Deviant Behavior*, 29(4), 295–333. <https://doi.org/10.1080/01639620701588081>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Хисматулина – доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия), кандидат педагогических наук.

About the author

Natalya V. Khismatulina – Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Saint Petersburg, Russia), Cand. Sci. (Pedag.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 20.01.2026

Одобрена после рецензирования 07.02.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted January 20, 2026

Approved after reviewing February 07, 2026

Accepted April 28, 2026

УДК 37.017.93

The value and integration practice of traditional Chinese family culture in the team education of law enforcement agencies

Shi Xuemei

Shanghai Police College
(Shanghai, China)
glister90@hotmail.com

Abstract

As a pivotal pillar of Chinese civilization, traditional Chinese family culture embodies profound and abundant connotations. In the context of the new era, how to creatively transform this profound cultural resource into an effective carrier for the team education of law enforcement agencies has emerged as a crucial issue in advancing the modernization of law enforcement team construction. Based on a comprehensive methodology combining literature research, field investigation and case study, this paper delves into the ideological implications of fine traditional Chinese family culture and probes into practical paths for its integration with the educational work of law enforcement agencies. The study concludes that traditional Chinese family culture is of great theoretical value and practical significance in consolidating the ideological foundation of law enforcement contingents and cultivating law enforcement teams that are loyal and incorruptible, strict in law enforcement and united in cooperation.

Keywords

traditional chinese family culture, law enforcement agencies, team education, family style, family precepts, family rituals, integrity education, team cohesion, governance of virtue

For citation: Shi, X. (2026). The value and integration practice of traditional Chinese family culture in the team education of law enforcement agencies. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 34–44.

Оригинальная статья

Ценность и практика интеграции традиционной китайской семейной культуры в процессе воспитания коллектива сотрудников правоохранительных органов

Ши Сюэмэй

Шанхайский полицейский колледж
(Шанхай, Китай)
glister90@hotmail.com

Аннотация

Традиционная китайская семейная культура – это важный элемент китайской цивилизации, который хранит в себе множество глубоких и многогранных смыслов. В контексте новой эпохи вопрос о том, как творчески преобразовать этот богатый культурный ресурс в эффективный инструмент для командного обучения сотрудников правоохранительных органов, стал одним из ключевых в процессе модернизации правоохранительных органов. В данной статье подробно рассматриваются идеологические аспекты традиционной китайской семейной культуры и предлагаются практические пути ее интеграции в командное образование правоохранительных органов. Статья имеет важное теоретическое и практическое значение для укрепления идеологии правоохранительных органов и повышения их сплоченности и боевой эффективности.

Ключевые слова

традиционная китайская семейная культура, правоохранительные органы, коллективное воспитание, семейный подход, семейные устои, семейные традиции, воспитание честности, сплоченность коллектива, воспитание добродетели

Для цитирования: Ши, С. (2026). Ценность и практика интеграции традиционной китайской семейной культуры в процессе воспитания коллектива сотрудников правоохранительных органов. *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 34–44.

Family culture, as an indispensable component of traditional Chinese culture, has undergone thousands of years of evolution and becomes deeply ingrained in the blood of the Chinese nation, serving as a vital spiritual driving force that sustains the nation's prosperity and ensures the inheritance of its cultural heritage. For the Chinese people, family-related elements such as family style, family precepts, family education, family rituals, and family learning hold profound significance. The family is not only the starting point where individuals cultivate their moral character and develop standardized behaviors but also the origin and foundation of social education (Chen & Chen, 2022). General Secretary Xi Jinping has emphasized the importance of “valuing families, family education, and family style” on multiple occasions, stating that “only when every family thrives can the country and the nation prosper.” In today's complex international and domestic landscape, strengthening the team education of law enforcement agencies requires drawing nourishment from China's rich cultural heritage. It is essential to nurture positive energy within the team through excellent traditional national culture, forge a law enforcement team that is loyal to the country, dedicated to serving the people, committed to impartial law enforcement, and disciplined with strict standards, thereby enabling the team to effectively fulfill the sacred duties and glorious missions of law enforcement personnel.

1. Connotative Characteristics and Contemporary Value of Traditional Chinese Family Culture

1.1. Core Value Connotations of Family Culture

The concept of “family” in traditional Chinese context initially referred to both a residential space and a family unit, and it also represented the smallest social organization composed of blood relatives who owned a certain amount of private property. From the perspective of clans, ancient Chinese people often used “family” to denote their affiliated clan or the clan power behind them. From a historical standpoint, with the establishment of the enfeoffment system during the Western Zhou Dynasty, “family” gradually took on the meaning of a fief and the political authority exercised within that fief. This meaning further extended to represent state power, ultimately shaping the unique social structure of “homology between family and state” in traditional Chinese society.

Based on the genealogical relationships and social structure of the traditional patriarchal group's “homology between family and state,” Confucianism constructed a governance philosophy of

“governing the individual and the state with the same principles.” This philosophy takes “benevolence as love for others” as its spiritual core and follows the logical framework of “cultivating one’s moral character, regulating the family, governing the state, and pacifying the world.” The idea of “governing the individual and the state with the same principles” aligns with the concept of “achieving breadth while delving into details” (from “The Great Learning and The Doctrine of the Mean”). Among these, “delving into details” refers to the personal cultivation efforts of gaining knowledge, maintaining sincerity, and fostering integrity; “achieving breadth” refers to the practical achievements of caring for the people and showing compassion to others. Through the sequence of “investigating things to extend knowledge, being sincere in one’s intentions, rectifying one’s mind, cultivating one’s moral character, regulating the family, governing the state, and pacifying the world,” Confucianism outlined an optimal path for moral practice—taking the self-improvement of personal morality as the starting point for self-correction, and regarding “regulating the family, governing the state, and pacifying the world” as the process and ultimate goal of moral practice.

Within the system of “homology between family and state” and “governing the individual and the state with the same principles,” the “family” was entrusted with the functions of social education and the responsibilities of self-governance, thus occupying a unique cultural position in Chinese society. The concept that “the family is the smallest unit of the state, and the state is the largest form of the family” embodies the value orientation of filial piety, fraternity, and benevolence among individuals. It represents a process of moral sublimation for an individual: breaking through the boundaries of family kinship, starting with “cultivating oneself in solitude” and advancing to “contributing to the well-being of all.” Precisely due to the ethical concepts and beliefs centered on the “family,” family culture—with genealogies, family styles, family learning, family rules, and family precepts as its main carriers—has carried forward China’s governance principles, attitudes, beliefs, virtues, and feelings of attachment to family and country for thousands of years. It has formed the traditional Chinese culture of governing by virtue, which adheres to the logic of “the state is based on families, families are based on individuals, individuals are based on virtue, and virtue is based on filial piety.” This culture has nurtured fine family styles, shaped China into a “nation of ceremonies,” and become the deep-seated gene that sustains the continuous development and inheritance of Chinese civilization.

1.2. Contemporary Value and Functions of Family Culture

Although the modern era differs significantly from traditional society, the family remains the basic cell of society regardless of how times change. Parents are the first teachers of their children, and the family serves as a crucial bridge connecting individuals to society and the state.

In a modern society governed by the rule of law, laws define the bottom line of human behavior and represent “the minimum standard of morality,” characterized by universality and enforceability. In contrast, morality guides people to pursue higher levels of kindness and self-improvement, and the governance based on virtue is a flexible approach of “transforming people through virtue.” Passed down from generation to generation, family culture enables individuals to receive subtle education within the family environment. Family precepts, family rituals, and family styles guide family members to consciously inherit traditional Chinese family virtues. Whether it is family ethics such as “kindness between parents and children, righteousness between husbands and wives, fraternity between brothers, and harmony in managing the family,” or personal moral cultivation such as “respecting the elderly and caring for the young, being honest and trustworthy, diligent and thrifty, maintaining integrity, and helping those in need,” all play a vital role in purifying social customs, building a harmonious and stable society, and serve as important cultural resources for the construction of social spiritual civilization in the present day.

From “filial piety toward parents” to “loyalty to the country,” from “family rituals and rules” to “social norms,” and from “regulating the family” to “governing the state,” family culture guides

individuals to extend their sense of responsibility toward the family to a sense of mission for the rise and fall of the country. In this way, it cultivates people's feelings of attachment to family and country, promotes the development of collectivism and patriotism, and nurtures the Chinese nation's broad-minded sentiment of "everyone is responsible for the rise and fall of the country."

Furthermore, through the sense of community embedded in the "family," family culture strengthens the bonds among family members, organizational members, and social members. The ideology of "sharing honor and disgrace, and standing together through thick and thin" in family culture provides members with strong psychological support and motivation, thereby enhancing the resilience of individuals and even the entire society in resisting risks.

Therefore, traditional Chinese family culture still holds significant value in modern society and serves as the cornerstone for fostering social ethics and morality and maintaining the stable development of society.

2. Inherent Compatibility Between Traditional Family Culture and the Team Education of Law Enforcement Agencies

Through an in-depth analysis of the connotative value and contemporary significance of family culture, it is not difficult to find that family culture is highly consistent with the construction goals and content of law enforcement agencies. In other words, the education of law enforcement teams inherently bears the spiritual imprint of traditional family culture.

2.1. Unified Value Concepts

Traditional Chinese family culture and the team education of law enforcement agencies share a high degree of unity and compatibility in terms of value concepts. The values advocated by traditional family culture—such as filial piety, fraternity, loyalty, trustworthiness, propriety, righteousness, integrity, and shame—naturally align with the requirements imposed on law enforcement teams, including loyalty, integrity, care for the people, and impartiality.

As stated in "The Analects of Confucius-Xue Er", "He who is filial to his parents and fraternal to his brothers is rarely inclined to offend his superiors;... Filial piety and fraternity are the roots of benevolence." A person who shows filial piety to his parents at home is unlikely to act against his superiors or engage in rebellious behavior. Ancient sages held the view that "a gentleman who serves his parents with filial piety can transfer this filial devotion to loyalty toward the monarch" and that "one should first love one's relatives and then extend this love to all people." The sublimation from "filial piety" to "loyalty"—from loving one's parents to loving the people and the country—is the core content of family education. This is highly consistent with the requirement that law enforcement teams must be loyal to the country and the people, as both emphasize the importance of loyal character and value pursuit.

Family precepts, as the carrier of family education, cover a wide range of content. When educating their children to cultivate virtue and establish a proper life, ancient people generally focused on values such as "keeping oneself clean and upright, performing official duties with integrity, and being indifferent to fame and fortune." Zhuge Liang, in his "Admonition to My Son", wrote, "Cultivate your moral character through tranquility, and nourish your virtue through frugality. Only by being indifferent to fame and fortune can you clarify your aspirations; only by maintaining peace and quiet can you achieve distant goals." Zhuge Liang himself was self-disciplined, dedicated to public service, and committed to fulfilling his duties with utmost devotion. He taught his children to control their desires, avoid extravagance, and uphold integrity. This is fully consistent with the requirement that law enforcement personnel must maintain integrity and uprightness.

Family rituals emphasize the normative role of "propriety," featuring the solemnity of ceremonial procedures, the educational significance of etiquette, and the standardization of institutional

arrangements (Chen & Chen, 2022). Family rules attach great importance to norms and laws, with mandatory characteristics, aiming to stabilize family order and promote family self-governance. As the saying goes, “A country has its national laws, and a family has its family rules.” Although family rituals and family rules have a “private” nature, they constitute the foundation of the social normative system. Their fundamental purpose is consistent with the strict requirements of law enforcement agencies for internal standardization and discipline, as both emphasize the importance of disciplinary constraints and standardized management.

2.2. Complementary Cultural Functions

The functions of traditional family culture – such as uniting people, inheriting morality, and regulating behavior – form a favorable complementary relationship with the role of team education in law enforcement agencies.

First, in terms of uniting people: Traditional family culture, with blood and kinship as its bond, can strengthen the emotional connection and sense of belonging among family members. For law enforcement agencies, by clarifying a common vision, creating a “family-like” atmosphere, and emphasizing the concepts of “benevolence and mutual assistance” contained in family culture, they can extend the scope of “family” from blood-related families to the “big family” of the organization. This helps form a cohesive force characterized by “being one family, working as one team, and sharing one heart,” thereby enhancing law enforcement personnel’s sense of belonging to the organization and strengthening the spirit of unity and cooperation among team members.

Second, in terms of moral education: Traditional family culture realizes the moral education of family members and the standardization of their behaviors through carriers such as family precepts, family rituals, and family styles. These cultural elements not only provide rich cultural resources for the team education of law enforcement agencies but also inspire law enforcement agencies to adopt diverse and distinctive educational methods. For example, by drawing on the forms of family precepts, law enforcement agencies can develop educational materials that are more in line with the cognitive habits of law enforcement personnel, making team education more vivid and effective.

Third, in terms of regulating behavior: Law enforcement agencies have clear legal and regulatory requirements for the behavioral norms of their members. However, they can also learn from the institutional forms of family rules and clan regulations, using them as supplements to disciplinary provisions according to specific times and local conditions. In some cases, law enforcement agencies may even set higher standards and stricter disciplinary requirements based on these traditional institutional experiences. This enables team members to consciously and proactively restrain and standardize their behaviors in a positive organizational atmosphere.

Fourth, in terms of inheritance and continuity: Family culture is passed down from generation to generation, ensuring the continuity of family values and behavioral patterns. Similarly, law enforcement agencies should also focus on condensing organizational culture, organizational style, and organizational norms, and strive to inherit and carry forward fine traditions and styles. This helps maintain the internal consistency and durability of the team’s ideological and behavioral norms, ensuring that the excellent qualities of the law enforcement team are passed on continuously.

2.3. Interconnected Practical Paths

The practical paths of traditional family culture are interconnected with the methods and means of team education in law enforcement agencies. Traditional family culture emphasizes the progressive practical path of “cultivating one’s moral character, regulating the family, governing the state, and pacifying the world,” which is highly consistent with the work logic of team education in law

enforcement agencies – from strengthening personal cultivation to promoting team construction, and finally to serving society.

For law enforcement agencies, team education first focuses on the personal cultivation of team members. Through activities such as theory learning and ideological education, it helps improve the ideological realm and moral level of law enforcement personnel, laying a solid foundation for their professional development. Second, similar to the way families attach importance to harmony and stability, law enforcement agencies also need to create a harmonious organizational atmosphere. This includes resolving conflicts between team members in a timely manner, promoting mutual understanding and support, and enhancing the cohesion and combat effectiveness of the team. Finally, as an important force for safeguarding national security and social stability, law enforcement agencies bear the responsibility of serving the people and contributing to social development. This is highly consistent with the spirit of “concern for the people and dedication to public service” advocated by family culture, as both emphasize the sense of responsibility and mission toward society and the people.

3. Integration Practice of Traditional Family Culture in the Team Education of Law Enforcement Agencies

Taking the core characteristics of traditional family culture as the link, law enforcement agencies can integrate concepts such as “family affection, responsibility, and inheritance” into all aspects of team education. Guided by the principles of “warm emotions, precise management, and lofty spirit,” they can inject the power of excellent traditional culture into team education, thereby enhancing the effectiveness of team education. This kind of integration is not a simple cultural superimposition, but an in-depth penetration based on inherent compatibility. It needs to be promoted systematically from three dimensions – system, culture, and methods – to build a comprehensive, multi-level, and regular integration system.

3.1. Institutional Integration: Embedding Family Governance Concepts into the Team Education System

The concept of “cultivating one's moral character and managing the family well” in traditional family culture is inherently compatible with the system construction of team education in law enforcement agencies. Embedding the spiritual core of family culture into the team education system can not only enrich the cultural connotation of the system but also enhance the implementation efficiency of the system.

First, promoting integrity through family support and nurturing good work styles with fine family styles. Systems are rigid regulations, while family style is a flexible constraint. The family is the first line of defense for integrity and self-discipline. The idea of “governing the family with integrity” in traditional family culture provides an important reference for the construction of a clean government system in law enforcement agencies. General Secretary Xi Jinping has delivered a series of important speeches on the family integrity culture of Party members and cadres, pointing out that “we should attach great importance to the construction of family style, cultivate integrity in personal conduct, and manage the family with integrity.” The *Code of Conduct for Integrity and Self-Discipline of the Communist Party of China* lists “upholding integrity in family governance” as a key part of the self-discipline standards for Party members in leading positions, providing a clear policy basis for institutional design. For law enforcement agencies, on the one hand, they should guide Party members and cadres to practice integrity and self-discipline within their families, set an example through their words and deeds, and drive the formation of fine family styles. On the other hand, they should give play to the exemplary and leading role of Party members and cadres within the organization, encouraging them to take the lead in advocating good customs and nurturing a positive work style among all team members.

Meanwhile carrying out regular home visits and establishing a three-level home visit responsibility system consisting of “key members, team leaders, and department heads.” Through face-to-face communication with law enforcement personnel and their families, and in a relaxed “casual chat” manner, law enforcement agencies can gain a deep understanding of the ideological dynamics, physical conditions, family difficulties, and actual needs of law enforcement personnel. They can also listen carefully to the opinions and suggestions of family members, sort out and implement feasible measures in a timely manner. This institutionalized home visit mechanism not only uses family culture to nurture the atmosphere of integrity and care for the people but also explores a new path for integrity education in law enforcement agencies. In addition, law enforcement agencies should regularly invite the family members of law enforcement personnel to watch warning education videos, study warning education materials, and visit integrity education bases. This helps guide family members to play the role of “good partners in life” and “assistants in maintaining integrity,” forming a joint force for integrity construction between the organization and families.

Second, digging deep into the connotations of traditional family culture and embedding them into the team management system. The well-known family education concepts and family rules in Chinese history not only leave a precious spiritual heritage for the construction of modern culture but also provide useful enlightenment for the team education work of law enforcement agencies through their educational methods, communication approaches, and far-reaching influences. Law enforcement agencies should carefully study the content of traditional family precepts and family rules, extract the ideological essence of “loyalty, filial piety, integrity, and diligence” from classic works such as “Yan’s Family Instructions” and “Zhu’s Family Instructions”, combine them with the actual needs of team education in law enforcement agencies, and incorporate these excellent cultural elements into the team management system.

A typical example is the Zhengzhai Police Station in Pujiang County, Zhejiang Province. Combining with local regional culture, the police station draws on the profound family culture of the millennium-old “Zheng Yimen” (the Zheng family) in its jurisdiction. It deeply explores the connotations of the “Zheng Family Rules,” with a particular focus on the concept of “upholding integrity.” This concept is integrated into the daily management system of the police station. For newly recruited police officers and auxiliary police, the first stop of their induction training is to visit the local integrity culture museum, where they listen to stories of “173 officials from the Zheng family without any corruption” and deeply implant the idea of “being honest and upright in police work.” In addition, the police station regularly organizes police officers and auxiliary police to visit the integrity education museum in the jurisdiction and the ancestral hall of “the First Family in the South of the Yangtze River” (the Zheng family). During these visits, they learn about the family precepts of the Zheng family regarding “being honest and upright in performing official duties.” This practice has created a clean and upright working environment within the police station, fully demonstrating the positive role of family culture in team management.

3.2. Cultural Integration: Cultivating the Team Ecosystem Through the Construction of Organizational “Family Style”

The “family style” of an organization is the core embodiment of the organizational culture of law enforcement agencies and an important carrier for uniting team forces and nurturing the team ecosystem. Law enforcement agencies should learn from the role of emotional bonds in traditional family culture, build an organizational culture with a sense of belonging and identity, and let law enforcement personnel improve their ideological realm and enhance their collective sense of honor in a “family-like” atmosphere.

First, integrating family elements and creating a family-like organizational environment. In the construction of organizational culture, law enforcement agencies can upgrade and transform their

software and hardware facilities to create a warm and harmonious “family-like” environment. For example, adding psychological counseling rooms equipped with professional psychologists to provide one-on-one psychological counseling, group counseling and other services, helping law enforcement personnel relieve work pressure and regulate emotions, making the organization a spiritual harbor like a family where people can listen to their voices and solve their difficulties. Build a “family culture” themed corridor and leisure space to display the family rules and precepts of organizational members, their work silhouettes, family photos, family members’ messages, and works of art such as paintings, calligraphy, and photography by members and their family members. Equip with sofas, coffee tables, books, green plants, etc., for law enforcement personnel to rest and communicate, making the organization the “second home” of law enforcement personnel and strengthening their sense of belonging and identity. Set up “love stations” to provide emergency medicines, umbrellas, power banks and other items for the convenience of law enforcement personnel and their families.

Second, building a fine organizational “family style” and nurturing positive energy within the team. Law enforcement agencies should foster core values such as loyalty, honesty, impartiality, seeking truth from facts, and integrity, and build a “growth home” for law enforcement personnel. Through a variety of learning activities (such as lectures on traditional family culture), educational programs (such as themed Party classes combining family virtues and team education), and management measures (such as evaluating team members based on both professional performance and moral conduct), the values advocated by traditional family culture can be fully recognized, accepted, and supported by all team members. These values will then subtly integrate into the daily work, study, and life habits of law enforcement personnel, promoting their ideological growth and moral improvement.

Establishing a democratic, equal, harmonious, and respectful internal organizational relationship, and building a “warm home” for law enforcement personnel. As the saying goes, “Where the family is, the affection lies.” The relationship between members of the organizational “big family” should not be a rigid superior-subordinate administrative relationship, but a comradely and family-like relationship characterized by shared ideals, mutual respect, division of labor and cooperation, and unity and mutual assistance. To achieve this, law enforcement agencies can build platforms for equal interaction and communication—such as regular “heart-to-heart” talks, team-building activities, and online communication groups. These platforms help smooth the channels for expressing opinions, allowing team members to freely share their work experiences, life troubles, and suggestions for the organization. This creates an organizational atmosphere of care, love, unity, and mutual assistance.

Strengthening the “leading goose effect” of leading cadres and building an “honorary home” for law enforcement personnel. Law enforcement agencies should take “everyone is part of the environment, and everyone shapes the ecology” as their goal, and focus on giving play to the exemplary and leading role of leading cadres in creating a positive team ecosystem. Leading cadres should take the lead in practicing the fine organizational “family style”—such as being honest and upright, caring for team members, and serving the people. Through their actions, the fine “family style” of the organization can be radiated layer by layer: from leading cadres to ordinary team members, and then from team members to the general public. This not only helps law enforcement agencies maintain close ties with the masses and actively serve society but also cultivates a strong sense of responsibility and honor among team members. In this way, the organization can promote integrity and oppose corruption, uphold justice and correct wrongdoing, and play a leading role in guiding social trends.

3.3. Method Integration: Constructing a Community of Shared Future Through Family-Style Strict Management and Care

Traditional family culture advocates the educational method of “strict father and kind mother,” which includes both strict constraints and warm care. Law enforcement agencies can learn from this concept,

combine "strict management" with "care," take family-style "care, trust, and mutual assistance" as the core, emphasize mutual reminders, mutual help, and mutual care between superiors and subordinates and among members, rather than mere interest or responsibility-based relationships, so as to build a community of shared future and enhance the cohesion and combat effectiveness of the team.

First, strengthening strict management through family-style disciplinary reminders. The disciplinary requirements of law enforcement agencies are like the "family rules" in a family, which need to be strictly implemented to ensure the purity and combat effectiveness of the team. Leading cadres at all levels of law enforcement agencies should maintain a sense of responsibility of "always being vigilant and uneasy," and pay close attention to the details of team members' work and behavioral norms in daily disciplinary supervision. They should leave no stone unturned in managing team discipline, covering all aspects of work and life. During major festivals (such as the Spring Festival and Mid-Autumn Festival) and key nodes (such as the beginning of a new year or the launch of important special campaigns), leading cadres should remind team members of disciplinary requirements in a "parent-like earnest manner" – emphasizing the importance of abiding by discipline in both large meetings and small discussions. At the same time, with the care and attentiveness of a "parent," leading cadres should closely observe and understand the ideological dynamics and behavioral habits of team members. When signs of problems are detected, they should promptly conduct family-style "heart-to-heart" talks to strengthen disciplinary reminders and provide psychological counseling, helping team members correct their mistakes in a timely manner and stay on the right track.

Second, promoting the growth of young team members through a "mentor-apprentice" pairing assistance model. Drawing on the "skill inheritance" model of traditional clans, law enforcement agencies can implement a "mentor-apprentice system." Under this system, experienced law enforcement personnel with proficient professional skills and noble professional ethics are paired with young law enforcement personnel who have just joined the team. The mentors not only teach young apprentices professional skills (such as law enforcement procedures, case handling methods, and emergency response skills) but also pass on important qualities such as professional ethics (such as integrity, impartiality, and dedication) and feelings of care for the people. This allows new and old team members to help each other, learn from each other, and grow together in their work, forming a positive atmosphere of "the old guiding the new and the new inspiring the old." Through the positive interaction of "mentors guiding apprentices with sincerity and apprentices respecting mentors with gratitude," the excellent work styles and professional ethics of the law enforcement team can be passed down from generation to generation.

Third, implanting care for team members through family-style emotional care. Traditional family culture emphasizes "mutual support and standing together through thick and thin." Just as a family cares for its members, law enforcement agencies should care for the work and life of every law enforcement officer, address their worries at home, and let them feel the warmth of the organization. Law enforcement agencies should take family-style "care and mutual assistance" as the core of their organizational culture and adopt a dual-track model of "organization & family" to meet the diverse needs of team members in various aspects of life. For example:

- In terms of health security: Establish a cooperative mechanism between law enforcement agencies and local hospitals, open a "green channel" for emergency medical treatment for law enforcement personnel, establish personal health records for each team member, regularly organize health lectures and psychological counseling sessions, and provide regular health check-ups and medical services for law enforcement personnel.

- In terms of family support: Launch a care service for the children of law enforcement personnel during summer and winter vacations, cooperating with qualified educational institutions to provide

tutoring and care services for these children. This helps solve the problem of law enforcement personnel being unable to take care of their children during holidays, allowing them to focus more on their work.

- In terms of family employment: Hold special job fairs for the family members of law enforcement personnel, cooperate with local enterprises and public institutions to provide suitable job opportunities for family members who are unemployed or need to change jobs. This not only helps improve the quality of life of law enforcement personnel's families but also enhances the sense of belonging and gratitude of law enforcement personnel toward the organization.

By implementing the construction of "family culture" in the above-mentioned aspects, law enforcement agencies can adhere to the concepts of "sharing the same ideals, working together with the same efforts, pursuing common development, and sharing the benefits of people's livelihood." This helps comprehensively build a community of shared future, shared interests, and shared responsibilities characterized by "being one family and building the organization together." In an atmosphere of mutual understanding and mutual support, the effectiveness of team education can be fully exerted, the cohesion and creativity of the law enforcement team can be continuously enhanced, and law enforcement personnel can gain a stronger sense of gain, security, and happiness (Ma, 2022). At the same time, it has shaped a good image of law enforcement agencies and provided strong spiritual motivation and cultural support for the smooth development of law enforcement work.

References

- Chen, Y., & Chen, S. (2022). Traditional Chinese family culture: Status, connotation and contemporary value. *Journal of Hunan University (Social Sciences Edition)*, 36(3), 34–39.
- Chen, Y., & Zhang, L. (2017). Construction of family culture with Chinese characteristics. *Studies in Contemporary Chinese Marxist Philosophy*, 271–281.
- Chu, X. (2003). The mechanism and cultural capital of the generalization of Chinese "family culture". *Academic Research*, 11, 15–19.
- Han, H. (2013). *Theoretical and empirical research on the "family" culture management model* [Master's thesis or Doctoral dissertation, Zhengzhou University]. Zhengzhou University.
- Li, J. (2024). *A study on the promotion of the construction of the legal culture by fine family traditions in the new era* [Master's thesis or Doctoral dissertation, Southwest Petroleum University]. Southwest Petroleum University.
- Liu, Y. (2025). *A study on the inheritance and promotion of excellent traditional Chinese family style culture in the new era* [Master's thesis or Doctoral dissertation, Shandong Normal University]. Shandong Normal University.
- Ma, K. (2022). The application and practice of "family culture" in ideological and team work. *China Coal Industry*, (7), 74–75.
- Pan, Y. (2019). *Research on the construction of family culture in the new era* [Master's thesis or Doctoral dissertation, North China Electric Power University]. North China Electric Power University.
- Qi, X. (2016). A review of traditional Chinese family culture and its generalization in organizations. *Journal of China University of Labor Relations*, 30(6), 104–108.
- Tan, C., Chen, X., & Wang, Y. (2019). The relationship between family-like emotional exchange between employees and organizations and organizational commitment in the context of family culture. *Finance and Trade Research*, 30(4), 98–110.
- Wang, C., & Han, D. (2014). The modern transformation of Chinese traditional family culture and the modernization of national governance. *Journal of Social Sciences of Harbin Normal University*, 5(4), 19–23.

- Wang, S. (2017). Family tradition construction: A beneficial nourishment for the modernization of national governance capacity. *Journal of North University of China (Social Science Edition)*, 33(2), 39–45.
- Wang, Y. (2016). *Interpretation and significance exploration of Chinese traditional "family" culture* [Master's thesis or Doctoral dissertation, Tianjin University]. Tianjin University.
- Xu, G. (2021). *A study on organizational culture construction of Dongguan Tax Bureau* [Master's thesis or Doctoral dissertation, Central China Normal University]. Central China Normal University.
- Yang, J. (2024). Excellent traditional culture empowers Chinese-style modernization — A case study of family culture. *Studies on Socialism with Chinese Characteristics*, (5), 67–78.

About the author

Shi Xuemei – Master's Degree, Lecturer, Basic Department, Shanghai Police College.

Информация об авторе

Ши Сюэмэй – магистр, преподаватель кафедры основных дисциплин Шанхайского полицейского колледжа.

The author declare no conflicts of interests.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 17.11.2025

Одобрена после рецензирования 26.01.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted November 17, 2025

Approved after reviewing January 26, 2026

Accepted April 28, 2026

УДК 159.9

Социально-перцептивные образы сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы

Мария Ильинична Андреева

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
Samoukovam99@mail.ru

ORCID: 0009-0002-8833-6168

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена дефицитом кадров в органах внутренних дел, который, согласно официальной статистике, увеличивается с каждым годом. Традиционные меры по улучшению имиджа сотрудников органов внутренних дел не приводят к желаемому результату, что говорит о необходимости изучения самовосприятия и социального восприятия сотрудников. Практически неисследованным остается вопрос о восприятии сотрудниками органов внутренних дел ключевых фигур своей профессиональной деятельности: себя, коллег и правонарушителей. Цель настоящего исследования – выявление особенностей структуры социально-перцептивных образов и ее изменение в зависимости от опыта служебной деятельности. Исследование опирается на принцип отражения и классификацию образов В. Л. Ситникова: Я-образ, Ты-образ, образ Другого. Результаты эмпирического и теоретического исследований могут служить основой разработки практических рекомендаций по профилактике негативизации образа профессии, а также развития позитивной профессиональной идентичности, устойчивой к влиянию стереотипов и стрессоров. **Методы исследования.** Методика «Структура образа человека (иерархическая)» – «СОЧ(И)» В. Л. Ситникова, Т-критерий Вилкоксона и сравнительный анализ. **Результаты.** В процессе теоретического анализа определены основные характеристики социально-перцептивных образов и их взаимосвязь. Эмпирический анализ структуры социально-перцептивных образов позволил определить достоверные различия в структурах Я-образа, образа полицейского и образа правонарушителя у сотрудников органов внутренних дел в зависимости от опыта службы.

Ключевые слова

Я-образ, образ полицейского, образ правонарушителя, социальное восприятие, образ профессии

Для цитирования: Андреева, М. И. (2026). Социально-перцептивные образы сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы. *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 45–61.

Socially perceptive images of law enforcement officers with different service experience

Maria I. Andreeva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

Samoukovam99@mail.ru

ORCID: 0009-0002-8833-6168

Abstract

Introduction. The relevance of the research is due to the shortage of personnel in law enforcement agencies, which, according to official statistics, has been increasing every year. Traditional measures to improve the image of law enforcement officers do not lead to the desired result, thus highlighting the need to study the self-perception and social perception of employees. The question of how law enforcement officers perceive key figures in their professional activities – themselves, their colleagues, and offenders – remains virtually unexplored. The purpose of the research is to identify the characteristics of the structure of socially perceptive images and to examine how it changes depending on professional experience. The research is based on the principle of reflection and classification of images by V.L. Sitnikov: the Self-image, the You-image, and the Other-image. The results of empirical and theoretical research can serve as a basis for developing practical guidelines for preventing the negative perception of the profession, as well as for fostering a positive professional identity, resistant to the influence of stereotypes and stressors. **Research methods.** The methodology “Structure of the human image (hierarchical)” by V.L. Sitnikov, Wilcoxon’s T-test and comparative analysis were used. **Results.** The theoretical analysis revealed the main characteristics of socially perceptive images and their intercorrelations. The empirical analysis of the structure of socially perceptual images made it possible to identify reliable differences in the structures of the Self-image, the image of a police officer, and the image of an offender among law enforcers, depending on their service experience. The key characteristics of socially perceptive images making up the core of the image were identified.

Keywords

self-image, image of a police officer, image of an offender, social perception, image of the profession

For citation: Andreeva, M. I. (2026). Socially perceptive images of law enforcement officers with different service experience. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 45–61.

Введение

Восприятие человека человеком – это фундаментальный процесс, лежащий в основе любого взаимодействия, в том числе профессионального. Изучение особенностей социального восприятия у сотрудников органов внутренних дел является важным направлением современных психологических исследований в области профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. От точности социального восприятия зависит эффективность выполнения служебных задач, правомерность принимаемых решений и безопасность как самого сотрудника, так и граждан.

Формирование социально-перцептивных образов происходит неосознанно, но их точность и глубина зависят от частоты и качества взаимодействия с объектами восприятия, поэтому для изучения специфики социального восприятия конкретной профессиональной группы необходимо проследить изменение структуры образов на разных этапах профессионального становления.

Опыт служебной деятельности – один из ключевых факторов, влияющих на изменение профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел. Исследование социально-перцептивных образов, формирующихся в сознании сотрудников органов внутренних дел на разных этапах службы, позволяет выявить механизмы формирования профессионального образа и характер его связи с имиджем сотрудника органов внутренних дел. Кроме опыта взаимодействия с коллегами и правонарушителями, на изменение структуры социально-перцептивных образов оказывают влияние негативные психологические состояния, выражающиеся в повышении агрессивности, снижении уровня удовлетворенности профессией и собой, а также в профессиональном выгорании.

Социальное восприятие людей предполагает различные ошибки, причины которых, как правило, непросытны и не всегда решаются коррекцией этого восприятия. Источниками ошибочного социального восприятия могут быть средства массовой информации, работа которых для привлечения внимания нередко строится на искаженной, а часто негативной информации, не требующей критического восприятия. Результатом такой политики СМИ становятся слухи и стереотипы. Гендерные и профессиональные стереотипы являются самыми распространенными в обществе. Именно поэтому стереотипы о профессии полицейского широко распространены среди населения нашей страны, и порой носят негативный характер.

Сотрудники государственных и правоохранительных структур прикладывают немало усилий для разрушения сложившихся в обществе негативных профессиональных стереотипов о службе полиции и улучшения имиджа полиции, но предпринимаемые меры не оказывают никакого заметного воздействия на снижение текучести кадров. Министр внутренних дел В. А. Колокольцев неоднократно приводил данные о некомплекте в органах внутренних дел. И если в марте 2021 г. он составлял около 70 тысяч человек, в октябре 2022 г. – 90 тысяч человек, то в мае 2024 г. уже 152 тысячи человек, а в ноябре того же года – 173,8 тысячи. В настоящее время ситуация продолжает усугубляться, некомплект кадров в органах внутренних дел остается на предельно высоком уровне.

Социологические исследования показывают, что не только материальный аспект служит причиной ухода сотрудников из органов внутренних дел. Заметную роль в принятии решения об увольнении играют не соответствующие ожиданиям сотрудника условия организации труда и социальная составляющая его профессиональной деятельности. Негативный образ полицейского, сложившийся в обществе, способен отрицательно воздействовать на самих сотрудников полиции и становиться одной из весомых причин увольнения со службы или снижения у кандидата желания служить в полиции.

Анализ научной литературы показывает, что сегодня практически отсутствуют работы, в которых рассматриваются вопросы восприятия сотрудниками органов внутренних дел как самих себя, своих коллег, так и одного из основных объектов их деятельности – правонарушителей. Основная часть исследований в области социального восприятия посвящена имиджу полицейского, т. е. восприятию обществом сотрудника органов внутренних дел и в целом полиции.

В связи с изложенным существует необходимость изучения особенностей социального восприятия сотрудниками полиции в целях поиска закономерностей негативизации имиджа профессии и образа полицейского у самих сотрудников, а также разработки способов повышения

социально-перцептивной компетентности сотрудников органов внутренних дел и, как следствие, формирования положительного имиджа профессии и уменьшения текучести кадров в системе ОВД.

Результаты исследований отечественных ученых в области социальной перцепции выявили разнообразные психологические характеристики, которые оказывают влияние на восприятие и осмысление людьми друг друга, включая возрастные и личностные факторы. Фундаментом современных исследований в области социального восприятия стали труды Г. М. Андреевой, в которых исследуются закономерности восприятия, понимания и оценки людьми друг друга в процессе общения (Андреева, 2013); работы А. А. Реана, посвященные изучению характеристик социально-перцептивных образов разных профессиональных групп (Реан, 2018); исследования Б. Г. Ананьева, изучающего человека через социальные и деятельностные аспекты (Ананьев, 2010) и других ученых.

Среди трудов, посвященных социальному восприятию в контексте профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, выделим исследования А. В. Силецкой, рассматривающей социальную перцепцию в рамках профайлинга как средство повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников (Силецкая, 2022); работы В. Н. Дружининой, изучающей восприятие сотрудниками органов внутренних дел себя и профессии (Дружинина, 2022).

А. А. Бодалев предлагает рассматривать социальную перцепцию с четырех сторон: как свойство личности – способность понимать чувства других людей; как состояние – отражение окружающего мира в моменте; как функцию психики и как процесс апперцепции – преобразование окружающего мира в сознании под действием опыта (Бодалев, 2005).

Изучением вопросов социальной перцепции кроме отечественных ученых занимались также зарубежные авторы, такие как У. Джемс, Ч. Кули, Э. Блейер, Г. Келли, Р. Нисберт, Дж. Мид, и Л. Росс и др. Среди трудов современных зарубежных исследователей можно выделить следующие: теорию Р. Неджата с соавторами, которые изучали влияние моральных норм на принятие социальных ролей (Nejat et al., 2020); исследования М. Сазерленд с соавторами по изучению особенностей визуального восприятия в рамках социальной психологии, предложившими методы исследования социального восприятия (Sutherland et al., 2017). М. Томаселло в своем исследовании рассматривает вопросы социального развития индивида, которое начинается с сотрудничества с другими людьми, с принятия на себя социальной роли и ее функции (Tommasello, 2020). Интересный вывод данного исследования заключается в том, что человек может глубоко погрузиться в социальную роль только тогда, когда полностью поймет истинного себя. Кроме указанных выше зарубежных исследователей, занимающихся проблемами социального восприятия, существуют и другие ученые, труды которых посвящены изучению особенностей межличностного взаимодействия: Н. Бранкаци, К.-А. Клефт, Л. Кручианелли и М. Л. Филиппетти, а также Дж. Диксон и др.

Изучение проблемы социально-перцептивных образов не теряет своей актуальности, что подтверждается наличием в научных электронных библиотеках более 22 тысяч публикаций в области социальной перцепции.

Активное исследование концепции «образ» началось в середине XX в. Эта тема была предметом изучения многих российских ученых: Б. Г. Ананьева, Л. М. Веккера, П. Я. Гальперина, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, С. Л. Рубинштейна, А. А. Реана, С. Д. Смирнова и др. Так, П. Я. Гальперин отмечал: «Условимся называть образами все психические отражения, в которых перед субъектом открываются предметы и отношения объективного мира».

Каждый образ, связанный с социальным восприятием, является результатом как осознанных и рациональных, так и неосознанных и иррациональных усилий человека в его стремлении понять себя и окружающих.

В. Л. Ситников, основываясь на теориях С. Л. Рубинштейна и Б. Ф. Ломова, выделяет два вида образов: «Все существующие виды образов (например, художественный образ ребенка, Я-образ, образ сверстника, образ-перспектива и образ-ретроспектива) можно разделить на две категории: образы-эталоны и конкретные образы-отражения, последние формируются по таким моделям, как проекция, стереотипизация, установка, аттитюд и атрибуция» (Ситников и др., 2024). Образы-эталоны, по мнению Б. Ф. Ломова, формируются на основе представлений.

По утверждению В. Л. Ситникова, такие понятия, как восприятие, представление, познание и понимание, не являются аналогичными понятию «образ». Данные четыре категории связаны с процессами познания и имеют динамическую и процессуальную природу, в отличие от «образа», который представляет собой нечто динамично изменяющееся, но статичное, в момент отражения итога процесса познания. Кроме того, автор подчеркивает, что образ представляет собой изначально интегрированный комплекс восприятий, представлений, пониманий и установок (Ситников, 2023).

Российские исследователи в области теории отражения, названные выше, выделяют три основных вида образов в зависимости от уровня отражения: сенсорные, перцептивные и образы-представления.

Сенсорные образы возникают на рецепторном уровне и являются результатом работы сенсорных систем. Сенсорный образ – самый элементарный из трех видов, поэтому представляет основу для формирования перцептивного образа и образа-представления. Сенсорный образ характеризуется неустойчивостью и фрагментированностью.

Перцептивный образ представляется результатом синтеза и интерпретации сенсорных данных. Перцептивный образ формируется путем объединения сенсорных образов и связи этих образов с прошлым опытом человека. Перцептивный образ характеризуется предметностью, целостностью и осмысленностью. По сравнению с сенсорным образом перцептивный является наиболее постоянным.

Образ-представление формируется без непосредственного контакта с объектом на основе перцептивных образов. Представления устойчивые и отражают эмоциональное отношение. Образы-представления хранятся в памяти человека и активизируются при соответствующих обстоятельствах.

На вопрос о том, какие бывают образы, у исследователей в области социальной перцепции сложились разные, но взаимодополняющие определения.

По мнению С. Л. Рубинштейна, образ всегда отражает конкретный предмет: «Образ вообще, безотносительно к предмету, отображением которого он является, не существует» (Рубинштейн, 2017). Следовательно, образ в понятии С. Л. Рубинштейна является результатом восприятия репрезентативной системы. Репрезентативная система помогает создавать первичный перцептивный образ, который в сознании человека преобразуется в представление посредством апперцепции. Б. Ф. Ломов выделяет три уровня психического отражения, которые строятся на представлениях С. Л. Рубинштейна: сенсорно-перцептивный, уровень представлений и вербально-логический уровень, где сенсорно-перцептивный уровень является основой для формирования других (Ломов, 1984). Общим в теориях С. Л. Рубинштейна и Б. Ф. Ломова стало участие органов чувств в процессе формирования образа-представления. Б. Ф. Ломов отмечает, что образ-представление в сравнении с сенсорным образом обладает «меньшей четкостью, устойчивостью и полнотой», а значит, является более динамичным и зависит не только от объективно существующей реальности, но и от личности воспринимающего.

Итогом процесса отражения в контексте социального восприятия выступают социально-перцептивные образы.

Проблема социально-перцептивных образов поднимается в трудах современных ученых. Так, А. А. Стреленко изучает особенности социально-перцептивных образов в детско-родительских отношениях (Стреленко, 2023), М. В. Балева исследует роль когнитивных установок и личностных особенностей, таких как ригидность и импульсивность, в стереотипизации образа Другого в ситуациях обезличивания и существования визуального контакта (Балева, 2020), Е. Д. Юрченко изучает специфику конструирования образа Другого в рамках межэтнического социального взаимодействия (Юрченко, 2025). В. Л. Ситников определяет социально-перцептивные образы как «отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как члена человеческого общества» (Ситников, 2023).

А. А. Стреленко дополняет определение В. Л. Ситникова функциональной стороной образа и характеризует социально-перцептивные образы как «образно-смысловые медиаторы, формирующиеся под действием социально-перцептивных механизмов, имеющие рефлексивную и арефлексивную природу, образующие связь знаково-символической деятельности с духовным слоем сознания и способствующие возникновению регулирующей, мотивирующей, прогностической, корректирующей и ресурсной функций» (Стреленко, 2022).

Поскольку удовлетворение человеческих потребностей происходит в социуме, индивид формирует и удерживает в сознании множество изолированных социально-перцептивных образов. Каждый из этих образов, соответствующих разным объектам взаимодействия, остается пассивным до тех пор, пока не возникает ситуация, требующая его припоминания или вербального описания.

Сферой отражения социально-перцептивных образов являются отношения человека к различным социальным объектам. К ним относятся конкретные индивиды и референтные группы, например семейные и профессиональные, в которые человек непосредственно включен, а также обобщенные образы социальных групп, с которыми у индивида нет личного опыта взаимодействия, но представление о которых сформировано под влиянием усвоенных стереотипов.

Подводя итог описанию существующих в отечественных психологических исследованиях видов социально-перцептивных образов, мы выбираем основой нашего исследования классификацию социально-перцептивных образов В. Л. Ситникова, так как она, по нашему мнению, является целостной и отражает классификации других ученых: Ты-образ, образ Другого, образ человека и образ Я (Ситников, 2023).

Ты-образы отражают образ другого человека, созданный в процессе взаимодействия. Ты-образ одного объекта восприятия может быть разным у воспринимающих сторон, так как его содержание зависит от частоты взаимодействия с объектом и характера эмоционального отношения к нему. Ты-образ связан с Я-образом, поэтому при изменении Ты-образа может измениться и Я-образ. Ты-образ, являясь ситуативным и динамичным, может использоваться для обеспечения обратной связи при взаимодействии, в связи с тем что направлен на понимание актуального состояния, намерений и реакций партнера по общению.

Образ Другого является относительно стабильным представлением о человеке, существующим вне ситуативного взаимодействия. Образ Другого отражает основные личностные качества и особенности взаимоотношений с объектом восприятия.

Образ человека представляет собой обобщенный образ-эталон, стереотипное представление о группе людей, объединенных ключевой характеристикой: профессией, полом, национальностью. Образ человека выполняет функцию ориентировки при взаимодействии с малознакомыми людьми и в новой обстановке, кроме того, служит основой формирования социальных норм и ожиданий.

Таблица 1. Сравнительный анализ характеристик образов

Table 1. Comparative analysis of the images' characteristics

Критерий	Ты-образ	Образ Другого	Образ Человека	Образ Я
Объект	Конкретный партнер в данный момент	Конкретный знакомый индивид	Человечество в целом, абстракция	Сам субъект
Временная перспектива	Сиюминутное «здесь и сейчас»	Прошлый опыт и прогноз на будущее	Вневременной, универсальный	Интеграция прошлого, настоящего и будущего
Стабильность	Крайне низкая, ситуативная, пластичная	Относительно высокая и устойчивая	Очень высокая, ядро образа меняется медленно	Высокая, но подвержена кризисам и изменениям
Источник формирования	Непосредственное взаимодействие, обратная связь	Накопленный личный опыт общения	Культура, СМИ, образование, обобщение опыта	Самовосприятие, интроспекция, сравнение с другими (социальное сравнение)
Эмоциональная окраска	Зависит от контекста взаимодействия	Устойчивое отношение (симпатия / антипатия)	Часто нейтральная, рациональная	Глубоко личная, часто амбивалентная

Образ Я является системой представлений человека о самом себе, включающей когнитивную, оценочную и поведенческую составляющие. В отличие от Ты-образа, образа Другого и образа Человека, он формируется через самоанализ и самопознание. Различия в характеристиках образов представлены в таблице 1.

Анализ происхождения социально-перцептивных образов позволяет сделать вывод о взаимовлиянии образов, где Я-образ лежит в основе других социально-перцептивных образов: Ты-образа и образа Другого, а Ты-образ и образ Другого выступают ориентиром для сравнения и самооценки. Я-образ не может формироваться в условиях изоляции, и необходимым условием развития Я-образа является социальное взаимодействие.

При изучении влияния социально-перцептивного образа другого человека на формирование Я-образа важно также ориентироваться на наличие опыта (жизненного, профессионального и т. д.) воспринимающего человека, его установки, ценности, мотивы.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем образ Я в контексте самосознания, так как придерживаемся позиции, что самосознание направляет человека к конкретной деятельности, в том числе профессиональной, в то время как деятельность способствует развитию самосознания. Изучением Я-образа в контексте самосознания занимались В. Л. Ситников, В. В. Столин, Т. Шибутани, Е. Т. Соколова, С. Р. Пантелеев, Н. И. Сарджвеладзе.

При исследовании теоретических моделей, касающихся концепции образа Я, следует отметить, что это понятие является комплексным и индивидуальным восприятием самопознания и отношения человека к себе. Объектом самовосприятия может выступать как физическое тело, так и умственные и физические способности, а также взаимодействие с окружающими и другие стороны индивидуальности.

Социально-перцептивные образы представляют ментальные репрезентации, формируемые у индивида в отношении других людей и его самого в контексте человеческой группы. Они могут отображать как ключевые, важные качества, так и менее значимые или ситуационные аспекты, которые иногда могут быть чисто случайными.

Я-образ является основополагающим в системе социально-перцептивных образов, поэтому будет использован нами в эмпирическом исследовании как основа формирования образа полицейского и образа правонарушителя. В свою очередь, образы полицейского и правонарушителя будут выступать либо Ты-образом, либо образом Другого, либо образом Человека, в зависимости от опыта взаимодействия, структуры и содержания указанного образа.

Методы исследования

Эмпирическое изучение социально-перцептивных образов проводилось с использованием методики СОЧ(И), разработанной В. Л. Ситниковым. Эта методика, основанная на иерархической структуре человеческого образа, включает вербальные и невербальные компоненты. Невербальная часть методики предоставляет возможность выявить несознательные характеристики, имеющие значение как для самого человека, так и для его окружения, а также установить взаимосвязь между символами и знаками. Методика СОЧ(И) позволит выявить и проанализировать структуру и содержание Я-образов, образов полицейского и образов правонарушителя у сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы.

Анализ результатов исследования

В период 2022–2025 гг. на базе Санкт-Петербургского университета МВД России было проведено эмпирическое исследование, направленное на определение достоверных различий между структурами Я-образа, образа полицейского и образа правонарушителя у сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы.

С применением предложенного комплекса методик были обследованы курсанты первого курса ($n = 157$), курсанты четвертого курса ($n = 139$) и слушатели пятого курса ($n = 98$) Санкт-Петербургского университета МВД России, а также сотрудники органов внутренних дел, проходящие службу в оперативном и следственном подразделениях, в подразделении по охране общественного порядка ($n = 201$). Всего в исследовании приняли участие 595 респондентов.

Теоретическую основу социально-перцептивного отражения деятельности представляют концепции А. Н. Леонтьева, А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова, Е. А. Климова, В. Л. Ситникова. Ориентируясь на то, что обучение в образовательной организации системы МВД России включено в стаж службы сотрудника органов внутренних дел, а также относится к начальному этапу профессионального становления сотрудников органов внутренних дел, мы разделили объект исследования на четыре группы по опыту служебной деятельности.

Предполагается, что за время обучения в вузе МВД России курсанты и слушатели приобретают знания, умения и навыки, необходимые для выполнения служебных обязанностей в полном объеме. Практические занятия и практика в подразделениях органов внутренних дел позволяют курсантам и слушателем сформировать объективное представление о практической деятельности и выбрать подходящую им по индивидуальным особенностям специализацию.

По причине того, что «образ» как психическое явление наделен большой степенью субъективности, мы изучили обобщенный образ полицейского и правонарушителя ни у одного конкретного человека, а у большой выборки сотрудников органов внутренних дел путем анонимного опроса. Эталонном целостного образа полицейского и образа правонарушителя выступили образы, полученные от действующих сотрудников органов внутренних дел, а наиболее

Таблица 2. Значимые различия в структуре Я-образов сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы

Table 2. Significant differences in the structure of the self-images of law enforcement officers

Я-образ	1-й курс и 4-й курс	1-й курс и 5-й курс	1-й курс и действующие сотрудники	4-й курс и 5-й курс	5-й курс и действующие сотрудники
волевые	0,851	0,549	0,054	0,374	0,121
деятельностные	0,003	0,003	0,000	0,952	0,248
интеллектуальные	0,000	0,003	0,197	0,078	0,085
социальный интеллект	0,908	0,160	0,043	0,152	0,625
конвенциональные	0,612	0,386	0,029	0,427	0,001
поведенческие	0,255	0,785	0,657	0,059	0,907
социальные	0,009	0,156	0,116	0,298	0,926
телесно-физические	0,365	0,013	0,000	0,110	0,245
эмоциональные	0,539	0,623	0,728	0,149	0,284
метафорические	0,086	0,173	0,000	0,635	0,013
акзигитивные	0,588	0,299	0,264	0,111	0,952
позитивные	0,886	0,142	0,006	0,051	0,071
нейтральные	0,446	0,150	0,000	0,596	0,003
негативные	0,961	0,471	0,030	0,400	0,106

субъективными, однородными и зависимыми от стереотипов и общественного мнения стали образы, полученные от курсантов и слушателей.

Сравнение структуры Я-образа у сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы позволяет проследить этапы изменения Я-образа в зависимости от степени погруженности в профессию: получения знаний и навыков в области профессиональной деятельности. Различия в структуре Я-образов у сотрудников органов внутренних дел представлены в таблице 2.

Сравнительный анализ структуры Я-образа у сотрудников органов внутренних дел показывает сходство у представителей всех групп в волевой, поведенческой, эмоциональной и акзигитивной характеристиках структуры. Указанные характеристики представляют ядро Я-образа сотрудников органов внутренних дел.

Деятельностная характеристика структуры Я-образа является самой нестабильной, так как изменяется на всех этапах профессионального становления сотрудника. В ходе профессионального обучения у курсантов и слушателей изменяются интеллектуальные, социальные и телесно-физические характеристики структуры Я-образа, что может объясняться освоением профессиональных знаний и навыков, а также приобретением качеств, соответствующих социальной роли сотрудника органов внутренних дел. Добавление различий в телесной категории может быть связано с изменением внешнего самовосприятия, с появлением и принятием физической атрибутики профессиональной деятельности к окончанию образовательной организации.

Наиболее значимые изменения структуры Я-образа существуют между группами курсантов первого курса и действующих сотрудников органов внутренних дел. Различия наблюдаются в пяти характеристиках структуры и во всех модальностях образа: деятельностной, социально-интеллектуальной, телесно-физической, метафорической, конвенциональной.

Важно отметить, что у действующих сотрудников органов внутренних дел в отличие от курсантов и слушателей меняется восприятие себя как субъекта деятельности: у сотрудников формируется конкретное, практическое представление о своей работе, в отличие от абстрактного, учебного представления у курсантов. Различия в телесно-физических и метафорических характеристиках указывают на трансформацию физического самоощущения. Регулярные физические нагрузки, стресс и мгновенное реагирование на любые изменения в профессиональной деятельности могут влиять на изменения представлений о телесном образе и перестраивать самовосприятие на уровень метафор. Кроме того, у сотрудников органов внутренних дел повышается значимость следования правилам, нормам, и одновременно с этим растет негативное самоотношение, что может быть следствием профессионального выгорания.

В структуре Я-образа между группами курсантов четвертого курса и слушателей пятого курса отсутствуют различия, что свидетельствует о стабильности Я-образа и закреплении профессиональной идентичности. Отсутствие различий в структурах Я-образа говорит о том, что респонденты двух групп находятся на одном уровне самоотношения и имеют одинаковую личностную готовность к профессиональной деятельности.

При сравнении структуры Я-образа у выпускников пятого курса и действующих сотрудников органов внутренних дел можно наблюдать различия в конвенциональной и метафорической характеристиках, что объясняется нормативностью служебной деятельности.

Проведенный анализ подводит к выводу, что в структуре Я-образа сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы существуют статичные характеристики, которые не изменяются в процессе профессионального развития и выступают ядром Я-образа. К таким характеристикам относятся волевые, поведенческие, эмоциональные и акизитивные. Сотрудники, начинающие службу в органах внутренних дел, по своим волевым и поведенческим характеристикам демонстрируют готовность к выполнению служебных обязанностей. Кроме того, эмоциональное отношение к себе в процессе службы тоже остается постоянным. Акизитивные характеристики отражают материально-потребительское отношение к жизни, которое, как правило, стабильно занимает последнее место в структуре Я-образа у респондентов всех групп.

Процесс профессионализации сопровождается не только приобретением навыков, но и перестройкой Я-образа: от теоретической деятельности к практической.

Я-образ сотрудников органов внутренних дел является относительно статичным, но проходит несколько ярко выраженных этапов изменения:

- 1) активное формирование Я-образа в контексте профессиональной деятельности (1–4-й курс); изменения происходят в интеллектуальных, социальных и деятельностных характеристиках Я-образа;

- 2) стабилизация (5-й курс): закрепление Я-образа;

- 3) профессиональная адаптация: перестройка Я-образа в сторону нормативности поведения.

Сравнение структуры образа полицейского у сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы позволяет сделать вывод об изменении отношения к образу профессионала. Различия в структуре образа полицейского у сотрудников органов внутренних дел представлены в таблице 3.

У сотрудников органов внутренних дел ядром структуры образа полицейского выступают деятельностные, социальные и акизитивные характеристики, которые не изменяются у всех

Таблица 3. Значимые различия в структуре образа полицейского у сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы

Table 3. Significant differences in the structure of the image of a police officer among law enforcement officers with different service experience

Образ полицейского	1-й курс и 4-й курс	1-й курс и 5-й курс	1-й курс и действующие сотрудники	4-й курс и 5-й курс	5-й курс и действующие сотрудники
волевые	0,043	0,000	0,009	0,000	0,003
деятельностные	0,195	0,023	0,384	0,273	0,240
интеллектуальные	0,004	0,142	0,275	0,162	0,802
социальный интеллект	0,345	0,981	0,005	0,382	0,006
конвенциональные	0,002	0,052	0,256	0,291	0,571
поведенческие	0,232	0,000	0,057	0,000	0,001
социальные	0,712	0,505	0,661	0,359	0,367
телесно-физические	0,151	0,241	0,001	0,823	0,000
эмоциональные	0,431	0,004	0,591	0,045	0,002
метафорические	0,009	0,117	0,266	0,000	0,016
акзизитивные	0,196	0,605	0,324	0,106	0,184
позитивные	0,011	0,000	0,023	0,000	0,000
нейтральные	0,009	0,012	0,003	0,711	0,382
негативные	0,002	0,000	0,000	0,525	0,523

групп респондентов. Вероятно, указанные характеристики формируются в общественном сознании как качества, присущие профессиональной группе сотрудников органов внутренних дел, поэтому являются базовыми для появления других оценочных характеристик.

Больше различий в образе полицейского обнаружено между группами курсантов первого курса и слушателями пятого курса обучения. Анализ показывает различия в волевых и поведенческих характеристиках структуры образа полицейского в указанных группах. Полицейский описывается слушателями к концу обучения как сильный, решительный и быстро действующий профессионал. Различие между группами в эмоциональной характеристике образа полицейского может объясняться снижением эмоциональности полицейского, повышением сдержанности, самоконтроля и эмоциональной закрытостью. Важно отметить значимые различия по модальности структуры образа полицейского. Так, у слушателей пятого курса к концу обучения содержание образа полицейского меняется от нейтрально-позитивного, как у первокурсников, на амбивалентный, эмоционально-насыщенный образ, в котором равное значение уделяется как положительным качествам полицейского, так и негативным.

Сравнительный анализ образа полицейского у курсантов первого курса и действующих сотрудников органов внутренних дел показывает ключевые различия в социально-интеллектуальной и телесно-физической характеристиках образа полицейского. Различия в этой характеристике подчеркивают необходимость применения навыков эмпатии, понимания людей и прогнозирования их намерений. В указанной сравнительной группе также наблюдается смещение образа полицейского с позитивного на негативный, наиболее реалистичный образ.

Вероятно, в ряду причин такого изменения – профессиональный стресс, усталость и профессиональные риски, действующие на сотрудников органов внутренних дел.

Сравнительный анализ образа полицейского у курсантов четвертого курса и слушателей пятого курса фиксирует значимые различия в волевой, поведенческой, эмоциональной, метафорической и позитивной характеристиках структуры образа полицейского. Различия в группах респондентов, которые почти не отличаются по возрастному параметру, может быть связано не только с учебной, но и с психологической подготовкой слушателей пятого курса к профессиональной деятельности. Выпускники-пятикурсники находятся на этапе пересмотра своего профессионального идеала, ориентируясь на теоретические знания и опыт взаимодействия с будущими коллегами. У выпускников, в отличие от курсантов четвертого курса, образ полицейского наполняется волевыми, эмоциональными характеристиками, а модальность образа, как и в предыдущих группах, меняется на негативную.

Сравнительный анализ образа полицейского у слушателей пятого курса и действующих сотрудников органов внутренних дел показывает продолжение уточнения образа под действием реальных условий. У действующих сотрудников усиливается значимость волевых, поведенческих и социально-интеллектуальных характеристик образа полицейского, а также окончательно закрепляются телесно-физические характеристики.

Образ полицейского у сотрудников органов внутренних дел, в отличие от Я-образа, формируется нелинейно и обладает следующими характеристиками:

1) этап трансформации образа приходится на пятый курс обучения, когда под влиянием предстоящей службы образ пересматривается, а после выпуска из учебного заведения в условиях практической деятельности формируется окончательно;

2) с обретением опыта служебной деятельности модальность образа полицейского поэтапно меняется с положительной (курсанты первого курса) на амбивалентную (курсанты четвертого курса) и далее на негативную (слушатели пятого курса и действующие сотрудники органов внутренних дел).

Сравнение структуры образа правонарушителя у сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы позволяет сделать вывод об изменении отношения к негативной социальной роли другого человека. Различия в структуре образа правонарушителя у сотрудников органов внутренних дел представлены в таблице 4.

У сотрудников органов внутренних дел ядром структуры образа правонарушителя выступают деятельностные и интеллектуальные характеристики, которые не изменяются у всех групп респондентов. Из всех изучаемых нами образов в ядро образа правонарушителя включено меньше всего постоянных характеристик: в Я-образ – четыре, в образ полицейского – три, а в образ правонарушителя – две. Конвенциональная характеристика образа правонарушителя обладает наибольшей динамикой среди прочих характеристик образа. Это говорит о том, что ключевым признаком при описании образа правонарушителя является его стремление к нарушению закона.

Сравнительный анализ образа правонарушителя у сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы показывает, что наиболее интенсивные изменения в восприятии правонарушителя происходят в начале профессионального пути. Сравнение структуры образа правонарушителя у курсантов первого и четвертого курсов показывает значимые различия в конвенциональных, поведенческих, социально-интеллектуальных и метафорических характеристиках. Курсанты четвертого курса представляют правонарушителя как человека, сознательно нарушающего нормы и правила. Появление значимых различий по социально-интеллектуальной характеристике структуры образа правонарушителя может свидетельствовать о переходе от поверхностного представления о правонарушителе к более сложному, наделенному определенными социальными отличительными чертами.

Таблица 4. Значимые различия в структуре образа правонарушителя у сотрудников органов внутренних дел с разным опытом службы

Table 4. Significant differences in the structure of the image of an offender among law enforcement officers with different service experience

Образ правонарушителя	1-й курс и 4-й курс	1-й курс и 5-й курс	1-й курс и действующие сотрудники	4-й курс и 5-й курс	5-й курс и действующие сотрудники
волевые	0,054	0,135	0,329	0,000	0,020
деятельностные	0,839	0,066	0,071	0,273	0,968
интеллектуальные	0,244	0,578	0,020	0,162	0,104
социальный интеллект	0,004	0,019	0,879	0,382	0,068
конвенциональные	0,000	0,000	0,000	0,291	0,025
поведенческие	0,000	0,059	0,491	0,000	0,001
социальные	0,497	0,049	0,817	0,359	0,022
телесно-физические	0,226	0,909	0,000	0,823	0,000
эмоциональные	0,979	0,001	0,198	0,045	0,023
метафорические	0,027	0,085	0,004	0,000	0,000
акизитивные	0,000	0,004	0,475	0,106	0,054
позитивные	0,017	0,502	0,723	0,000	0,985
нейтральные	0,017	0,487	0,002	0,711	0,008
негативные	0,567	0,006	0,512	0,525	0,000

Курсанты первого курса так же, как и курсанты четвертого курса, используют больше негативных характеристик при описании образа правонарушителя. Курсанты первого курса используют больше, чем слушатели пятого курса, эмоциональных характеристик при описании образа правонарушителя. Преобладание эмоциональных характеристик может быть связано с негативным отношением респондентов к личности правонарушителя, разделением поступков человека на «черные» и «белые».

Сравнительный анализ структуры образа правонарушителя у курсантов четвертого курса и слушателей пятого курса говорит о различиях в иных характеристиках структуры образа, чем между группами курсантов первого и четвертого курсов обучения. Так, различия наблюдаются в эмоциональной, волевой, метафорической характеристиках структуры образа правонарушителя. Появление значимых различий в эмоциональной характеристике свидетельствует о наполнении образа правонарушителя конкретными эмоциональными чертами: агрессивностью, злостью, безразличием. Значимые различия в волевой характеристике образа могут указывать на формирование представлений о правонарушителе как о волевом, целеустремленном и решительном объекте деятельности.

Сравнительный анализ структуры образа правонарушителя у слушателей пятого курса и действующих сотрудников органов внутренних дел показывает существование различий в телесно-физической, поведенческой, волевой, социальной и эмоциональной характеристиках структуры образа правонарушителя. У сотрудников органов внутренних дел образ правонарушителя включает физические и волевые качества правонарушителя, а также описание конкретных поведенческих стратегий.

Образ правонарушителя у сотрудников органов внутренних дел формируется нелинейно, но существует тенденция к позитивизации образа при увеличении опыта службы.

Основные изменения структуры образа правонарушителя происходят в два периода:

1) начало и продолжение обучения (первый – четвертый курсы): происходит формирование обобщенного представления о правонарушителе, уточнение его особенностей поведения в социуме;

2) завершение обучения и начало службы (пятый курс и действующие сотрудники органов внутренних дел): происходит наполнение образа эмоционально-волевыми и телесно-физическими характеристиками.

Сравнительный анализ структур образа правонарушителя позволяет сделать вывод, что действующие сотрудники полиции используют более конкретные характеристики при описании правонарушителя, что демонстрирует роль профессионального опыта. Тем не менее различий в представлениях о правонарушителе у первокурсников и опытных действующих сотрудников немного, что можно предположительно объяснить двумя причинами:

1) совпадение обыденных и реально существующих представлений о правонарушителе, т. е. существующие в обществе стереотипы о поведении правонарушителя без искажений отражают его личность;

2) действующие сотрудники полиции давали социально желательное, привычное для общества описание правонарушителя.

Заключение

В структурах Я-образа, образа полицейского и образа правонарушителя обнаружены закономерности изменения структуры в связи с изменением стажа службы.

В ходе эмпирического исследования удалось выявить статичные характеристики социально-перцептивных образов, которые остаются постоянными даже при изменении опыта служебной деятельности. У сотрудников органов внутренних дел ядром структуры Я-образа выступают волевые, поведенческие, эмоциональные и акизитивные характеристики структуры. Ядром структуры образа полицейского становятся деятельностные, социальные и акизитивные характеристики, которые не изменяются у всех групп респондентов. Ядро структуры образа правонарушителя составляют деятельностные и интеллектуальные характеристики. Из всех рассмотренных нами образов в ядро образа правонарушителя включено меньше всего постоянных характеристик: в Я-образ – четыре, в образ полицейского – три, а в образ правонарушителя – две.

Анализ модальности социально-перцептивных образов приводит к выводу, что Я-образ сотрудников органов внутренних дел является стабильным и имеет позитивную модальность, образ полицейского с увеличением опыта службы приобретает тенденцию к негативизации, а образ правонарушителя – наоборот, к позитивизации.

Исследование социально-перцептивных образов сотрудников органов внутренних дел позволяет перейти от внешнего, имиджевого подхода к решению проблем дефицита кадров к внутреннему, психологическому. В ходе теоретического и эмпирического исследований было установлено, что профессиональное становление сотрудника органов внутренних дел сопряжено с изменением структуры образов, отражающих отношение к себе, к коллегам и правонарушителям.

Перспектива дальнейших исследований заключается в разработке практических рекомендаций, направленных на профилактику негативизации профессии правоохранителя, а также на развитие позитивной профессиональной идентичности, устойчивой к влиянию стереотипов и стрессоров.

Список литературы

- Ананьев, Б. Г. (2010). *Человек как предмет познания* (3-е изд.). Питер.
- Андреева, Г. М. (2013). Социальное познание и социальные проблемы. *Национальный психологический журнал*, (1), 39–49.
- Балева, М. В. (2020). Роль когнитивных стилей в процессе социальной перцепции конкретного и безличного другого. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, (1), 106–117. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-106-117>
- Бодалев, А. А. (2005). *Познание человека человеком: Возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты*. Технологический университет.
- Дружинина, В. Н. (2022). Теоретический аспект развития образа профессии в структуре я-концепции сотрудников полиции. В *Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя): сборник научных трудов VI Международной конференции, Москва, 09–10 июня 2022 года* (с. 138-140). Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя.
- Ломов, Б. Ф. (1984). *Методологические и теоретические проблемы психологии*. Наука.
- Реан, А. А., & Коновалов, И. А. (2018). Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков. *Социальная психология и общество*, 9(2), 60–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090205>
- Рубинштейн, С. Л. (2017). *Бытие и сознание*. Питер.
- Силецкая, А. В., & Дзьоник, Д. В. (2022). Программа развития социальной перцепции как средство повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников кадровых подразделений органов внутренних дел. *Психология и педагогика служебной деятельности*, (2), 56–60. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-2-56-60>
- Ситников, В. Л., Мороз, М. В., & Самоукова, М. И. (2024). *Образ полицейского в сознании курсантов образовательной организации МВД России*. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Ситников, В. Л. (2023). *Социально-перцептивные образы в массовом сознании*. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Стреленко, А. А. (2023). Я-образы как личностные ресурсы жизнеспособности матерей. *Личность в пространстве и времени*, (12), 102–113.
- Стреленко, А. А. (2022). Проблема образа человека как субъекта социально-перцептивного отражения: системный анализ. *Системная психология и социология*, 2(42), 64–74. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2022.42.2.06>
- Юрченко, Е. Д. (2025). Теоретико-методологические основы определения образа Другого как социального конструкта. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*, (3), 199–203. <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2025.03.38>
- Brancazio, N. (2020). Being perceived and being "seen": Interpersonal affordances, agency, and selfhood. *Frontiers in Psychology*, 11, Article 1750. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01750>
- Clegg, K. A., Moskowitz, D. S., Miners, C. T. H., ... [et al.] (2021). Interpersonal perception and interpersonal spin. *Journal of Personality*, 89(3), 483–499. <https://doi.org/10.1111/jopy.12594>
- Crucianelli, L., & Filippetti, M. L. (2020). Developmental perspectives on interpersonal affective touch. *Topoi*, 39(3), 575–586. <https://doi.org/10.1007/s11245-018-9565-1>
- Dixon, J., & McKeown, S. (2021). Negative contact, collective action, and social change: Critical reflections, technological advances, and new directions. *Journal of Social Issues*, 77(1), 242–257. <https://doi.org/10.1111/josi.12429>

- Nejat, P., Bagherian, F., & Hatami, J. (2020). Do perceptions of warmth and competence explain moral norms regarding different social roles? *Analysis of Social Issues and Public Policy*, 20(1), 613–637. <https://doi.org/10.1111/asap.12217>
- Sutherland, C. A. M., Rhodes, G., & Young, A. W. (2017). Facial image manipulation: A tool for investigating social perception. *Social Psychological and Personality Science*, 8(5), 538–551. <https://doi.org/10.1177/1948550617697176>
- Tomasello, M. (2020). The role of roles in uniquely human cognition and sociality. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 50(1), 2–19.

References

- Anan'ev, B. G. (2010). *Chelovek kak predmet poznaniya* (3-e izd.). Piter.
- Andreeva, G. M. (2013). Social'noe poznanie i social'nye problemy. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, (1), 39–49.
- Baleva, M. V. (2020). Rol' kognitivnyh stilej v processe social'noj percepcii konkretnogo i bezlichnogo drugogo. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*, (1), 106–117. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-106-117>
- Bodalev, A. A. (2005). *Poznanie cheloveka chelovekom: Vozrastnoj, gendernyj, etnicheskij i professional'nyj aspekty*. Tekhnologicheskij universitet.
- Druzhinina, V. N. (2022). Teoreticheskij aspekt razvitiya obraza professii v strukture ya-koncepcii sotrudnikov policii. V *Professional'noe obrazovanie sotrudnikov organov vnutrennih del. Pedagogika i psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: sostoyanie i perspektivy (k 20-letiyu obrazovaniya Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Ya. Kikoty): sbornik nauchnyh trudov VI Mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 09–10 iyunya 2022 goda* (s. 138–140). Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii im. V.Ya. Kikoty.
- Lomov, B. F. (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii*. Nauka.
- Rean, A. A., & Konovalov, I. A. (2018). Social'no-perceptivnyj obraz razlichnyh social'nyh grupp v soznanii podrostkov. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 9(2), 60–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090205>
- Rubinshtejn, S. L. (2017). *Bytie i soznanie*. Piter.
- Sileckaya, A. V., & Dz'onik, D. V. (2022). Programma razvitiya social'noj percepcii kak sredstvo povysheniya effektivnosti professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov kadrovyyh podrazdelenij organov vnutrennih del. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, (2), 56–60. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-2-56-60>
- Sitnikov, V. L., Moroz, M. V., & Samoukova, M. I. (2024). *Obraz policejskogo v soznanii kursantov obrazovatel'noj organizacii MVD Rossii*. Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Sitnikov, V. L. (2023). *Social'no-perceptivnye obrazy v massovom soznanii*. Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Strelenko, A. A. (2023). Ya-obrazy kak lichnostnye resursy zhiznesposobnosti materej. *Lichnost' v prostanstve i vremeni*, (12), 102–113.
- Strelenko, A. A. (2022). Problema obraza cheloveka kak sub"ekta social'no-perceptivnogo otrazheniya: sistemnyj analiz. *Sistemnaya psihologiya i sociologiya*, 2(42), 64–74. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2022.42.2.06>
- Yurchenko, E. D. (2025). Teoretiko-metodologicheskie osnovy opredeleniya obraza Drugogo kak social'nogo konstrukta. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo*, (3), 199–203. <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2025.03.38>

- Brancazio, N. (2020). Being perceived and being "seen": Interpersonal affordances, agency, and self-hood. *Frontiers in Psychology, 11*, Article 1750. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01750>
- Clegg, K. A., Moskowitz, D. S., Miners, C. T. H., ... [et al.] (2021). Interpersonal perception and interpersonal spin. *Journal of Personality, 89*(3), 483–499. <https://doi.org/10.1111/jopy.12594>
- Crucianelli, L., & Filippetti, M. L. (2020). Developmental perspectives on interpersonal affective touch. *Topoi, 39*(3), 575–586. <https://doi.org/10.1007/s11245-018-9565-1>
- Dixon, J., & McKeown, S. (2021). Negative contact, collective action, and social change: Critical reflections, technological advances, and new directions. *Journal of Social Issues, 77*(1), 242–257. <https://doi.org/10.1111/josi.12429>
- Nejat, P., Bagherian, F., & Hatami, J. (2020). Do perceptions of warmth and competence explain moral norms regarding different social roles? *Analysis of Social Issues and Public Policy, 20*(1), 613–637. <https://doi.org/10.1111/asap.12217>
- Sutherland, C. A. M., Rhodes, G., & Young, A. W. (2017). Facial image manipulation: A tool for investigating social perception. *Social Psychological and Personality Science, 8*(5), 538–551. <https://doi.org/10.1177/1948550617697176>
- Tomasello, M. (2020). The role of roles in uniquely human cognition and sociality. *Journal for the Theory of Social Behaviour, 50*(1), 2–19.

Информация об авторе

Мария Ильинична Андреева – преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the author

Maria I. Andreeva – lecturer at the Department of Legal Psychology, the Research Center for Personnel and Psycho-Moral Support in Law Enforcement, Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 05.11.2025
Одобрена после рецензирования 18.01.2026
Опубликована 28.04.2026

Submitted November 05, 2025
Approved after reviewing January 18, 2026
Accepted April 28, 2026

УДК 159.9

Структура отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных: компоненты и динамика

Юрий Юрьевич Кучкарёв

ФКЛПУ МБ-10 УФСИН России по Вологодской области

(Вологда, Россия)

kuchkarev_adunktura@mail.ru

ORCID: 0009-0000-7194-6037

Аннотация

Введение. В статье анализируется структура отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных, представлены базовые компоненты и раскрыта динамика процесса. Неизлечимая болезнь и ожидание смерти могут вызывать редукцию социально значимых связей у этой категории осужденных, что приводит их к деструктивному, девиантному поведению, нарушению режима и правил внутреннего распорядка исправительного учреждения. В связи с этим проанализированы особенности отношения осужденных к жизни; рассмотрены ведущие компоненты в структуре отношения к жизни у категории неизлечимо больных осужденных; изучены проблемное поле и особенности динамики отношения к жизни данной категории. Отношение к жизни является значимой составляющей профилактики деструктивного поведения и суицидов у неизлечимо больных осужденных. **Цель исследования** – изучение психологических особенностей и структуры отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в учреждениях пенитенциарной системы; предложение общих рекомендаций по психологическому сопровождению данных лиц. **Методы исследования:** анализ литературных источников по теме исследования, метод обобщения и систематизации, системный анализ, теоретическое моделирование. **Результаты исследования (теоретического анализа):** в структуре отношения к жизни у осужденных с неизлечимыми заболеваниями можно выделить низкий уровень оценки собственной жизни, отрицание реальности, неудовлетворенность прожитым опытом, сложности в принятии решений, пессимизм, отсутствие жизненных целей. Для таких лиц характерны недоверие к людям, трудности взаимодействия с ними, чувство одиночества, ощущение социальной изоляции. **Выводы:** при реализации психологического сопровождения лиц данной категории особое внимание следует уделять формированию реалистичного отношения к жизни, что может стать основой продуктивного проживания оставшейся жизни.

Ключевые слова

отношение к жизни, неизлечимо больные осужденные, неизлечимые болезни, исправительные учреждения, пенитенциарная система, отношение к смерти, психологическое сопровождение, жизненный смысл

Для цитирования: Кучкарёв, Ю. Ю. (2026). Структура отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных: компоненты и динамика. *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 62–76.

Original paper

The structure of life attitude in terminally ill convicts: components and dynamics

Yuri Yu. Kuchkarev

Federal Penitentiary Service of the Ministry of Justice
of the Russian Federation for the Vologda Region
(Vologda, Russia)

kuchkarev_adunktura@mail.ru

ORCID: 0009-0000-7194-6037

Abstract

Introduction. The article provides an analysis of the structure of life attitude in terminally ill convicts, presents its basic components, and reveals the dynamics of the process. Terminal illness and waiting for death can cause a reduction in socially significant relationships among this category of convicts, leading them to destructive, deviant behavior and violations of the regime and internal rules of the correctional facility. In this regard, the characteristics of convicts' life attitude are analysed; the leading components in the structure of life attitude in terminally ill convicts are examined; the problem area and characteristics of the dynamics of life attitude among this category are studied. Life attitude is a significant component in the prevention of destructive behavior and suicide in terminally ill convicts. **The purpose of the research** is to examine the psychological characteristics and the structure of life attitude in terminally ill convicts sentenced to imprisonment in penitentiary institutions; to propose general guidelines for the psychological support of such individuals. **Research methods:** analysis of literary sources on the research issue, method of generalisation and systematisation, system analysis, theoretical modelling. **Research results (theoretical analysis):** the structure of life attitude in terminally ill convicts can be characterised in terms of low self-esteem, denial of reality, dissatisfaction with life experience, difficulty in decision-making, pessimism, and lack of life goals. Such individuals are characterised by distrust towards others, difficulties in interacting with them, feeling of loneliness, and a sense of social isolation. **Conclusions:** When providing psychological support to individuals in this category, particular attention should be paid to developing a realistic life attitude. Such an attitude can become the basis for a productive remaining life.

Keywords

life attitude, terminally ill convicts, terminal illness, correctional facilities, penitentiary system, death attitude, psychological support, life meaning

For citation: Kuchkarev, Yu. Yu. (2026). The structure of life attitude in terminally ill convicts: components and dynamics. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 62–76.

Введение

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) характеризуется решением многоаспектных задач, направленных на нивелирование деструктивного поведения различных категорий осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также на исправление осужденных и последующую реинтеграцию в социум после освобождения. При этом сложную категорию лиц представляют осужденные с неизлечимыми болезнями.

В настоящее время отмечается рост численности осужденных с тяжелыми хроническими заболеваниями (ВИЧ, онкология, терминальная стадия туберкулеза), в данной группе осужденных в силу недостатка методов психологической помощи в пенитенциарных учреждениях повышен риск суицида.

Категория неизлечимо больных осужденных может быть охарактеризована как специфическая социально-правовая и клиническая группа лиц, отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы и имеющих верифицированные тяжелые заболевания, отличающиеся прогрессирующим течением, отсутствием радикальных методов лечения и значительным ограничением продолжительности и качества жизни. С клинической точки зрения данная категория осужденных представлена лицами с заболеваниями, приводящими к необратимой декомпенсации жизненно важных систем организма.

Категория неизлечимо больных осужденных – это лица с тяжелыми (смертельными) заболеваниями, включающими ВИЧ/СПИД, туберкулез в активной форме, инсульты, цирроз печени, сахарный диабет II степени, хроническую сердечную недостаточность, типированные гепатиты, онкологические заболевания (рак), гипертоническую болезнь III стадии и др. (Колесникова & Цветкова, 2020).

Отдельной модели структуры отношения к жизни, адаптированной именно под категорию осужденных с неизлечимыми болезнями, нет, однако научные основы понимания отношения к жизни как категории в отечественной и зарубежной психологии заложены. С позиций психологии отношение к жизни трактуется как система, которая способна формировать жизненные смыслы индивида и его цели в жизни, а также регулировать те или иные способы достижения поставленных целей (см. работы С. Л. Рубинштейна, Б. С. Братуся, А. Н. Леонтьева, А. Г. Асмолова, Н. И. Непомнящей и др.).

Сложный аспект отношения к жизни в зарубежной психологии трактуется весьма широко (для понимания сути функционирования личности, системы отношений личности в социуме, собственно смысла жизни)

Так, А. Адлер делает акцент на взаимосвязи поведения человека со смыслом и направленностью жизни, подчеркивает субъективный смысл, который приобретают жизненные обстоятельства. Отношение к жизни исследователь связывает с жизненным стилем, жизненным планом и поведением (Адлер, 2017).

В представлении К. Г. Юнга человек стоит перед задачей нахождения смысла жизни, благодаря которому он живет и осознает свою жизнь. Жизненный смысл связан с наличием у человека неких духовных и культурных целей, и стремление к их достижению приводит человека к границам повседневности (Юнг, 2019).

В отечественной науке вопрос отношения к жизни рассматривается через призму деятельностного подхода, как путь раскрытия духовности человека, как изменение отношения человека к своему окружению через формирование обобщенного отношения к жизни, в котором отражается сложная взаимосвязь прошлого опыта, ситуации настоящего и планов на будущее (Асмолов, 2025).

Согласно взглядам С. Л. Рубинштейна, с точки зрения деятельностного подхода к вопросам жизни следует рассматривать отношение человека не к самой жизни, а именно к ее явлениям в отдельности. Основным аспектом здесь является рефлексия, благодаря ей индивид может осмыслить события своей жизни. Это приводит к духовности человека с учетом отношения к своему окружению, в котором происходит становление обобщенного отношения к жизни в целом, что позволяет реализовать поставленные цели, преобразуя всю жизненную ситуацию в дальнейшем (Рубинштейн, 2023).

Поддержание жизни обеспечивает человеку как его последующее внутреннее развитие, так и многоуровневую работу над собой. Отношение индивида к себе способствует появлению и развитию смыслов жизни, оказывающих значительное влияние на отношение человека к деятельности и к социуму (Рубинштейн, 2012).

Отношение к жизни определяет поведенческую активность, оно детерминировано человеческими ценностями и находит выражение в непосредственном принятии либо непринятии жизни, в самопринятии, в проявлениях ответственности за свою жизнь, а также в степени стремления человека к развитию¹.

Среди характеристик гармоничной личности на первый план следует поставить адаптивность, самоактуализацию и социализацию. Психическое равновесие тесно связано с адаптивностью психики и ее гармоничностью, согласованностью, внутренней безопасностью личности (Шаповал, 2014). Внутренняя безопасность личности и психологическое благополучие могут быть рассмотрены через призму личностно-ситуационного взаимодействия. Отношение раскрывается как сознательная, обусловленная опытом, избирательная связь индивида с теми или иными сторонами его жизни. Данная связь предстает в виде действий, реакций, а также личностных переживаний человека (Субботина, Чудакова, 2021).

В целом отношение к жизни является важной интегральной характеристикой личности, отражающей степень осмысленности, эмоциональной вовлеченности и активности в поведении в отношении своей жизни. У осужденных с неизлечимым заболеванием эта структура в значительной мере трансформируется под влиянием таких стрессогенных факторов, как лишение свободы и осознание неизбежности смерти.

У осужденных в условиях отбывания наказания в исправительном учреждении происходят срыв механизмов компенсации и редукция адаптивности, инициирующие значительные нарушения личностных структур. Это состояние характеризуется специфическими когнитивными, эмоциональными, ценностно-смысловыми и поведенческими особенностями, существенно влияющими на качество жизни, адаптацию и взаимодействие с окружением (Воронин, 2014).

У осужденных происходит распад ранее сложившихся социальных связей, в том числе семейных: прекращается общение с друзьями, редуцируются духовные интересы. При этом продолжительная бездеятельность и падение активности негативно сказываются на физическом состоянии, что еще в большей мере усугубляется развитием гиподинамии (Малетина и др., 2017).

Ранее мы отмечали, что «наличие неизлечимой болезни и перспектива скорой смерти могут привести осужденного к нарушению социально полезных связей, правил внутреннего распорядка учреждения, проявлению деструктивного поведения, агрессивному поведению, утрате социально полезных навыков, сосредоточении на роли больного при отказе от всех остальных социальных ролей, что в дальнейшем может затруднить процесс ресоциализации» (Кучкарев & Горностаев, 2025, с. 183).

В числе проблем в структуре отношения к жизни у осужденных на первый план выступает нарушение целеполагания – осужденные перестают планировать свое будущее даже в краткосрочной перспективе, всякая деятельность ими воспринимается как лишняя смысла, они с трудом вовлекаются в процесс реабилитации. Происходит сужение временной перспективы – осужденные утрачивают представления о будущем, не в состоянии связать текущие действия с отдаленными последствиями, фиксируются на сиюминутном. Отмечается редукция мотивации – отсутствие побуждений приводит к пассивности, апатии, утрате интересов. Кроме того,

¹ Асмолов, А. Г. (2023). *Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека*. Смысл.

выражена экзистенциальная неопределенность – нарастает чувство бессмысленности существования, появляется страх перед освобождением.

И. Б. Лебедев, И. Г. Евсеева, Ю. В. Чуманова отмечают, что у осужденных кардинальным образом меняется отношение к жизни, что явственно выражается в трансформации всей системы их смысложизненных ориентаций: меняются представления о целях, значимости существования, отношение к своему будущему, тем более что лишение свободы уже само по себе радикальным образом меняет структуру отношения к жизни.

У осужденных с неизлечимыми болезнями подобные тенденции лишь усугубляются ввиду ограничения жизненной перспективы. Само осознание скорого конца жизни делает долгосрочное планирование незначимым, проявляется смысловой кризис (абстракция «для чего жить?» приобретает особую актуальность), нарастает социальная изоляция – стигматизация по диагнозу усиливает отчуждение в среде осужденных. Происходит деформация когнитивного компонента отношения к жизни – осужденным его будущее воспринимается как источник страданий (в лучшем случае как пустота), при этом прошлое он переосмысливает через пережитую вину и потери, а настоящее переживается как тягостное и бесцельное. В эмоциональном плане это сопровождается чувством беспомощности, апатией, тревогой, раздражительностью. В поведении это проявляется в отказе от медицинской помощи, в аутоагрессии (голодовка, самоповреждения), нарушении режима как попытки вернуть контроль над своей жизнью.

В зарубежной пенитенциарной психологии широко поднимаются вопросы отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных. Так, Л. Марусчак пишет, что осужденные с тяжелыми хроническими заболеваниями жалуются на депрессию, потерю интереса к повседневности. В частности, осужденные с ВИЧ-инфекцией в значительной мере переживают утрату своего будущего, свободы, семьи. Так, «многие заключенные с ВИЧ/СПИДом переживают глубокую скорбь из-за утраты будущих жизненных возможностей, включая свободу, семейные отношения и личные цели. Это свидетельствует о кризисе смысла жизни, который возникает у неизлечимо больных осужденных, они могут чувствовать, что все, чего они хотели достичь, стало недостижимым» (Кучкарёв & Горностаев, 2025, с. 183).

Д. Рич полагает, что данная категория осужденных испытывает сложности в выстраивании будущих жизненных планов, так как существующий диагноз воспринимается именно как приговор, а условия содержания усиливают чувство бессмысленности существования (Rich et al., 2011).

С. Фазел подчеркивает, что в категории осужденных с неизлечимыми заболеваниями (ВИЧ/СПИД, рак, типированные гепатиты) фиксируется большее число суицидальных попыток, чем у физически здоровых осужденных. Исследователь приходит к выводу, что применение специализированных программ поддержки (включая психотерапевтическую помощь, работу с диагнозом и планирование будущего) способно снизить уровень суицида осужденных примерно на 30 % (Fazel & Baillargeon, 2011).

Комбинация из неизлечимой болезни и лишения свободы создает крайне сложную в психологическом плане ситуацию, способную привести к дезадаптации, потере жизненного смысла и суицидальным мыслям.

Отношение к жизни у данной категории осужденных может иметь значительные различия и находиться в зависимости от взглядов, системы ценностей, индивидуальности осужденных. Осужденные с неизлечимыми заболеваниями часто настроены пессимистично, порой безразличны к событиям своей жизни и не хотят ничего менять, пребывая в апатии и депрессии (Захарова, 2020).

Негативная окраска отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных – это именно системное изменение структуры личности, которое проявляется в уходе от реальности

и отрицании (осужденные избегают говорить о диагнозе, отказываются обсуждать свое будущее и игнорируют медицинские рекомендации), в утрате контроля и беспомощности (перестают планировать даже свое ближайшее время), в социальной изоляции и отчуждении (осужденные избегают контактов, утрачивают социальные навыки вследствие продолжительной изоляции, испытывают ощущение, что окружающие их сторонятся), в хронической усталости и апатии (ощущение пустоты внутри, эмоциональное выгорание, потеря интереса к текущей жизни, отсутствие желаний), в депрессивных и суицидальных тенденциях (смерть воспринимается как выход из ситуации), в отказе от лечения и саморазрушающем поведении, в самообвинении и т. д.

Отношение к жизни у неизлечимо больных осужденных изменено, оно показывает те или иные внутренние переживания и адаптационную недостаточность в стрессовых условиях или в критических условиях. Таким лицам присущи внутренние переживания пустоты своего существования, собственной ненужности, бесполезности, усиливающиеся при наличии внутреннего конфликта. Это выражается в негативных эмоциональных состояниях, оказывающих значимое отрицательное воздействие на комплексный исправительный процесс (Колесникова & Цветкова, 2020).

Осужденные ощущают неудовлетворенность собой, нехватку возможностей, понимают ограниченность ресурсов и осознают отношение к себе со стороны социума. При этом такие лица в значительной мере рефлексивны, самокритичны, не уверены в себе, напряжены и не чувствуют ценности собственной жизни. У них нет стремления активно проявлять себя в деятельности, создавать о себе хорошее впечатление у окружающих, показывать себя в лучшем свете, заниматься самопрезентацией, что создает препятствия во взаимоотношениях с окружающими и усиливает отчуждение от людей (Лебедев и др., 2020).

У осужденных с неизлечимым заболеванием ярко выражено чувство утраты контроля над своей жизнью и будущим, сопровождающееся негодованием, тоской, смирением. Для них характерно переосмысление ценностей, поиск смысла в страдании, желание найти примирение с внешним миром. В плане потребностей на первый план выходит физиологическая составляющая, физиологический комфорт. У таких лиц нарастает психическая истощаемость, разбитость, усталость, появляющиеся при незначительной нагрузке. В их поведении преобладают подавленность, частая смена настроения, неудовлетворенность своим моральным и физическим состоянием, они считают для себя невозможным радоваться чему-либо.

Тяжелое заболевание инициирует развертывание внутреннего конфликта, во многом провоцирующего осужденного на развитие депрессивных состояний, эмоциональной нестабильности, привносит в жизнь внушительные дестабилизирующие психоэмоциональные перегрузки. Уровень тревоги у данной категории лиц значительно возрастает, появляются и усиливаются раздражение, страх, обида, чувство стыда, чувство вины, ожидание негатива от внешнего мира, а наличие скрытой агрессии еще более отчуждает таких осужденных от физически здоровых людей. Таким людям крайне сложно брать на себя ответственность и вообще выполнять какую-либо работу, они стараются не проявлять активности и боятся сложностей.

Среди особенностей структуры отношения к жизни у осужденных с неизлечимыми заболеваниями отметим следующие (Воронин, 2014):

- низкий уровень принятия собственной жизни (отрицание ее реалий, непринятие событий прошлого);
- недоверие как к окружающим, так и к самому себе (общение с другими лишь при необходимости, минимизация контактов);
- отсутствие обозначенных целей (утрата веры в себя и свои возможности);

- сложности в принятии решений (затруднения при необходимости сделать выбор, значительные сомнения в уже принятых действиях, резкая самокритика, самоуничижение);
- наличие хронической усталости (стремление к одиночеству, напряжение при общении с большим количеством людей и одновременно обостренное чувство изоляции от общества);
- утрата воспоминаний о собственной жизни (изменение мнения о своем прошлом, негативное его принятие);
- понимание жизни как обреченного существования (отсутствие веры в лечение и в собственные силы).

На наш взгляд, усугубляют подобное негативное отношение условия заключения (жесткий режим, отсутствие приватности, зависимость от администрации пенитенциарного учреждения), наличие криминальной субкультуры (слабость воспринимается как уязвимость), отсутствие перспектив после освобождения (страх стигматизации и социальной изоляции), одиночество (нет поддержки от семьи, друзей, что усугубляет ощущение покинутости).

В исследованиях А. Н. Михайлова показано, что осужденные с неизлечимыми заболеваниями отличаются отсутствием инициативы, не могут переключить внимание на тот или иной вид деятельности, не стремятся вступать в борьбу с негативными последствиями и осложнениями своего заболевания. Чувство постоянного раздражения и отчаяния дополняют соматические нарушения – бессонница, раздражительность. Это сложное состояние многократно усиливается нарастающим чувством тревоги за свое состояние и предстоящие необратимые последствия заболевания.

По утверждению А. Н. Михайлова, «под влиянием отрицательных психических состояний у больных социально значимыми заболеваниями притупляется память, появляются безынициативность, неспособность сосредоточить внимание на какой-либо деятельности, нежелание бороться с негативными последствиями перенесённого заболевания. Ожидание освобождения и длительность срока отбывания наказания вызывают чувство постоянного раздражения и отчаяния» (Михайлов, 2017, с. 75).

Состояние осужденных с неизлечимыми заболеваниями представляет собой сложный комплекс психосоматических нарушений, с утратой смысла жизни и целей, социальной изоляцией и одиночеством, страхом перед будущим и ипохондрией, нарушениями когнитивной сферы, эмоциональной нестабильностью, влиянием пенитенциарного стресса, отсутствием адаптации к своему заболеванию.

Постоянно возникающие у осужденных мысли о своем заболевании ведут к развитию ипохондрии, что сопровождается тревогой и потерей трудоспособности. Также отмечается отсутствие позитивных событий и планов на будущее из-за неизлечимого заболевания и самого факта отбывания наказания (Михайлов, 2017).

Осужденные с неизлечимыми заболеваниями в ряде случаев решением своей проблемы видят собственную смерть по причине отчаянного положения, а также вследствие присущих им личностных особенностей. Среди значимых событий прошлого они особо выделяют события, связанные со своим заболеванием. Такие лица отличаются более низкой продуктивностью жизненного пути, не могут дать близкий прогноз собственной жизни. Они часто пытаются вытеснить неприятные для них переживания, в своем будущем они исключают какие-либо негативные события, предпочитая не вспоминать тяжелый диагноз, либо и вовсе никак не видят своего будущего. У них формируется страх смерти, они осознают ее неизбежность и воспринимают смерть как самоутрату, потерю чувств и переживаний, а также полную потерю сознания, завершение существования, конец жизненного пути (Михайлов, 2017).

Условия лишения свободы и стигматизация неизлечимых заболеваний (например, ВИЧ) усиливают чувство отчужденности. Такие осужденные избегают контактов либо вступают в них опосредованно, что лишь усугубляет их психологическое состояние. Часто у этих

лиц возникает ощущение, что жизнь прошла зря, а поставленные цели уже недостижимы. Мысли о смерти и физических страданиях доминируют и не дают сосредоточиться на иных аспектах жизни.

Кроме того, у осужденных лиц отмечаются проблемы с принятием решений, нестабильность эмоциональных состояний (когда раздражительность сменяется периодами депрессии), на фоне безысходности появляются суицидальные мысли. Искусственная социальная депривация в условиях ограничения свободы усиливает чувство безысходности, пенитенциарный стресс способен провоцировать тревожно-депрессивные расстройства. Невозможность принятия своего диагноза и адаптироваться к новым условиям лишь усиливает соматические проявления болезни.

Таким лицам присуща недостаточная насыщенность жизни в эмоциональном плане и полная или частичная утрата жизненного смысла. Они практически не интересуются жизненными событиями, теряют ориентиры и утрачивают перспективы на будущее. Прожитый этап понимается осужденными не полностью, они не удовлетворены уже прожитым и хотели бы, чтобы все сложилось иначе, но никак не могут повлиять на прошлое.

По мнению Е. В. Захаровой, данной категории осужденных присуща значительная психическая истощаемость, выражающаяся в нарастающем чувстве усталости, апатии, физической разбитости даже после незначительной нагрузки, все чаще возникающих суицидальных мыслях, в постоянных сменах настроения с преобладающим чувством подавленности. Осужденные остро переживают собственную незначимость и ненужность: они склонны во всем обвинять, упрекать и ненавидеть себя. В общении также есть свои особенности: коммуникация амбивалентна, конфликтна, во многом агрессивна и насыщена деструктивными эмоциями (Захарова, 2020).

Как правило, социум не принимает лиц с неизлечимыми заболеваниями. В исправительном учреждении осужденные с неизлечимыми болезнями часто становятся отверженными, вызывают негативные эмоции, на них отрицательно реагируют при взаимодействии. Это происходит по причине недостаточной осведомленности о заболевании других осужденных. Формируется реакция социального отторжения, выражающаяся у осужденных в стремлении отомстить, агрессивных выпадах, страхе за собственное существование. Со временем подобные явления лишь нарастают и могут закончиться совершением преступления или суицидом (Купченко & Куатов, 2009).

Отметим, что у таких осужденных воспоминания о прожитой жизни видятся в черном свете, так как их восприятие фиксируется на отрицательных сторонах и событиях прошлого. Осужденные осознают непоправимость совершенных ими ошибок, постоянно вызывают в памяти болезненные эпизоды, отчего образы прошлого становятся неприятными, несут негативный оттенок, что лишь усугубляет тяжесть текущего состояния.

При этом обстановка в исправительном учреждении полностью подчинена новой реальности и сопровождается невозможностью контролировать свою жизнь, думать о будущем и строить какие-то планы. Это обостряет состояние беспомощности, безысходности, бессмысленности происходящего, усиливая страх, тревогу и состояние неопределенности. Осмысленность жизни у таких осужденных на низком уровне, смысл существования крайне узок, представления о дальнейшем жизненном пути отсутствуют (Воронин, 2014).

Часто неизлечимо больные осужденные переживают развернутые внутренние личностные конфликты и сопутствующие им страхи, опасаясь за свою жизнь. При этом внутренние компоненты личности перетекают в негативный личностный статус, в котором понимание течения своей жизни ими утрачивается.

Структурно данные проявления могут быть представлены следующим:

- социальная изоляция: отстраненность осужденного с неизлечимым заболеванием от общения и от взаимодействия с социумом, избегание социумом контактов с осужденным, продолжительное пребывание в условиях социальной изоляции и следующее за этим нарушение социально полезных взаимосвязей, утрата приобретенных ранее навыков (Лебедев и др., 2020);
- чувство утраты контроля над течением собственной жизни: неизлечимо больные осужденные полагают, что не в состоянии более планировать свою жизнь и вообще каким-либо образом управлять ею, отмечают случайность произошедшего;
- страх перед неизбежной смертью: появляются и уже не прекращаются мысли о своей смерти и невозможности жить без своей болезни, что лишь усиливает уровень тревоги, депрессивные проявления, а также негативные психоэмоциональные состояния;
- чувство сомнения: перед осужденным остро встает проблема принятия терапии или отказа от нее ввиду недостаточной самооценки, уровня притязаний, а также низкой информированности больного о собственном заболевании (Воронин, 2014);
- появление проблем с адаптацией к заболеванию, которое негативно психологически сказывается на общем состоянии осужденного: нарастают физическая слабость, утомляемость, беспокойство, проявляются различные соматические проблемы и побочные эффекты, резко снижается физическая активность;
- сложности в коммуникации: наличие тяжелого заболевания способствует усилению страха у окружающих при взаимодействии с такими осужденными; в такой ситуации осужденный чувствует свое одиночество, не находя никакой поддержки от своего окружения;
- появление агрессивных выпадов в сторону сотрудников УИС, администрации, других осужденных: неизлечимо больные осужденные не доверяют сотрудникам администрации, психологу, воспитателям и медицинскому персоналу. Это часто сопровождается нарушением правил внутреннего распорядка учреждения и отказом от прохождения лечения;
- ощущение несправедливости: наличие неизлечимого заболевания часто вызывает озлобленность и обиду на свою судьбу. Осужденный часто считает виноватым во всем общество и свое окружение, при этом забывая о том, что сам ответственен за свою жизнь;
- депрессивные состояния: получение информации о наличии неизлечимого заболевания часто сопровождается возникновением негативного состояния, депрессии. В таком состоянии осужденный практически полностью отрицает свои духовные потребности, выдвигая на первый план физическую составляющую;
- аффективный и скрытый суицид: под влиянием негативных эмоций после получения информации о заболевании осужденный при недостатке психологической поддержки способен попытаться совершить суицид.

Неизлечимо больные осужденные затрудняются сформулировать дальнейшие цели своей жизни, полностью утрачивают возможность смены своей жизненной парадигмы. Они склонны полагать, что человек не в состоянии контролировать свою жизнь, теряют смысл жизни, утрачивают веру в медицинские возможности лечения. Такие лица однобоко воспринимают воспоминания о своей жизни, считая, что она всегда носила негативный характер. Они не переживают за свою жизнь, никому не доверяют, при общении с другими жалеют себя, на контакт идут неохотно, не следят за своим внешним видом и поведением в связи с отсутствием каких-либо целей на будущее.

Неизлечимо больные осужденные не могут самостоятельно принимать решения и способны к действиям лишь тогда, когда уверены в положительном исходе. Такие лица имеют склонность к самоуничтожению, самокритике, считают себя ненужными, остро реагируют на мнение окружающих, опасаясь осуждения и отвержения. Наличие неизлечимого заболевания

создает помехи в достижении целей. Цели утрачиваются и осужденные не берут на себя ответственность, не проявляют активности (Купченко & Куатов, 2009).

По мнению Р. М. Воронина, на примере ВИЧ-инфицированных осужденных можно проследить типичные реакции осужденных с неизлечимыми заболеваниями (Воронин, 2014):

- отрицание – часто осужденные отрицают наличие у себя тяжелой болезни, что затрудняет какую-либо адаптацию к новым условиям, необходимым, чтобы справиться с заболеванием, замедлить его переход в более тяжелую форму; однако на первых порах подобное отрицание способно ослабить влияние стресса;

- озлобленность – деструктивное поведение таких осужденных может проявляться в агрессии и раздражительности, эмоциональных выпадах в сторону других даже по самым незначительным поводам. При прогрессировании заболевания осужденный хотя и утрачивает свою способность к работе, но при этом может еще чувствовать себя относительно удовлетворительно. Во многом озлобленность вызвана бессмысленностью жизни, утратой прежних социальных связей и контактов, самообвинением и самобичеванием, в крайних случаях может принимать формы попыток к суициду;

- наличие суицидальных попыток – нарастает риск совершения суицида, который может выражаться активно (намеренное самоповреждение, влекущее за собой смерть) или пассивно (саморазрушающее поведение, сокрытие серьезных осложнений);

- возникновение страха смерти, а также страха отвержения социумом, оставления без поддержки, страх потери физических или умственных способностей;

- нарастание чувства беспокойства и тревожности, возникающих из-за неопределенности, связанной с течением заболевания, опасение появления иных заболеваний или перехода болезни в более тяжелую форму. Беспокойство во многом связано с ухудшением способности к деятельности, продуктивности, а также с утратой физической независимости.

Е. Ф. Штефан утверждает, что осужденные с неизлечимыми заболеваниями (например, с ВИЧ-инфекцией) в ряде случаев применяют в отношении себя тактику оправдания за совершенное, ссылаются на воздействие внешних негативных факторов (заболевание, усталость), не могут объяснить другим причины собственных неудач, не принимают вины за ранее совершенные деяния, не пытаются приносить извинения (Штефан, 2022).

Данные лица редко применяют тактику оправдания, могут отрицать свою ответственность, стараются найти способы, помогающие снять негативную реакцию окружения, но объяснить причины своих неудач не стремятся, равно как и приносить извинения.

Е. Ф. Штефан поясняет, что у осужденных нет какого-либо стремления активно действовать с целью произвести нужное впечатление на окружающих. Подобный отказ от применения защитных стратегий самопрезентации говорит о том, что для таких осужденных уже не имеет значения мнение окружающих о них, они уже не используют всего многообразия способов самотрансляции вовне (Штефан, 2022).

Следует отметить наличие у осужденных склонности к рефлексивности и критичного отношения к себе. В них присутствует отчетливо выраженная внутренняя напряженность, неуверенность в положительном отношении к ним их окружения. Иногда отмечается конфликтный характер какого-либо взаимодействия, что во многом связано с искаженными представлениями о себе и своих возможностях. Имеет значение и то, что данные лица были неоднократно судимы и употребляли алкоголь, наркотические и психотропные средства (Малетина и др., 2017).

Кроме того, у осужденных с неизлечимыми заболеваниями наблюдается неоднозначность возможной динамики отношения к жизни. Это обусловлено множеством воздействующих факторов, среди которых: тип заболевания, тяжесть заболевания, возраст, предшествующий образ жизни, индивидуальные особенности, условия содержания. В пенитенциарной среде динамика

отношения к жизни осложняется изоляцией, ограничениями. Так, осужденные с ВИЧ-инфекцией сталкиваются со стигматизацией и страхом заражения со стороны окружения; злоупотребление алкоголем и наркотиками в прошлой жизни осложняют адаптацию к болезни.

Такие осужденные осознают неизбежность скорой смерти, и понимание временности физического существования дает им повод задуматься о своей жизни. Кризисный период жизни ставит человека перед основополагающими вопросами смысла жизни и страха смерти. При этом осознание смерти и понимание смысла жизни начинают формироваться лишь с течением времени, после прохождения кризисных этапов, когда у человека по-новому начинают складываться представления и отношение к жизни и смерти (Шаповал, 2014).

Выделим основные стадии динамики отношения к жизни у таких осужденных.

1. Отрицание как отказ признать реалии своего заболевания. Осужденные считают поставленный диагноз врачебной ошибкой либо временным состоянием. Подобное поведение – защитная реакция, дающая возможность ситуативно понизить уровень стресса, но осложняющая адаптацию к новым условиям и отодвигающая начало лечения.

2. Гнев, протестные реакции. При ослаблении отрицания появляются злость, раздражение, негодование. Здесь возможно вымещение гнева на окружающих (других осужденных, сотрудниках учреждения).

3. Торг. У осужденных может проявляться стремление начать вести здоровый образ жизни, помириться с родными, близкими. Могут появиться просьбы назначить лекарственные препараты. В целом здесь проявляется стремление контроля над ситуацией.

4. Депрессия. Понимание осужденными неизбежности конца приводит к депрессии, появляются чувство вины, тяга к самоубийству, нарастает замкнутость, теряются интерес к жизни, смысла в действиях, появляются суицидальные мысли.

5. Принятие как примирение с собственной судьбой, начало осмысления прожитого, стремление наладить отношения с близкими, обращение к религии либо иным формам духовного поиска, попытки компенсировать свои прежние деяния положительным поведением и добрыми поступками в виде помощи другим осужденным и участия в делах учреждения.

Динамика отношения осужденных к жизни, на наш взгляд, вовсе не линейный показатель: осужденные могут возвращаться к предыдущим стадиям, колебаться в мнениях, «застрывать» на определенном этапе. Не всегда удается достичь относительно стабильного состояния. В идеале человек находит новые жизненные смыслы – в духовности, в помощи своему окружению. Во многом депрессивные состояния и отчаянье способны привести к суицидальным попыткам или полному отказу от лечения, т. е. исход не регламентирован, человек может переходить от одного типа к другому, а также возвращаться к предыдущим состояниям.

В случае деструктивного исхода следует отметить его негативный характер, что сопровождается углублением депрессии, отказом от терапии, агрессией к персоналу пенитенциарного учреждения, при доступности – злоупотреблением алкоголем или наркотиками, а также саморазрушающим поведением (вплоть до суицида). Здесь механизмом формирования служит сочетание заболевания с лишением свободы как многоуровневый стресс, отсутствие поддержки, чувство вины за прошлые деяния, отчаяние от картины своего будущего, стигматизация в среде осужденных (особенно при туберкулезе, ВИЧ).

В случае пассивного принятия (адаптации через смирение) у осужденных отмечается снижение тревожности (однако без поисков новых смыслов), механическое выполнение требований, уход в рутину, минимизация контактов, фатализация. Подобное поведение формируется при истощении после продолжительной борьбы с болезнью, отсутствии внешних стимулов (например, отсутствие планов после освобождения), появлении религиозности как способа оправдания пассивности.

В случае конструктивного принятия (адаптации через переосмысление) осужденный при наличии неизлечимой болезни ищет новые жизненные смыслы. Это проявляется в участии в жизни пенитенциарного учреждения (помощь другим осужденным), в обращении к религии и духовным практикам, в попытках восстановления отношений с семьей и близкими, в творчестве (поделки, самодеятельность). Для подобного исхода необходимо наличие значимых людей вокруг (родственник, психолог или священник), также нужен доступ к информации о своей болезни, способах поддержания качества жизни, программы психологической помощи в учреждении. Реалистичное отношение к жизни может стать основой для продления и продуктивного проживания оставшегося времени, а также для адекватной коммуникации с окружающими (Кучкарев & Горностаев, 2025, с. 185).

Возможен также компенсаторный исход, обуславливающий развитие гиперкомпенсации, суть которой состоит в попытке искупить свою вину посредством чрезмерной активности. Это находит выражение в фанатичном соблюдении режима, стремлении помогать другим даже в ущерб себе, в публичном покаянии, демонстративном раскаянии, активном участии в мероприятиях пенитенциарного учреждения. И здесь риски связаны с перегрузками и обострением заболевания, а также с разочарованием при недостатке признания со стороны других осужденных.

В случае регрессивного исхода (инфантилизации) происходит возврат к детским моделям поведения как защите от стресса, что проявляется в зависимости от персонала, избегании любых решений, беспомощности, плаксивости, фиксации на мелочах. Причиной может стать недостаточная психологическая устойчивость до болезни, недостаток опыта самостоятельного преодоления трудностей.

В случае социально-адаптивного исхода через подготовку к освобождению суть динамики состоит в осознанной подготовке к жизни после освобождения, несмотря на наличие неизлечимого заболевания. Это выражается в планировании осужденным своей будущей жизни (поиск жилья, планирование бюджета, обучение новой профессии при доступности, восстановление документов, налаживание контактов с социальными службами). В качестве необходимых условий для положительного исхода выступают реалистичные сроки освобождения, поддержка социальных служб, вера в возможность достойной жизни с заболеванием.

В числе факторов, влияющих на вероятность того или иного исхода, можно выделить индивидуальные – возраст (молодые осужденные часто выбирают деструктивные или компенсаторные модели, а пожилые – пассивное принятие), образовательный уровень, религиозность; медицинские – аспекты прогрессирования заболевания (при быстром ухудшении чаще развивается депрессия), наличие болевого синдрома (усиливаются апатия или агрессия), доступность паллиативной помощи (может снизить страх смерти); социальные – контакты с родственниками и близкими, отношение персонала пенитенциарного учреждения, субкультура учреждения (жестким зонам присуща агрессия либо регрессия); психологические – прежний опыт преодоления кризисов, способность рефлексировать, наличие целей.

Проведенный анализ проблемы позволяет отметить, что независимо от того, какие именно неизлечимые заболевания имеют осужденные, все они испытывают значительные физические и эмоциональные переживания. Дальнейшее изучение данного вопроса поможет определить более эффективные пути психологической, медицинской, социальной помощи осужденным в соответствии с имеющимся у них диагнозом.

Нами была рассмотрена проблема структуры и особенности отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных. В числе неизлечимо больных широко представлены группы лиц с такими заболеваниями, как ВИЧ/СПИД, туберкулез (в запущенной форме), сахарный диабет II степени, цирроз печени, хроническая сердечная недостаточность, онкология (рак).

Тяжелый диагноз неизлечимо больными осужденными воспринимается негативно, вызывает нарастание тревоги, депрессию и склонность к саморазрушению, деструктивному поведению вплоть до суицидальных попыток.

Исходы динамики отношения к жизни у таких лиц варьируются от значительной деструкции до конструктивного переосмысления. И здесь крайне важна психологическая помощь, создание условий для осмысления жизни даже при ограниченных обстоятельствах, поддержка со стороны окружения, грамотное сопровождение даже в тяжелых условиях.

Изучаемый нами важный критерий отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных может играть значимую роль в ресоциализации данных лиц, при оказании помощи в терапии заболевания, выступая значимым показателем снижения частоты попыток к суициду и рецидива преступности в целях формирования реалистичного и позитивного отношения к жизни. Неизлечимо больные осужденные должны видеть реальное достижение своих целей и задач для формирования навыков саморегуляции и саморазвития, положительной направленности на еще не прожитый остаток жизни.

Список литературы

- Адлер, А. (2017). *Индивидуальная психология*. Питер.
- Асмолов, А. Г. (2025). *Психология достоинства: Искусство быть человеком*. Альпина Паблишер.
- Воронин, Р. М. (2014). Психологические особенности ВИЧ-инфицированных осужденных. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, (3), 68–75.
- Захарова, Е. В. (2020). Социальная фрустрированность больных туберкулезом. *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*, (1), 401–405. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.1.p401-405>
- Колесникова, Н. Е., & Цветкова, Н. А. (2020). *Пенитенциарная психология: социально-психологический подход к ресоциализации осужденных мужчин* (2-е изд.). Юрайт.
- Купченко, В. Е., & Куатов, А. К. (2009). Особенности временной перспективы осужденных с разным типом Я-концепции. *Вестник Омского университета*, 1, 10–16.
- Кучкарёв, Ю. Ю., & Горностаев, С. В. (2025). Психологическая характеристика отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных. *Пенитенциарная наука*, 19(2), 180–188. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2025.70.2.008>
- Лебедев, И. Б., Евсеева, И. Г., Гаврина, Е. Е., & Чуманов, Ю. В. (2020). Психологические особенности представления о смысле жизни осужденными и особенности его формирования. *Вестник Московского университета МВД России*, (2), 326–332. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10120>
- Малетина, Е. А., Годованец, О. Г., & Барская, А. В. (2017). Психологическое сопровождение осужденных, имеющих ограничения по здоровью. *Вестник института: преступление, наказание, исправление*, (2), 87–92.
- Михайлов, А. Н. (2017). Особенности восприятия значимых жизненных ситуаций неизлечимо больными осужденными мужчинами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях (на примере ВИЧ-инфицированных осужденных). *Прикладная юридическая психология*, (2), 73–79.
- Рубинштейн, С. Л. (2012). *Бытие и сознание*. Питер.
- Рубинштейн, С. Л. (2023). *Основы общей психологии*. Питер.
- Субботина, Л. Ю., & Чудакова, Т. Л. (2021). Взаимовлияние безопасности личности и ее свойств. *Ярославский педагогический вестник*, (2), 87–95. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-2-119-87-95>

- Шаповал, И. А. (2014). Конструктивистско-психологический дискурс в анализе расстройств личности. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, (7-2), 157–161.
- Штефан, Е. Ф. (2022). Особенности Я-концепции осужденных, больных туберкулезом. *Мир науки. Педагогика и психология*, 10(6).
- Юнг, К. Г. (2019). *Архетипы и коллективное бессознательное*. АСТ.
- Fazel, S., & Baillargeon, J. (2011). The health of prisoners. *The Lancet*, 377(9769), 956–965. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(10\)61053-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(10)61053-7)
- Rich, J. D., Wakeman, E. A., & Dickman, S. L. (2011). Delivering quality health care in the correctional setting. *American Journal of Public Health*, 101(Suppl. 1), 23–30.

References

- Adler, A. (2017). *Individual'naya psihologiya*. Piter.
- Asmolov, A. G. (2025). *Psihologiya dostoinstva: Iskustvo byt' chelovekom*. Al'pina Publisher.
- Voronin, R. M. (2014). Psihologicheskie osobennosti VICH-inficirovannyh osuzhdennyh. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptaciya, razvitie*, (3), 68–75.
- Zaharova, E. V. (2020). Social'naya frustrirovannost' bol'nyh tuberkulezom. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*, (1), 401–405. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.1.p401-405>
- Kolesnikova, N. E., & Cvetkova, N. A. (2020). *Penitenciarnaya psihologiya: social'no-psihologicheskij podhod k resocializacii osuzhdennyh muzhchin* (2-e izd.). YUrajt.
- Kupchenko, V. E., & Kumatov, A. K. (2009). Osobennosti vremennoj perspektivy osuzhdennyh s raznym tipom Ya-konceptii. *Vestnik Omskogo universiteta*, 1, 10–16.
- Kuchkarev, Yu. Yu., & Gornostaev, S. V. (2025). Psihologicheskaya harakteristika otnosheniya k zhizni u neizlechimo bol'nyh osuzhdennyh. *Penitenciarnaya nauka*, 19(2), 180–188. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2025.70.2.008>
- Lebedev, I. B., Evseeva, I. G., Gavrina, E. E., & Chumanov, Yu. V. (2020). Psihologicheskie osobennosti predstavleniya o smysle zhizni osuzhdennymi i osobennosti ego formirovaniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (2), 326–332. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10120>
- Maletina, E. A., Godovanec, O. G., & Barskaya, A. V. (2017). Psihologicheskoe soprovozhdenie osuzhdennyh, imeyushchih ogranicheniya po zdorov'yu. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, (2), 87–92.
- Mihajlov, A. N. (2017). Osobennosti vospriyatiya znachimyh zhiznennyh situacij neizlechi-mo bol'nymi osuzhdennymi muzhchinami, otbyvayushchimi nakazanie v ispravitel'nyh uchre-zhdeniyah (na primere VICH-inficirovannyh osuzhdennyh). *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, (2), 73–79.
- Rubinshtejn, S. L. (2012). *Bytie i soznanie*. Piter.
- Rubinshtejn, S. L. (2023). *Osnovy obshchej psihologii*. Piter.
- Subbotina, L. Yu., & Chudakova, T. L. (2021). Vzaimovliyanie bezopasnosti lichnosti i ee svojstv. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, (2), 87–95. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-2-119-87-95>
- Shapoval, I. A. (2014). Konstruktivistsko-psihologicheskij diskurs v analize rasstrojstv lichnosti. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, (7-2), 157–161.
- Shtefan, E. F. (2022). Osobennosti Ya-konceptii osuzhdennyh, bol'nyh tuberkulezom. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 10(6).
- Yung, K. G. (2019). *Arhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe*. AST.
- Fazel, S., & Baillargeon, J. (2011). The health of prisoners. *The Lancet*, 377(9769), 956–965. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(10\)61053-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(10)61053-7)

Rich, J. D., Wakeman, E. A., & Dickman, S. L. (2011). Delivering quality health care in the correctional setting. *American Journal of Public Health*, 101(Suppl. 1), 23–30.

Информация об авторе

Юрий Юрьевич Кучкарёв – старший психолог психологической лаборатории ФКЛПУ МБ-10 УФСИН России по Вологодской области.

About the author

Yuri Yu. Kuchkarev – Senior Psychologist at the Psychological Laboratory of the Federal State Medical and Preventive Institution MB-10 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Region.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 09.10.2025

Одобрена после рецензирования 27.01.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted October 09, 2025

Approved after reviewing January 27, 2026

Accepted April 28, 2026

Оригинальная статья

УДК 159.922.76

Социально-психологические особенности склонности к рисковому поведению подростков с ограниченными возможностями здоровья

Людмила Александровна Максимова

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)
maksimova70@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0017-5321

Александр Васильевич Смирнов

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)
k-66756@planet-a.ru

ORCID: 0000-0003-1777-139X

Равиль Азатович Валиев

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)
rw1973@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6586-211X

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются социально-психологические факторы формирования склонности к рисковому поведению обучающихся подросткового возраста с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ). Актуальность определяется решением задач организации профилактики вовлечения подростков в рисковое поведение, к которым относятся различные варианты аддиктивного поведения, поведение, связанное с причинением физических повреждений, экстремальное поведение, отклонения в пищевом поведении, а также вовлечение в деструктивные группы и объединения. **Методы исследования.** Основным диагностическим средством выступила единая методика социально-психологического тестирования для нормотипичных обучающихся и детей с ОВЗ (формы А для 7–9-х классов школ). Целью данного исследования является выявление специфики выраженности социально-психологических особенностей склонности к рисковому поведению юношей и девушек подросткового возраста с различными нозологиями. **Результаты.** Результаты исследования показывают влияние пола и ограниченных особенностей здоровья на формирование склонности к рисковому поведению. Девушки с ОВЗ имеют более высокие результаты по шкалам «Плохая приспособляемость, зависимость», «Импульсивность», «Тревожность». Сравнение данных путем сопоставления групповых норм для обучающихся с ОВЗ и нормотипичным развитием показал, что у подростков с ОВЗ более сформированы факторы защиты: принятие

родителями и одноклассниками, социальная активность и самоконтроль поведения. Описанные в исследовании особенности могут послужить основой для организации целенаправленной профилактической работы с несовершеннолетними с ОВЗ.

Ключевые слова

аддикция, аддиктивное поведение, зависимое поведение, единая методика социально-психологического тестирования

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения «Научный анализ применения единой методики социально-психологического тестирования обучающихся с ОВЗ, направленного на раннее выявление немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, и ее доработка».

Для цитирования: Максимова, Л. А., Смирнов, А. В., Валиев, Р. А. (2026). Социально-психологические особенности склонности к рисковому поведению подростков с ограниченными возможностями здоровья. *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 77–91.

Original paper

Socio-psychological characteristics of risk prone behavior in adolescents with disabilities

Lyudmila A. Maksimova

Ural State Pedagogical University
(Ekaterinburg, Russia)
maksimova70@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0017-5321

Aleksandr V. Smirnov

Ural State Pedagogical University
(Ekaterinburg, Russia)
k-66756@planet-a.ru

ORCID: 0000-0003-1777-139X

Ravil A. Valiev

Ural State Pedagogical University
(Ekaterinburg, Russia)
rw1973@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6586-211X

Abstract

Introduction. This article examines the socio-psychological factors contributing to the formation of risk prone behavior in adolescent students with disabilities (hereinafter referred to as SWD). The relevance of the study is determined by the need to address the challenges of preventing adolescents' involvement in risk behavior, which include various forms of addictive behavior, self-injurious behavior, extreme behavior, eating disorders, as well as participation in destructive groups and associations. **Methods.** The main diagnostic tool used was the Unified Socio-Psychological Testing methodology for normatively developing students and children with SWD (Form A for grades 7-9 of high schools). **Objective.** The aim of this study is to identify the specific patterns of socio-psychological characteristics associated with risk prone behavior in male and female adolescents with different types

of disabilities. Results. The findings demonstrate the influence of gender and specific health limitations on the formation of risk prone behavior. Female adolescents with SWD show higher scores on the scales “Poor adaptability, dependency”, “Impulsivity”, and “Anxiety”. Comparison of the data using the normative indicators for students with SWD and for those with typical development revealed that adolescents with SWD have more developed protective factors: acceptance by parents and classmates, social activity, and self-regulation of behavior. **Conclusion.** The characteristics described in the study can serve as a basis for organising targeted preventive work with minors with disabilities.

Keywords

addiction, addictive behavior, dependent behavior, Unified Socio-Psychological Testing methodology

Acknowledgments

The research was carried out within the framework of a state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation “Scientific Analysis of the Application of the Unified Methodology for Socio-Psychological Testing of Students with Disabilities Aimed at Early Detection of Non-Medical Use of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances, and Its Improvement”.

For citation: Maksimova, L. A., Smirnov, A. V., Valiev, R. A. (2026). Socio-psychological characteristics of risk prone behavior in adolescents with disabilities. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 77–91.

Введение

Анализ научной литературы показывает, что в последние годы наметилась тенденция к увеличению числа исследований в области рискованного поведения, в том числе у несовершеннолетних. Под рискованым поведением понимается поведение, несущее добровольное принятие личностью элементов риска для жизни и здоровья, субъективно воспринимаемое индивидом как значимое для достижения определенной цели. К спектру вариантов рискованного поведения относятся все виды аддиктивного поведения (алкоголизм, наркомания, игромания, адреналиномания и др.); поведения, связанного с причинением физических повреждений (насилие, суицид, самоповреждающее поведение); экстремальное поведение (например, зацепинг и пр.); отклонения в пищевом поведении; поведение, связанное с деструктивным характером социальных групп и объединений (вовлечение в организации экстремистского содержания, в частности А.У.Е.*, «Колумбайн»*); автономный скулшутинг; вовлечение в деструктивные культы (Смирнов, Максимова, 2022).

В ряде отечественных и зарубежных исследований отражено, что пик склонности к рискованному поведению приходится именно на подростковый возраст. Например, исследование, проведенное N. Duell с коллегами в 11 странах (Китай, Колумбия, Кипр, Индия, Италия, Иордания, Кения, Филиппины, Швеция, Таиланд и США), позволило сделать вывод о том, что во всем мире склонность к риску, как правило, наиболее высока среди лиц позднего подросткового возраста (Duell et al., 2019).

Рискованное поведение становится предметом изучения с позиции различных подходов. В психологических исследованиях изучаются прежде всего личностные факторы формирования склонности к различным формам рискованного поведения. Например, в исследованиях N. Sadeh с коллегами описывается связь между рискованым поведением и уровнем саморегуляции (Sadeh et al., 2025), а в исследованиях E. Guz и соавторов выявляется связь между склонностью к рискованному поведению и уровнем самооценки (Guz et al., 2025). J. Fryt и коллеги в качестве личностных факторов возникновения подобного поведения изучали влияние выраженного стремления к вознаграждению (Fryt & Szczygiel, 2021), а E. Gerle и соавторы отмечают

*Экстремистская организация, запрещенная в России.

фрустрацию потребности в контроле (Gerle et al., 2025). L. Koets и коллеги исследовали связи рискованного поведения с использованием определенных механизмов совладания с трудностями (Koets et al., 2025). В трудах А. В. Смирнова и коллег выявляются социально-психологические характеристики обучающихся, склонных к отклоняющемуся поведению (Смирнов и др., 2022). В работах А. И. Кувшиновой и Т. В. Некрут изучаются склонность подростков к внушению и риск вовлечения их в религиозные секты (Кувшинова & Некрут, 2018).

Часть исследований сосредоточена на выявлении влияния пережитых личностью психологических травм и стресса на вероятность возникновения рискованного поведения. Например, N. Weiss и соавторы показывают роль посттравматического стрессового расстройства (Weiss et al., 2015). Среди факторов формирования склонности к рискованному поведению исследователи выделяют влияние семьи. L.-X. Wang с коллегами выбор определенных форм рискованного поведения связывает с психотравмирующим детским опытом (Wang et al., 2025). J. Ma и соавторы описывают влияние телесных наказаний в детстве на возникновение рискованного поведения в подростковом возрасте (Ma et al., 2021). Связь употребления психоактивных веществ с жестоким обращением в детстве отмечается в работе A. Olson с коллегами (Olson et al., 2022). F. Meulewaeter и соавторы выявили влияние пренебрежения родителями в раннем детстве на риск возникновения аддиктивного поведения (Meulewaeter et al., 2022). На основе анализа данных 26 исследований E. Monari и соавторы связывают вероятность вовлечения в рискованные формы поведения с наличием зависимостей у родителей, их агрессивным поведением и определенной семейной культурой (Monari et al., 2024).

В нейропсихологических исследованиях склонность к риску показывается в качестве особенностей подросткового возраста. А. С. Рахимкулова связывает рискованное поведение подростков с гетерохронностью созревания мозговых структур (Рахимкулова, 2017). Проведенный T. Ding с коллегами метаанализ данных позволил описать нейронные механизмы возникновения склонности к риску (Ding et al., 2025). F. Qin и коллеги исследовали нейронные корреляты, влияющие на решение о риске (Qin et al., 2025). M. Bahri с соавторами отмечает роль таламуса (Bahri et al., 2025), Y. Ishikawa и коллеги изучали значение функциональных связей миндалевидного тела и вентрального полосатого тела в формировании склонности к риску (Ishikawa et al., 2025), а D. Gabriel и соавторы выявили роль латеральной орбитофронтальной коры (Gabriel et al., 2025).

Особую актуальность имеют исследования склонности к рискованному поведению подростков с ОВЗ в силу их повышенной уязвимости к вовлечению в различные варианты подобного поведения, поэтому одним из значимых аспектов психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ является организация профилактики их вовлечения в рискованные формы поведения. Е. В. Семенова с коллегами выявляет индивидуально-личностные, когнитивные и средовые факторы вовлечения несовершеннолетних обучающихся с ОВЗ в рискованные формы поведения (Semenova et al., 2025). Л. Б. Шнейдер проводит анализ специфики девиантного поведения детей с ОВЗ, отмечая его различия у представителей различных нозологий (Шнейдер, 2020). В России задача выявления обучающихся, имеющих склонность к рискованному поведению, решается с помощью повсеместного проведения единой методики социально-психологического тестирования обучающихся с ОВЗ (далее – ЕМ СПТ-ОВЗ). Однако организация профилактической и консультационной помощи детям с ОВЗ нуждается в исследовательских данных о социально-психологических особенностях склонности к рискованному поведению подростков с различными нозологиями.

Целью данного исследования является выявление специфики выраженности социально-психологических особенностей склонности к рискованному поведению юношей и девушек подросткового возраста с различными нозологиями.

Для достижения поставленной цели сформулирована следующая гипотеза: существуют социально-психологические особенности проявлений факторов защиты и риска склонности к рисковому поведению у подростков, обучающихся в 7–9-х классах, связанные с полом и нозологией.

Материалы и методы

Основным диагностическим методом выступила единая методика социально-психологического тестирования несовершеннолетних с ОВЗ (ЕМ СПТ-ОВЗ), разработанная на основе единой методики социально-психологического тестирования несовершеннолетних (ЕМ СПТ-ОВЗ), предназначенной для раннего выявления склонности к рисковому поведению обучающихся с нормотипичным развитием, проведение которой является обязательным на всей территории РФ¹. Для достижения цели исследования использовались специальные формы А (7–9-е классы школ) для слабослышащих, слабовидящих и обучающихся с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Методика позволяет выявить как имеющиеся у испытуемых риски формирования склонности к рисковому поведению (шесть шкал), так и социально-психологические факторы защиты (шесть шкал), позволяющие личности противостоять вовлечению в различные варианты подобного поведения.

В исследовательскую выборку вошли 554 испытуемых с ОВЗ и 286 нормотипичных подростков мужского пола, 443 испытуемых с ОВЗ и 287 обучающихся с нормотипичным развитием женского пола – всего 1570 обучающихся 7–9-х классов из семи регионов РФ.

Обработка полученных данных осуществлялась с помощью математико-статистических методов. Нормальность распределения проверялась по критерию Колмогорова–Смирнова с учетом различных параметров – пола, нозологии, формы методики. Данные проверялись на репрезентативность методом расщепления выборки по критерию «первый – второй» с последующей проверкой различий по критерию Манна–Уитни. Проверка подтвердила репрезентативность данных. Выявление специфических особенностей у представителей различных нозологических групп ОВЗ на фоне контрастной группы нормотипичных подростков производилось путем сопоставления схожих переменных по критерию нозологии между каждой нозологической группой по критериям Манна–Уитни и ANOVA Краскала–Уоллеса.

Результаты

Нормальность распределения по критерию Колмогорова–Смирнова не подтвердилась ни по одному из проверяемых параметров (пол, нозология, форма методики). В среднем 91 % переменных не соответствовал нормальности распределения данных.

Далее проводилась проверка на репрезентативность методом расщепления выборки по критерию «первый – второй» с последующей проверкой различий по критерию Манна–Уитни. Проверка подтвердила репрезентативность данных. Различия между половинами выборки отсутствовали в 95 % переменных, поэтому раскрываемые в публикации закономерности можно распространять на достаточно большие объемы генеральной совокупности.

Выявление специфических особенностей у представителей различных нозологических групп ОВЗ на фоне контрастной группы нормотипичных лиц позволило сделать вывод о значимо более низких значениях по всем шкалам у подростков.

Применение ANOVA Краскала–Уоллеса в определении специфических особенностей групп показало синхронное влияние факторов пола, нозологической группы и формы методики СПТ на большую часть рассматриваемых переменных ($CC = 0,79$ при $p < 0,00001$; $r = 0,79$ при $p < 0,00001$; $\chi^2 (df = 3) = 81,29$ при $p < 0,00001$; $KW = 6,38 \div 49,89$ при $p < 0,02 \div 0,00001$).

¹ Министерство просвещения РФ, & ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей». (2024). *Руководство по использованию методики социально-психологического тестирования*.

Построение полной дисперсионной модели ANOVA подтвердило наличие закономерности по параметрам: факторы риска и защиты, пол испытуемых, их нозологическая группа. Показатели по рассматриваемым переменным $W = 0,80$; $F = 6,88$, $p < 0,000001$ с ОВЗ по сравнению со сверстниками с нормотипичным развитием.

В связи с разным количеством вопросов в шкалах методик для обучающихся с ОВЗ и нормотипичным развитием сравнение данных проводилось путем сопоставления групповых норм, подсчитанных разработчиками методики для каждой нозологической группы и пола.

Таблица 1. Соответствие показателей по шкале ППЗ («Плохая приспособляемость, зависимость») групповой норме (ниже, норма, выше)

Table 1. Correspondence of Scores on the Poor Adaptability, Dependency (PAD) Scale to the Group Norm (Below, Normal, Above)

ППЗ	Форма А			
	Слабовидящие	Слабослышащие	Нарушение опорно-двигательного аппарата	Нормотипичные
Муж.	Норма	Норма	Норма	Выше
Жен.	Выше	Выше	Выше	Выше

Как видно из таблицы 1, у обучающихся с нормотипичным развитием и девушек всех трех нозологий ОВЗ наблюдается повышенные баллы по шкале ППЗ («Плохая приспособляемость, зависимость»); это свидетельствует о том, что им характерны дефицитарность активного приспособления к изменяющимся обстоятельствам жизни, применение пассивных стратегий поведения, несамостоятельность, повышенная ведомость и поиск покровительства, избегание ситуаций преодоления трудностей. Подобные индивидуально-психологические характеристики личности выступают в качестве фактора риска вовлечения в асоциальные группы, деструктивные формы поведения, буллинга и других форм рискованного поведения.

Таблица 2. Соответствие показателей по шкале ПВГ («Потребность во внимании группы») групповой норме (ниже, норма, выше)

Table 2. Correspondence of Scores on the Need for Group Attention (NGA) Scale to the Group Norm (Below, Normal, Above)

ПВГ	Форма А			
	Слабовидящие	Слабослышащие	Нарушение опорно-двигательного аппарата	Нормотипичные
Муж.	Выше	Выше	Выше	Выше
Жен.	Выше	Выше	Выше	Выше

Как следует из таблицы 2, у всех подростков независимо от пола и нозологии отмечается повышенная потребность во внимании группы, что является особенностью подросткового возраста. Однако в гипертрофированной форме эта потребность может приводить к стремлению угождать группе, страхе конфликтов, подчинении группе, готовности под воздействием

группы изменить свое поведение и утратить свою аутентичность. Указанные паттерны поведения могут привести к вовлечению в деструктивные культы, асоциальные группировки, повышению риска стать исполнителем чужой воли. В стремлении самоутвердиться в группе любой ценой подростки могут демонстрировать гипертрофированные варианты рискованного поведения, что может наиболее ярко проявляться у лиц с истероидными, эпилептоидными, циклоидными, инфлятивными чертами характера.

Таблица 3. Соответствие показателей по шкале ПАУ («Принятие асоциальных (аддиктивных) установок») групповой норме (ниже, норма, выше)

Table 3. Correspondence of Scores on the Acceptance of Antisocial (Addictive) Attitudes (AAA) Scale to the Group Norm (Below, Normal, Above)

ПАУ	Форма А			
	Слабовидящие	Слабослышащие	Нарушение опорно-двигательного аппарата	Нормотипичные
Муж.	Норма	Норма	Ниже	Выше
Жен.	Норма	Норма	Ниже	Выше

Как видно из таблицы 3, подростки с нарушениями опорно-двигательного аппарата демонстрируют критичность к негативным последствиям рискованного поведения и его проявлениям в окружении, в то время как их нормотипичные сверстники склонны эмоционально позитивно относиться к предмету рискованного поведения, имеют ценностные установки, направленные на получение удовольствия, оправдывающие рискованное поведение. Фрустрация гедонистических потребностей может приводить к выбору форм рискованного поведения в качестве единственно достижимого варианта ее удовлетворения. Возможно, такие результаты у подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата связаны с необходимостью ежедневно преодолевать бытовые трудности и, как следствие, получать эмоциональное вознаграждение от достижения тех целей, которые не осознаются их нормотипичными сверстниками в качестве предмета получения удовольствия.

Таблица 4. Соответствие показателей по шкале СР («Стремление к риску») групповой норме (ниже, норма, выше)

Table 4. Correspondence of Scores on the Risk Seeking (RS) Scale to the Group Norm (Below, Normal, Above)

СР	Форма А			
	Слабовидящие	Слабослышащие	Нарушение опорно-двигательного аппарата	Нормотипичные
Муж.	Выше	Выше	Выше	Выше
Жен.	Выше	Выше	Норма	Выше

Как видно из таблицы 4, повышенное стремление к риску свойственно подросткам вне зависимости от имеющихся особенностей здоровья, что подтверждается результатами

многочисленных исследований во всем мире (Duell et al., 2019). В исследованиях А. С. Рахимкуловой склонность подростков к риску связывается, прежде всего, со спецификой созревания определенных структур коры головного мозга, что приводит к снижению когнитивного контроля над поведением и эмоциями, ошибкам в интерпретации поведения других людей, неумению предсказывать последствия событий, гиперактивности, импульсивности (Рахимкулова, 2018). Стремление к риску выражается в стремлении к поиску и повторению прямо или потенциально опасных для жизни ситуаций в целях получения от этого удовольствия. На этом фоне выделяются более низкие результаты девушек с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Возможно, специфика двигательных нарушений сама по себе является для девушек источником переживаний опасности и риска. В исследованиях Т. П. Авдуловой с коллегами (Авдулова, 2013) выявлено, что склонность к риску в юношеском возрасте имеет гендерные особенности: рискованное поведение девушек связано с недооценкой негативного исхода, а юношей – со стремлением ко взрослости и самостоятельности.

Таблица 5. Соответствие показателей по шкале ИМП («Импульсивность») групповой норме (ниже, норма, выше)

Table 5. Correspondence of Scores on the Impulsivity (IMP) Scale to the Group Norm (Below, Normal, Above)

ИМП	Форма А			
	Слабовидящие	Слабослышащие	Нарушение опорно-двигательного аппарата	Нормотипичные
Муж.	Норма	Норма	Ниже	Выше
Жен.	Выше	Выше	Выше	Выше

Из таблицы 5 следует, что девушки вне зависимости от имеющихся ограничений здоровья и подростки с нормотипичным развитием отличаются повышенной склонностью действовать как под влиянием внешних обстоятельств, так и спонтанных внутренних побуждений, ослабленностью у девушек-подростков механизмов саморегуляции поведения. При этом поведение юношей-подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата являются менее зависимым от случайных факторов, отличается меньшим доминированием процессов возбуждения над процессами торможения.

Таблица 6. Соответствие показателей по шкале ТР («Тревожность») групповой норме (ниже, норма, выше)

Table 6. Correspondence of Scores on the Anxiety (ANX) Scale to the Group Norm (Below, Normal, Above)

ТР	Форма А			
	Слабовидящие	Слабослышащие	Нарушение опорно-двигательного аппарата	Нормотипичные
Муж.	Ниже	Ниже	Ниже	Выше
Жен.	Выше	Выше	Выше	Выше

Данные таблицы 6 показывают, что, как и в результатах предыдущей шкалы, девушки вне зависимости от имеющихся ограничений здоровья и подростки с нормотипичным развитием отличаются более высокой тревожностью, склонностью воспринимать весьма широкий спектр ситуаций как угрожающих, приводящих к мрачным предчувствиям, беспокойству, переживанию угрозы повторения ошибок в будущем, что может приводить к формированию деструктивных установок. Юноши с ОВЗ не склонны фиксироваться на негативных переживаниях, рефлексировать причины и последствия неудачного опыта.

Таблица 7. Соответствие показателей по шкалам ПР («Принятие родителями»), ПО («Принятие одноклассниками»), СА («Социальная активность»), СП («Самоконтроль поведения») групповой норме (ниже, норма, выше)

Table 7. Correspondence of Scores on the Acceptance by Parents (AP), Acceptance by Classmates (AC), Social Activity (SA), and Self-Control of Behaviour (SCB) Scales to the Group Norm (Below, Normal, Above)

ПР, ПО, СА, СП	Форма А			
	Слабовидящие	Слабослышащие	Нарушение опорно-двигательного аппарата	Нормотипичные
Муж.	Норма	Норма	Норма	Ниже
Жен.	Норма	Норма	Норма	Ниже

Результаты, приведенные в таблице 7, показывают, что юноши и девушки с ОВЗ в отличие от своих нормотипичных сверстников в большей степени испытывают любовь и поддержку со стороны родителей, чувствуют свою значимость для семьи, что способствует поддержке психологического благополучия, формированию границ собственного Я, защиты от негативных влияний окружающей среды. Возможно, эти результаты связаны с вниманием со стороны родителей детей с ОВЗ к их здоровью, стремлением оказывать помощь и поддержку.

Данные по шкале ПО («Принятие одноклассниками») показывают, что юноши и девушки с ОВЗ в отличие от своих нормотипичных сверстников в большей степени испытывают чувство принадлежности к группе, ощущение значимости в группе сверстников, способны к установлению дружеских взаимоотношений без утраты своей идентичности, готовы отстаивать свою позицию без разрушения отношений с одноклассниками.

Данные по шкале СА («Социальная активность») показывают, что юноши и девушки с ОВЗ в отличие от своих нормотипичных сверстников в большей степени готовы взять на себя ответственность, инициировать общественно значимую деятельность. Они более социально включены, стремясь к установлению оптимального соотношения личных и общественных интересов.

Результаты по шкале СП («Самоконтроль поведения») позволяют сделать вывод, что юноши и девушки с ОВЗ в отличие от своих нормотипичных сверстников лучше противостоят внешним ситуациям, готовы сдерживать свои спонтанные импульсы. Несмотря на более высокую импульсивность девушек с ОВЗ, как мы видели выше в таблице 5, самоконтроль является защитным фактором от действий под влиянием внешних случайных ситуаций, других людей или внутренних импульсов.

Как видно из таблицы 8, юноши с ОВЗ, слабовидящие девушки и девушки с нарушениями опорно-двигательного аппарата являются более приспособленными к социальной среде через

Таблица 8. Соответствие показателей по шкале АН («Адаптированность к нормам») групповой норме (ниже, норма, выше)

Table 8. Correspondence of Scores on the Adaptability to Norms (ATN) Scale to the Group Norm (Below, Normal, Above)

АН	Форма А			
	Слабовидящие	Слабослышащие	Нарушение опорно-двигательного аппарата	Нормотипичные
Муж.	Норма	Норма	Норма	Ниже
Жен.	Норма	Ниже	Норма	Ниже

присвоение личностью общественных норм, ценностей, правил поведения. Слабослышащие девушки и подростки с нормотипичным развитием испытывают сложности с согласованием собственных потребностей с требованиями социума.

По шкалам ФУ («Фрустрационная устойчивость») и ЛЖ («Шкала лжи») значимых особенностей у подростков с ОВЗ выявлено не было.

Заключение

Выявление специфических особенностей у представителей различных нозологических групп ОВЗ на фоне контрастной группы нормотипичных лиц позволило сделать вывод о значимо более низких значениях по всем шкалам у подростков с ОВЗ. Сравнение данных, полученных с помощью методики социально-психологического тестирования, путем сопоставления групповых норм для обучающихся с ОВЗ и нормотипичным развитием позволило выявить следующие социально-психологические особенности склонности к рисковому поведению подростков с ОВЗ.

У всех обучающихся подросткового возраста независимо от пола и наличия ОВЗ отмечается повышенная потребность во внимании группы, что является особенностью возраста. У девушек с ОВЗ по сравнению с юношами с ОВЗ отмечается более низкая приспособляемость, повышенная зависимость от других. Для юношей и девушек с нарушениями опорно-двигательного аппарата в отличие от сверстников с другими нозологиями характерны большая критичность к негативным последствиям рискованного поведения и его проявлений у других. Девушки с нарушениями опорно-двигательного аппарата в отличие от своих сверстников с ОВЗ и нормотипичным развитием обладают более умеренным стремлением к риску. Поведение подростков-юношей с ОВЗ (особенно юношей с нарушениями опорно-двигательного аппарата) является менее импульсивным и зависимым от случайных факторов. Девушки вне зависимости от имеющихся ограничений здоровья и подростки с нормотипичным развитием отличаются повышенной склонностью действовать под влиянием внешних обстоятельств, доминированием процессов возбуждения над процессами торможения. Девушки вне зависимости от имеющихся ограничений здоровья и подростки с нормотипичным развитием отличаются более высокой тревожностью, склонностью к фиксации на негативном опыте и беспокойству о будущем в отличие от юношей с ОВЗ. Юноши и девушки с ОВЗ в отличие от своих нормотипичных сверстников имеют более сформированные факторы защиты: принятие родителями и одноклассниками, социальная активность и самоконтроль поведения. Слабослышащие девушки и подростки с нормотипичным развитием не готовы согласовать свое поведение с принятыми

в обществе нормами. Юноши с ОВЗ, слабовидящие девушки и девушки с нарушениями опорно-двигательного аппарата являются более адаптированными к общественным нормам. Таким образом, результаты исследования показывают влияние пола и ограниченных особенностей здоровья на формирование склонности к рисковому поведению. Описанные в исследовании особенности могут послужить основой для организации целенаправленной профилактической работы с несовершеннолетними с ОВЗ.

Представленное в статье исследование имеет ряд ограничений, связанных с исследованием несовершеннолетних с ОВЗ (слабослышащих, слабовидящих, с нарушением опорно-двигательного аппарата без нарушений интеллекта и сложной структуры дефеката) обучающихся в 7–9-х классах школ Российской Федерации.

Список литературы

- Авдулова, Т. П., Витковская, Е. В., & Поневаж, Е. В. (2013). Рисковое поведение в юности: отклонение или норма? *Клиническая и специальная психология*, 2 (3), Статья 4. https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2013_n3/64016
- Кувшинова, А. И. & Некрут, Т. В. (2018). Результаты исследования асоциального влияния религиозных культов на подростков в социально-педагогической среде общеобразовательного учебного заведения. *Современные научные исследования и разработки*, 7 (24), 100–103.
- Рахимкулова, А. С. (2017). Нейропсихологические особенности подросткового возраста, влияющие на склонность к рисковому и суицидальному поведению. *Суицидология*, 8 (1), 52–61.
- Рахимкулова, А. С. (2018). Кластеризация рискового поведения подростков: анализ результатов исследования. *Суицидология*, 9 (2), 60–71.
- Смирнов, А. В. & Максимова, Л. А. (2022). Рисковое поведение несовершеннолетних как предмет психологического анализа в отечественной литературе. *Педагогическое образование в России*, 5, 179–194. https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_05_21
- Смирнов, А. В., Максимова, Л. А., & Симонова, И. А. (2022). Аддиктивное поведение обучающихся: опыт раннего выявления и социально-психологические характеристики. *Образование и наука*, 24 (9), 174–211. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-9-174-211>
- Шнейдер, Л. Б. (2020). Проявления девиантности у детей с ОВЗ и особенности их профилактики. *Коллекция гуманитарных исследований*, 4 (25), 20–26. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2020-4\(25\)/3](https://doi.org/10.21626/j-chr/2020-4(25)/3)
- Bahri, M., Farrahi, H., Mahdavinataj, H. et al. (2025). The thalamus network seems responsible for the depression and anxiety affecting risk-taking. *Psychiatry Research: Neuroimaging*, 351, Article 112003. <https://doi.org/10.1016/j.pscychresns.2025.112003>
- Ding, T., Xian, P., Jin, S. et al. (2025). Common and distinct neural mechanisms underlying risk seeking and risk aversion: Evidence from the neuroimaging meta-analysis. *Human Brain Mapping*, 46(11), Article e70295. <https://doi.org/10.1002/hbm.70295>
- Duell, N., Steinberg, L., Icenogle, G. et al. (2019). Correction to: Age patterns in risk taking across the world. *Journal of Youth and Adolescence*, 48, 835–836. <https://doi.org/10.1007/s10964-019-00999-z>
- Fryt, J., & Szczygiel, M. (2021). Predictors of positive and negative risk-taking in adolescents and young adults: Similarities and differences. *Europe's Journal of Psychology*, 17(1), 17–30. <https://doi.org/10.5964/ejop.2169>
- Gabriel, D. B. K., Havugimana, F., Liley, A. E. et al. (2025). Lateral orbitofrontal cortex encodes presence of risk and subjective risk preference during decision-making. *Cerebral Cortex*, 35(6), Article bhaf146. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhaf146>

- Gerle, E., Lundberg, T., Hofvander, B., & Håkansson, A. (2025). “I want control and I imagine I have it” experiences of control and loss of control among people with gambling problems in Sweden. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being*, 20(1). <https://doi.org/10.1080/17482631.2025.2530019>
- Guz, E., Brodowicz-Król, M., Malm, M. et al. (2025). The relationship between self-esteem and risky behaviors: A cross-sectional study of residents in Lublin Province, Poland. *Medicine (Baltimore)*, 104(31), Article e43733. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000043733>
- Ishikawa, Y., Katsuragi K., Inagaki, et al. (2025). Amygdala–ventral striatum functional connectivity underlies craving in gambling disorder: A mediating role of depressive symptoms. *Addiction Biology*, 30(7), Article e70065. <https://doi.org/10.1111/adb.70065>
- Koets, L., van der Kwaak, T., Schaaf, M., & Tudorache, C. (2025). Risk taking behaviour predicts consistent and heritable coping styles in zebrafish. *BMC Neuroscience*, 26(1), Article 25. <https://doi.org/10.1186/s12868-025-00944-w>
- Ma, J., Lee, S. J., & Grogan-Kaylor, A. (2021). Adverse childhood experiences and spanking have similar associations with early behavior problems. *Journal of Pediatrics*, 235, 170–177. <https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2021.01.072>
- Meulewaeter, F., De Schauwer, E., De Pauw, S. S. W., & Vanderplasschen, W. (2022). I grew up amidst alcohol and drugs: A qualitative study on the lived experiences of parental substance use among adults who developed substance use disorders themselves. *Frontiers in Psychiatry*, 13, Article 768802. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.768802>
- Monari, E. N., Booth, R., Forchuk, C., & Csiernik, R. (2024). Experience of family members of relatives with substance use disorders: An integrative literature review. *Creative Nursing*, 30(3), 232–244. <https://doi.org/10.1177/10784535241252169>
- Olson, A. E., Shenk, C. E., Noll, J. G., & Allen, B. (2022). Child maltreatment and substance use in emerging adulthood: Internalizing and externalizing behaviors at the transition to adolescence as indirect pathways. *Child Maltreatment*, 27(3), 490–500. <https://doi.org/10.1177/10775595211010965>
- Qin, F., Hao, L., Li, X., Gao, Y., Qiu, J., & Wei, D. (2025). Neural correlates of risk decision-making: Insights from the balloon analogue risk task and exponential-weight mean-variance model. *Cortex*, 187, 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2025.03.013>
- Sadeh, N., Stumps, A., & Huerta, W. (2025). Cognitive-affective factors linking experiences of daily discrimination with adult psychopathology and risky health behaviors. *Journal of Affective Disorders*, 373, 80–87. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.12.085>
- Semenova, E. V., Trufanova, G. K., & Bezdetko, S. N. (2025). Personal and environmental determinants of risk behaviour of students with disabilities. *Perspektivy nauki i obrazovania = Perspectives of Science and Education*, (3), 341–352. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.3.22>
- Wang, L.-X., Li, J.-B., Liu, Z.-H., Zeng, J., & Dou, K. (2025). The impact of adverse childhood experiences on the development of adolescent risk-taking: The mediating effect of self-control and moderating effect of genetic variations. *Journal of Youth and Adolescence*, 54, 1356–1376. <https://doi.org/10.1007/s10964-025-02136-5>
- Weiss, N. H., Matthew, T. T., Tami, P. S., Dixon-Gordon, K. L., & Gratz, K. L. (2015). Posttraumatic stress disorder symptoms and risky behaviors among trauma-exposed inpatients with substance dependence: The influence of negative and positive urgency. *Drug and Alcohol Dependence*, 155, 147–153. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2015.07.679>

References

- Avdulova, T. P., Vitkovskaya, E. V., & Ponevazh, E. V. (2013). Riskovoe povedenie v yunosti: otklone-nie ili norma? *Klinicheskaya i special'naya psihologiya*, 2 (3), Stat'ya 4. https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2013_n3/64016

- Kuvshinova, A. I. & Nekrut, T. V. (2018). Rezul'taty issledovaniya asocial'nogo vliyaniya religioznykh kul'tov na podrostkov v social'no-pedagogicheskoy srede obshcheobrazovatel'nogo uchebnogo zavedeniya. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*, 7 (24), 100–103.
- Rahimkulova, A. S. (2017). Nejropsihologicheskie osobennosti podrostkovogo vozrasta, vliyayushchie na sklonnost' k riskovomu i suicidal'nomu povedeniyu. *Suicidologiya*, 8 (1), 52–61.
- Rahimkulova, A. S. (2018). Klasterizaciya riskovogo povedeniya podrostkov: analiz rezul'tatov issledovaniya. *Suicidologiya*, 9 (2), 60–71.
- Smirnov, A. V. & Maksimova, L. A. (2022). Riskovoe povedenie nesovershennoletnih kak predmet psihologicheskogo analiza v otechestvennoj literature. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 5, 179–194. https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_05_21
- Smirnov, A. V., Maksimova, L. A., & Simonova, I. A. (2022). Addiktivnoe povedenie obuchayushchihya: opyt rannego vyyavleniya i social'no-psihologicheskie harakteristiki, *Obrazovanie i nauka*, 24 (9), 174–211. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-9-174-211>
- Shnejder, L. B. (2020). Proyavleniya deviantnosti u detej s OVZ i osobennosti ih profilaktiki. *Kollekciya gumanitarnyh issledovanij*, 4 (25), 20–26. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2020-4\(25\)/3](https://doi.org/10.21626/j-chr/2020-4(25)/3)
- Bahri, M., Farrahi, H., Mahdavinataj, H. et al. (2025). The thalamus network seems responsible for the depression and anxiety affecting risk-taking. *Psychiatry Research: Neuroimaging*, 351, Article 112003. <https://doi.org/10.1016/j.pscychresns.2025.112003>
- Ding, T., Xian, P., Jin, S. et al. (2025). Common and distinct neural mechanisms underlying risk seeking and risk aversion: Evidence from the neuroimaging meta-analysis. *Human Brain Mapping*, 46(11), Article e70295. <https://doi.org/10.1002/hbm.70295>
- Duell, N., Steinberg, L., Icenogle, G. et al. (2019). Correction to: Age patterns in risk taking across the world. *Journal of Youth and Adolescence*, 48, 835–836. <https://doi.org/10.1007/s10964-019-00999-z>
- Fryt, J., & Szczygiel, M. (2021). Predictors of positive and negative risk-taking in adolescents and young adults: Similarities and differences. *Europe's Journal of Psychology*, 17(1), 17–30. <https://doi.org/10.5964/ejop.2169>
- Gabriel, D. B. K., Havugimana, F., Liley, A. E. et al. (2025). Lateral orbitofrontal cortex encodes presence of risk and subjective risk preference during decision-making. *Cerebral Cortex*, 35(6), Article bhaf146. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhaf146>
- Gerle, E., Lundberg, T., Hofvander, B., & Håkansson, A. (2025). “I want control and I imagine I have it” experiences of control and loss of control among people with gambling problems in Sweden. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being*, 20(1). <https://doi.org/10.1080/17482631.2025.2530019>
- Guz, E., Brodowicz-Król, M., Malm, M. et al. (2025). The relationship between self-esteem and risky behaviors: A cross-sectional study of residents in Lublin Province, Poland. *Medicine (Baltimore)*, 104(31), Article e43733. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000043733>
- Ishikawa, Y., Katsuragi K., Inagaki, et al. (2025). Amygdala–ventral striatum functional connectivity underlies craving in gambling disorder: A mediating role of depressive symptoms. *Addiction Biology*, 30(7), Article e70065. <https://doi.org/10.1111/adb.70065>
- Koets, L., van der Kwaak, T., Schaaf, M., & Tudorache, C. (2025). Risk taking behaviour predicts consistent and heritable coping styles in zebrafish. *BMC Neuroscience*, 26(1), Article 25. <https://doi.org/10.1186/s12868-025-00944-w>
- Ma, J., Lee, S. J., & Grogan-Kaylor, A. (2021). Adverse childhood experiences and spanking have similar associations with early behavior problems. *Journal of Pediatrics*, 235, 170–177. <https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2021.01.072>
- Meulewaeter, F., De Schauwer, E., De Pauw, S. S. W., & Vanderplasschen, W. (2022). I grew up amidst alcohol and drugs: A qualitative study on the lived experiences of parental substance use

- among adults who developed substance use disorders themselves. *Frontiers in Psychiatry*, 13, Article 768802. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2022.768802>
- Monari, E. N., Booth, R., Forchuk, C., & Csiernik, R. (2024). Experience of family members of relatives with substance use disorders: An integrative literature review. *Creative Nursing*, 30(3), 232–244. <https://doi.org/10.1177/10784535241252169>
- Olson, A. E., Shenk, C. E., Noll, J. G., & Allen, B. (2022). Child maltreatment and substance use in emerging adulthood: Internalizing and externalizing behaviors at the transition to adolescence as indirect pathways. *Child Maltreatment*, 27(3), 490–500. <https://doi.org/10.1177/10775595211010965>
- Qin, F., Hao, L., Li, X., Gao, Y., Qiu, J., & Wei, D. (2025). Neural correlates of risk decision-making: Insights from the balloon analogue risk task and exponential-weight mean-variance model. *Cortex*, 187, 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2025.03.013>
- Sadeh, N., Stumps, A., & Huerta, W. (2025). Cognitive-affective factors linking experiences of daily discrimination with adult psychopathology and risky health behaviors. *Journal of Affective Disorders*, 373, 80–87. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.12.085>
- Semenova, E. V., Trufanova, G. K., & Bezdetko, S. N. (2025). Personal and environmental determinants of risk behaviour of students with disabilities. *Perspektivy nauki i obrazovania = Perspectives of Science and Education*, (3), 341–352. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.3.22>
- Wang, L.-X., Li, J.-B., Liu, Z.-H., Zeng, J., & Dou, K. (2025). The impact of adverse childhood experiences on the development of adolescent risk-taking: The mediating effect of self-control and moderating effect of genetic variations. *Journal of Youth and Adolescence*, 54, 1356–1376. <https://doi.org/10.1007/s10964-025-02136-5>
- Weiss, N. H., Matthew, T. T., Tami, P. S., Dixon-Gordon, K. L., & Gratz, K. L. (2015). Posttraumatic stress disorder symptoms and risky behaviors among trauma-exposed inpatients with substance dependence: The influence of negative and positive urgency. *Drug and Alcohol Dependence*, 155, 147–153. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2015.07.679>

Информация об авторах

Людмила Александровна Максимова – кандидат педагогических наук, доцент, директор института психологии Уральского государственного педагогического университета.

Александр Васильевич Смирнов – доктор психологических наук, доцент кафедры общей психологии и конфликтологии Уральского государственного педагогического университета.

Равиль Азатович Валиев – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии и конфликтологии Уральского государственного педагогического университета.

About the authors

Lyudmila A. Maksimova – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Institute of Psychology, Ural State Pedagogical University.

Aleksandr V. Smirnov – Doctor of Psychology, Associate Professor, Department of General Psychology and Conflictology, Ural State Pedagogical University.

Ravil A. Valiev – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of General Psychology and Conflictology, Ural State Pedagogical University.

Вклад авторов

Л.А. Максимова – организация исследования, работа с библиографическими базами данных, оформление рукописи.

А.В. Смирнов – научное руководство, анализ материалов исследования.

Р.А. Валиев – анализ и интерпретация эмпирического материала.

Authors' contributions

L.A. Maksimova - research organisation, work with bibliographic databases, manuscript preparation.

A.V. Smirnov - scientific supervision, analysis of research materials.

R.A. Valiev - analysis and interpretation of empirical data.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 15.12.2025

Одобрена после рецензирования 13.02.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted December 15, 2025

Approved after reviewing February 13, 2026

Accepted April 28, 2026

Оригинальная статья

УДК 159.9

Подходы к изучению просоциального поведения и альтруизма

Артур Александрович Реан

Центр социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)
profrean@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1107-9530

Андрей Олегович Шевченко

Учебно-научный центр приоритетных исследований и проблем подготовки научно-педагогических кадров, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)
andreyshevchenkomsu@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9118-2617

Алексей Андреевич Ставцев

Центр социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)
stavtsev.alex@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7299-5017

Роман Геннадьевич Кузьмин

Центр социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)
romquz@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8851-5313

Аннотация

Введение. Разработка и совершенствование психолого-педагогических стратегий профилактики агрессивного и деструктивного поведения требует знаний механизмов помогающего (просоциального) поведения и альтруизма как важных частей социальной адаптации личности. Просоциальное поведение рассматривается как более широкий феномен, включающий различные мотивационные формы, тогда как альтруизм трактуется как особый тип помогающего действия без ожидания внешнего вознаграждения и личной выгоды. Показано, что просоциальность и альтруизм занимают центральное место во внешнем критерии социальной адаптации и связаны с системой личностных характеристик, обеспечивающих переход от мнимой социальной адаптации к действительной. **Материалы и методы.** Данная теоретическая статья описывает концептуальные соотношения понятий «просоциальное поведение» и «альтруизм» на основе современных метааналитических обзоров и подходов позитивной психологии, социальной психологии и нейронауки. В статье представлены ключевые

социально-психологические и психофизиологические подходы к изучению просоциального поведения и альтруизма: классические лабораторные и полевые эксперименты (моральные дилеммы, «проблема вагонетки», исследование «Добрый самаритянин» и др.), опросники и шкалы самооценки, а также современные нейровизуализационные и мультимодальные методики. **Результаты** анализа демонстрируют значительное расширение методического арсенала в изучении просоциального поведения и альтруизма и смещение акцента от изолированных процедур к комплексным дизайнам, сочетающим поведенческие, психометрические и психофизиологические методы. **Заключение.** Подчеркивается необходимость дальнейшей разработки интегративных моделей, учитывающих предпосылки альтруизма, его связь с моральным развитием и роль просоциального поведения в профилактике агрессивных и деструктивных форм социальной дезадаптации.

Ключевые слова

позитивная психология, позитивная нейронаука, социальная нейронаука, благополучие, альтруизм, просоциальное поведение

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00389 на тему «Социально-психологические и психофизиологические индикаторы психологического благополучия и просоциального поведения молодежи».

Для цитирования: Реан, А. А., Шевченко, А. О., Ставцев, А. А., Кузьмин, Р. Г. (2026). Подходы к изучению просоциального поведения и альтруизма. *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 92–104.

Original paper

Approaches to the study of prosocial behavior and altruism

Arthur A. Rean

Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

profrean@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1107-9530

Andrey O. Shevchenko

Educational and Research Center of Priority Research and Problems of Training of Scientific and Educational Personnel, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

andreyshevchenkomsu@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9118-2617

Alexey A. Stavtsev

Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

stavtsev.alex@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7299-5017

Roman G. Kuzmin

Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

romquz@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8851-5313

Abstract

Introduction. The development and refinement of psychological and pedagogical strategies for the prevention of aggressive and destructive behavior require an understanding of the mechanisms of helping (prosocial) behavior and altruism as important components of an individual's social adaptation. Prosocial behavior is viewed as a broader phenomenon encompassing various motivational forms, whereas altruism is interpreted as a specific type of helping action without expectation of external reward or personal gain. It is shown that prosociality and altruism occupy a central place in the external criteria of social adaptation and are linked to the system of personality characteristics that facilitate the transition from perceived social adaptation to actual social adaptation. **Materials and methods.** This theoretical article describes the conceptual relationships between the concepts "prosocial behavior" and "altruism" based on contemporary meta-analytic reviews and approaches from positive psychology, social psychology, and neuroscience. The article presents key socio-psychological and psychophysiological approaches to the study of prosocial behavior and altruism: classical laboratory and field experiments (moral dilemmas, the "trolley problem," the "Good Samaritan" study, etc.), questionnaires and self-report scales, as well as modern neuroimaging and multimodal methods. **The results** of the analysis demonstrate a significant expansion of the methodological arsenal in the study of prosocial behavior and altruism and a shift in emphasis from isolated procedures to comprehensive designs combining behavioral, psychometric, and psychophysiological methods. **Conclusion.** The need for further development of integrative models that account for the prerequisites of altruism, its connection to moral development, and the role of prosocial behavior in preventing aggressive and destructive forms of social maladjustment is emphasised.

Keywords

positive psychology, positive neuroscience, social neuroscience, well-being, altruism, prosocial behavior

Funding

This study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00389 on the topic "Social psychological and systemic-physiological markers of mental well-being and prosocial behavior of young people".

For citation: Rean, A. A., Shevchenko, A. O., Stavtsev, A. A., Kuzmin, R. G. (2026). Approaches to the study of prosocial behavior and altruism. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 92–104.

Введение

Описание механизмов, лежащих в основе помогающего поведения, позволяет разрабатывать более эффективные позитивно-педагогические и психологические стратегии. Необходимость исследований просоциального поведения усиливается в контексте профилактики агрессивного и деструктивного поведения.

Термин «просоциальное поведение» используется для обозначения множества психологических феноменов, что может скрывать различия в изучаемых явлениях. Просоциальное поведение может определяться как: 1) действия, направленные на пользу другому человеку или людям и совершаемые бескорыстно (Вербицкий, 2013); 2) любое действие, приносящее пользу другому (Schroeder & Graziano, 2015); 3) широкий спектр действий, направленных на пользу одного или нескольких людей, кроме себя (Watson & Powell, 2003).

Однако в самом широком смысле и в рамках классических представлений просоциальное поведение – это поведение, соответствующее социальным нормам и ожиданиям. Альтруизм может быть одной из составляющих просоциального поведения, но все просоциальное поведение к альтруизму не сводится. Просоциальное поведение прямо связано с процессом социальной адаптации личности, а в результативном плане является условием и механизмом ее достижения (Реан, 2016).

В определенных контекстах просоциальное поведение и альтруизм функционируют как синонимичные понятия. Это особенно характерно для работ с акцентом на бескорыстном характере помогающего поведения без рассмотрения его мотивационной структуры (Olivo et al., 2021). Альтруизм – это: 1) правило нравственной деятельности, признающее обязанностью человека ставить интересы других людей и общее благо выше личных интересов (Мещеряков & Зинченко, 2004, с. 32); 2) поведение, улучшающее благосостояние другого индивида за счет самого альтруиста (Preston, 2013; Marsh, 2015).

Терминологическая неоднозначность подтверждается результатами мета-аналитических исследований. Так, в большом обзоре С. Пфаттайхер и соавторы (Pfattheicher et al., 2022) изучили 273 статьи, в которых встречались ключевые слова «просоциальный» и «альтруизм» в период с 2010 г. по 2021 г. Анализ показал, что только в 70 работах встречается определение, соответствующее концепции исследования.

Распространенной является позиция, согласно которой просоциальное поведение представляет собой более широкое явление, включающее альтруизм в качестве одной из форм реализации. В таком случае альтруизм выступает как специфическая форма просоциального поведения, характеризующаяся исключительно альтруистической мотивацией. Данный подход позволяет дифференцировать различные типы просоциального поведения в зависимости от лежащих в их основе мотивов: эгоистических, взаимобменных, нормативных или подлинно альтруистических. Исследователи (Pfattheicher et al., 2022) пишут, что хотя термины «просоциальное поведение» и «альтруизм» похожи, важно различать их. Они приводят для этого три критерия: 1) намерения; 2) последствия и затраты; 3) социальный контекст. Согласно первому критерию просоциальное поведение шире и включает в себя действия с различной мотивацией, в то время как альтруизм – мотив действия, исключающий ожидание внешнего вознаграждения.

Альтруизм можно рассматривать и через призму стенической (вызывает активные действия по отношению к другому человеку) и астенической эмпатии (при наблюдении не приводит к активным действиям) (Шевченко & Реан, 2024). В соответствии с таким подходом альтруизм реализуется тогда, когда наблюдатель понимает ситуацию и проявляет реакцию заботы к находящемуся под угрозой (Шевченко & Реан, 2024; Preston, 2013). Полагаем, что просоциальное поведение – более широкий феномен, включающий в себя различные компоненты, в том числе и альтруизм. Альтруизм же стоит рассматривать как один из важных компонентов просоциальности. При этом альтруизм не обязательно имманентно присущ просоциальности и в определенных случаях может и не быть ее составляющей.

Мы исходим из того (Реан, 2016), что последовательный эволюционно-генетический подход не может остановиться лишь на констатации инстинктивной природы агрессии (Лоренц, 2018) как антипода просоциальности. Эволюционно-генетический подход утверждает также и инстинктивную природу альтруизма, коллективизма, жертвенности и других сугубо личностных свойств, даже таких, как совесть и вообще этическая система личности. «Эгоизм очень способствует выживанию индивида, но специфика эволюционного развития человечества такова, что естественный отбор был в очень большой мере направлен на развитие биологических основ самоотверженности, альтруизма, коллективизма» (Реан, 2016, с. 138; Эфроимсон, 1995).

Важными составляющими просоциального поведения являются ответственность и диспозиционная терпимость. При просоциальном поведении в качестве цели социальной адаптации рассматривается достижение позитивного духовного здоровья и соответствия ценностей личности ценностям социума. При этом в противовес теориям подчинения личности среде или идее гомеостаза речь идет об оптимальном взаимодействии личности и среды как динамическом процессе (Реан, 2016).

Следует более подробно остановиться на идее о том, что при рассмотрении просоциального поведения личности и альтруизма как одного из важных компонентов просоциальности с позиции социальной психологии личности необходимо учитывать роль просоциального поведения в социальной адаптации личности (Реан, 2016). Так, представлена двухкомпонентная модель социальной адаптации (Реан, 2016), в основе которой лежит выделение внутренних и внешних критериев социальной адаптации личности (рис. 1). При этом внутренний критерий связан с психоэмоциональной стабильностью, личностной комфортностью, отсутствием дистресса, депрессии и тревоги. Внешний критерий отражает соответствие реального поведения личности установкам общества, требованиям среды, принятым в социуме правилам и критериям нормативного поведения, более того, высшим проявлением социальной адаптации по внешнему критерию выступает просоциальное поведение и альтруизм (Реан, Ставцев, & Кузьмин, 2023).

Согласно представленной модели системная социальная адаптация или действительная адаптация – это системное приспособление и высокая фактическая функциональность личности, обеспечивающаяся как внутренней конгруэнтностью, зрелостью и психологическим благополучием личности, так и соответствием внешним социальным нормам общества – просоциальным поведением, а также его крайним положительным проявлением – альтруизмом. Отличительной чертой подхода к изучению просоциального поведения через социальную адаптацию выступает наличие двух кластеров мнимой социальной адаптации по внешнему и по внутреннему критерию, что дает представление о сложности самого явления просоциального поведения в структуре личности и связанных с ним других личностных характеристик.

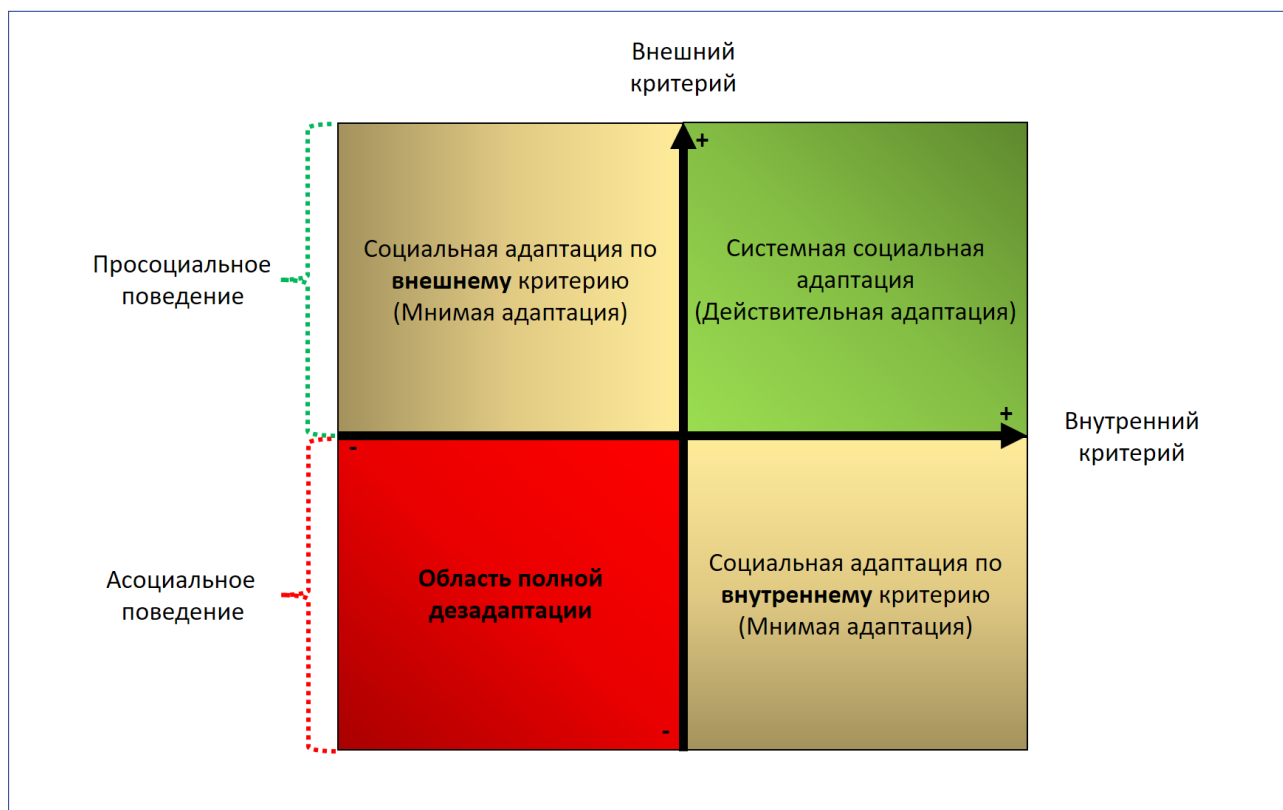

Рис. 1. Модель социальной адаптации (по А.А. Реану)

Fig. 1. Model of social adaptation (according to A.A. Rean)

Само название кластеров подразумевает, что данный тип адаптации «мнимый», т. е. «не настоящий», «не полный», но тем не менее все еще возможный тип адаптации личности и широко распространенный в социуме. Мнимая социальная адаптация по внешнему критерию, т. е. адаптация по внешнему критерию и одновременная дезадаптация по внутреннему, отражает внешне просоциальную личность с внутрличностной дисгармонией, дистрессом, депрессией или тревогой и др. Данная категория включает людей, просоциальные мотивы которых не сбалансированы с личными эгоистическими мотивами (например, патологическая жертвенность, трудоголизм, перфекционизм, психологический мазохизм и др.). Мнимая социальная адаптация по внутреннему критерию, т. е. адаптация по внутреннему критерию и одновременная дезадаптация по внешнему, отражает личность, достигшую «внутренней гармонии», при этом демонстрирующую конфликтное, асоциальное, контрнормативное, делинквентное или даже криминальное поведение. Следует отметить, что в данной категории можно рассматривать также демонстративное проявление просоциального поведения или даже альтруизма с ожиданием «вторичных выгод», т. е. поднятия социального статуса или имиджа, отсроченного получения вознаграждения и проч., поскольку такие антисоциальные черты, как психопатия, макиавеллизм, нарциссизм и др., в своем проявлении в реальной жизни могут быть замаскированы под просоциальное поведение. Социальная адаптация является целью, которая со времен появления человека разумного обеспечивает социальное и биологическое выживание индивида. Кто-то, преследуя данную цель, руководствуется балансом альтруистических и эгоистических мотивов и стратегий поведения и достигает действительной социальной адаптации, но в случае дисбаланса в ту или иную сторону оказывается в позиции мнимой социальной адаптации. Именно то, что стремление к социальной адаптации, с одной стороны, стимулирует развитие личности и просоциальное поведение, а с другой – может приводить к патологическому преобладанию экстернальных мотивов соответствовать обществу над интернальными мотивами личности, а также к патологическому использованию демонстративного просоциального поведения для достижения эгоистических целей, обуславливает необходимость комплексного подхода к изучению просоциального поведения в современной психологической науке.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть существующие подходы к изучению просоциального поведения и альтруизма в социально-психологических, а также в психофизиологических исследованиях.

Методические подходы

Для изучения просоциального поведения и альтруизма часто используются моральные дилеммы – конфликтные ситуации, где участник эксперимента берет на себя ответственность и должен принять одно из предложенных решений. Классическим примером такого подхода является дилемма / проблема вагонетки. Эксперимент «дилемма вагонетки» (*Trolley Problem*) предложен Ф. Фут в 1967 г. (Foot, 1967). Классический сценарий: неуправляемая вагонетка движется по железнодорожным путям в направлении пяти человек, которые погибнут при столкновении, однако у наблюдателя есть возможность переключить стрелку, направив вагонетку на боковой путь, где погибнет только один человек (Foot, 1967). Данная дилемма позволяет исследовать конфликт между утилитаристскими принципами (наибольшее благо для наибольшего числа людей) и моральными принципами (недопустимость причинения вреда). В многочисленных исследованиях не раз использовался данный подход, порой в различных модификациях (например, «Толстый человек» и т. д.; Thomson, 1976; Otsuka, 2008; Skulmowski et al., 2014; Himmelreich & Cohen, 2021).

Помимо классической проблемы вагонетки в исследовательской практике используются и другие типы конфликтных ситуаций, позволяющие изучать различные аспекты установок

и просоциального поведения. Дилемма «свой – чужой» сталкивает человека с необходимостью решить, кому оказать помощь в условиях ограниченных ресурсов – знакомому человеку или незнакомцу. Этот выбор демонстрирует напряжение между выбором своей социальной группы и универсальной моралью, которая требует помощи всем нуждающимся без различий (Никишина и др., 2023). В подобных ситуациях проявляется ключевая особенность альтруизма – готовность приносить жертвы ради других, даже при отсутствии прямой выгоды.

Системный подход к изучению моральных дилемм реализован в специализированных методиках. Например, *моральные дилеммы* (четыре задачи), в которых участнику исследования предлагается оценить допустимость совершаемых действий в ситуации выбора одного из вариантов: погибают пять человек или погибает один. Поступок персонажа оценивается по семибалльной шкале от «Запрещено» до «Разрешено», где ниже в свободной форме участник предлагает аргументы относительно принятого решения. Активное действие приводит к гибели одного человека, а бездействие – к гибели пятерых (Alexandrov & Alexandrov, 1982; Апанович и др., 2020).

Наряду с методами моральных дилемм важное место занимают эксперименты, позволяющие исследовать просоциальное поведение в естественных условиях. Знаменитым исследованием альтруизма можно назвать эксперимент «Добрый самаритянин», проведенный Дж. Дарли и Д. Батсоном в 1973 г. Он разработан для изучения влияния ситуационных факторов на оказание помощи в контролируемых экспериментальных условиях (Darley & Batson, 1973). В исследовании приняли участие 67 студентов семинарии, которых случайным образом распределили по группам. Ключевыми переменными были тема предстоящей лекции (притча о добром самаритянине или карьерные перспективы) и степень спешки (участников просили прийти рано, вовремя или с опозданием) (Darley & Batson, 1973; Batson, 1991). По дороге на лекцию каждый студент встречал человека в тяжелой ситуации, что создавало естественную ситуацию для оказания помощи (Darley & Batson, 1973). Результаты эксперимента показали, что только 10 % участников в условиях спешки остановились для оказания помощи нуждающемуся, в то время как 63 % участников, не ограниченных во времени, предложили помощь (Darley & Batson, 1973). Эти данные демонстрируют, что ситуационные факторы могут быть более значимыми, чем личностные диспозиции или моральные убеждения. Особенно примечательно, что даже студенты, готовившиеся к лекции о притче о добром самаритянине, не демонстрировали значимо более высокого уровня просоциального поведения при ограниченном времени, что указывает на ограничение влияния когнитивных установок в ситуациях стресса (Darley & Batson, 1973).

Современные технологии нейровизуализации позволяют исследовать мозговую активность в реальном времени при выполнении социальных задач. В исследовании Т. Исихара и соавторов (Ishihara et al., 2025) утверждается, что просоциальное поведение включает альтруизм в разных его проявлениях: пожертвования, справедливость в распределении ресурсов, сотрудничество. Авторы предлагали участникам пройти 15 экономических игр, которые направлены на изучение принятия решений: альтруизм измерялся в игре «Диктатор» (бескорыстное жертвование) и «Игре на веру» (убежденность в щедрости незнакомца). Кооперация и доверие изучались в игре «Дилемма заключенного» I и II (баланс личной выгоды и сотрудничества), игре «Охота на оленя» (рискованное, но взаимовыгодное сотрудничество) и «Игре на доверие» (готовность доверять и оправдывать доверие). Методологическое преимущество данного подхода заключается в оценке различных аспектов просоциального поведения в рамках единого исследования. Затем был проведен анализ нейровизуализации (графов) и множественный канонический корреляционный анализ (SMCCA) для выявления связи просоциального поведения и нейронных коррелятов.

Исследование Д. Оливо и соавторов (Olivo et al., 2021) определяет просоциальное поведение как альтруистическую по своей природе совокупность действий, направленных непосредственно на благо других людей помимо себя и подразумевающих помощь, сотрудничество и доброту, при этом проявляющий альтруистическое поведение может нести издержки. Исследователи предложили испытуемым представить себя не в роли актора просоциального поведения, а в роли получателя помощи (во время записи фМРТ). Испытуемому представлялась серия из последовательно предъявляемых трех кратких описаний и трех картинок ситуации, описывающих социальное взаимодействие между двумя людьми. Участники должны были ассоциировать себя с получаемым помощью персонажем. Всего было три типа социального взаимодействия: помощь, оценка усилий и условия отсутствия помощи (контроль). После изображенного социального взаимодействия показывались три смайлика подряд, изображающие счастливые, нейтральные и грустные лица, и испытуемого просили оценить свои эмоции относительно просмотренного социального взаимодействия нажатием кнопки.

Психометрические методы

Важное место в изучении представленной проблематики занимают психометрические инструменты.

Шкала самооценки альтруизма (Self-Report Altruism Scale, SRA) разработана Дж. Раштоном, Р. Кристьяном и Г. Феккен в 1981 г. Авторами исследования предполагается, что альтруизм – это качество личности. Согласно позиции исследователей, некоторые люди более щедрые, отзывчивые и добрые, чем другие. Данный опросник представляет собой инструмент для измерения индивидуальных различий в периодичности проявления альтруистического поведения в повседневной жизни. Опросник состоит из 20 пунктов, в числе которых, например, «Я объяснял дорогу незнакомцу» или «Я жертвовал вещи или одежду на благотворительность». Каждый пункт необходимо оценить по пятибалльной шкале Ликерта от «Никогда» (0 баллов) до «Очень часто» (4 балла) (Rushton et al., 1981).

Шкала альтруизма для взрослых (Lee et al., 2003) была разработана в 2003 г. как инструмент для измерения альтруистических установок. Авторы исследования понимают альтруизм как «бескорыстную заботу о благополучии других», противоположность эгоизму. Для авторов исследования альтруизм более узкое явление, чем просоциальное поведение. Шкала состоит из 28 вопросов, часть из них заимствована из подшкалы «Альтруизм» опросника «Philosophy of Human Nature Scale», предложенного Л. Райтсманом. Еще 14 сформулированы авторами, например, «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой – это девиз, которому я следую». Каждое высказывание необходимо оценить по шкале Ликерта. Чем выше сумма набранных баллов, тем выше уровень альтруистической предрасположенности человека (Lee et al., 2003).

Отечественный опросник, предложенный М. И. Ясиным, «*Методика измерения альтруистических установок*», подходит к пониманию альтруизма как к виду мотивационного состояния, цель которого – улучшение состояния другого. Методика содержит 23 вопроса, пять из которых формируют «шкалу лжи», а 18 – шкалу уровня альтруизма. Каждое утверждение оценивается по семибалльной шкале Ликерта. Если по шкале лжи набрано больше 18 баллов, результаты опроса аннулируются. Чем выше балл по шкале альтруизма, тем чаще будет проявляться стремление помогать другим (Ясин, 2020).

Принятие многогранности просоциального поведения привело к разработке многомерных инструментов. *Опросник измерения просоциальных тенденций (Prosocial Tendencies Measure, PTM)* был разработан Г. Карло и Б. А. Рэндаллом в 2002 г., а затем пересмотрен в 2003 г. (PTM-R) (Carlo & Randall, 2002; Carlo et al., 2003). Данный опросник – это инструмент для оценки

различных типов просоциального поведения. Согласно мнению авторов, альтруизм является частью просоциального поведения и определяется как «добровольная помощь, мотивированная прежде всего заботой о нуждах и благополучии другого, часто вызванная ответной симпатией и усвоенными нормами/принципами, согласующимися с помощью другим» (Carlo & Randall, 2002, с. 32). Кроме того, альтруизм влечет издержки для помогающего. Пересмотренная версия РТМ-R включает 25 вопросов, которые формируют шесть подшкал: 1) альтруизм; 2) анонимную помощь; 3) помощь в ответ на прямые или косвенные просьбы; 4) помощь в кризисных или чрезвычайных ситуациях; 5) помощь в эмоционально нагруженных ситуациях и 6) помощь в присутствии других людей с потенциальной возможностью получения социального одобрения. Высокий балл по шкале указывает на более сильную выраженность данной просоциальной тенденции (Carlo & Randall, 2002; Carlo et al., 2003).

Опросник мотивов помогающего поведения взрослых (Кисляков & Шмелева, 2021) определяет помогающее (просоциальное) поведение как поведение, в основе которого лежат различные эмоции и мотивы (альтруистические, эгоистические и т. д.). Опросник состоит из 30 вопросов, которые формируют пять подшкал: 1) психологическая защита – оказание помощи для минимизации отрицательных переживаний и с надеждой на взаимность в будущем; 2) межличностная аттракция – оказание помощи через эмпатию; 3) социальная идентификация – оказание помощи через усвоенные социальные нормы; 4) социальная адаптация – оказание помощи с формированием чувства общественного долга и социальной ответственности; 5) самоактуализация – оказание помощи, способствующей самореализации и самосовершенствованию (Кисляков & Шмелева, 2021).

Заключение

Терминологическая неопределенность, выявленная в метааналитических обзорах, указывает на необходимость более четкого концептуального разграничения определений. Так, соотношение просоциального поведения и альтруизма может рассматриваться с двух различных теоретических позиций. С одной стороны, в ряде работ просоциальное поведение и альтруизм могут использоваться как синонимичные понятия, особенно в случаях, когда речь идет о действиях, направленных на пользу другим без ожидания внешнего вознаграждения. С другой стороны, просоциальное поведение понимается как более широкий феномен, включающий в себя альтруизм в качестве одного из компонентов. Тогда альтруизм выступает как специфическая форма просоциального поведения, мотивированная исключительно заботой о благополучии других людей. Изучение просоциального поведения и альтруизма представляет собой динамично развивающуюся область, имеющую как фундаментальное научное значение, так и важные практические приложения для решения социальных проблем общества.

Методический арсенал изучения просоциального поведения значительно расширился – от классических экспериментов, таких как исследование «Добрый самаритянин», до современных нейровизуализационных исследований. Особое значение приобретают комплексные подходы, сочетающие поведенческие, психометрические и психофизиологические методы.

Список литературы

- Апанович, В. В., Тищенко, А. Г., Арутюнова, К. Р., & Александров, Ю. И. (2020). Способы решения аналитических и холистических задач. *Экспериментальная психология*, 13(4), 52–71. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130404>
- Вербицкий, А. А. (2013). *Энциклопедический словарь по психологии и педагогике*. Академик. http://psychology_pedagogy.academic.ru (дата обращения: 06.02.2026).

- Кисляков, П. А., & Шмелева, Е. А. (2021). Опросник мотивов помогающего поведения взрослых. *Вопросы психологии*, (1), 145–155.
- Лоренц, К. (2018). *Агрессия, или так называемое зло*. АСТ.
- Мещеряков, Б. Г., & Зинченко, В. П. (2004). *Большой психологический словарь*. Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Никишина, В. Б., Петраш, Е. А., & Моргун, Л. А. (2023). Решение моральных дилемм «свой – чужой» студентами медицинских вузов. *Системная психология и социология*, 2(46), 49–59. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.46.2.4>
- Реан, А. А. (2016). *Психология личности*. Питер.
- Реан, А. А., Ставцев, А. А., & Кузьмин, Р. Г. (2023). *Позитивная психология и педагогика*. МПГУ.
- Шевченко, А. О., & Реан, К. А. (2024). Перспективы и ограничения подходов к изучению альтруизма. В *Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы Международной научно-практической конференции* (№ 12, с. 190–193). Южный федеральный университет.
- Эфроимсон, В. П. (1995). *Генетика этики и эстетики*. Талисман.
- Ясин, М. И. (2020). Методика измерения альтруистических установок. *Психологический журнал*, 41(1), 77–85. <https://doi.org/10.31857/S020595920007898-3>
- Alexandrov, Y. I., & Alexandrov, I. O. (1982). Specificity of visual and motor cortex neurons activity in behavior. *Acta Neurobiologiae Experimentalis*, 42(6), 457–468.
- Batson, C. D. (1991). *The altruism question: Toward a social-psychological answer*. Psychology Press.
- Batson, C. D., & Powell, A. A. (2003). Altruism and prosocial behavior. In T. Millon & M. J. Lerner (Eds.), *Handbook of psychology: Personality and social psychology* (Vol. 5, pp. 463–484). John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/0471264385.wei0519>
- Carlo, G., & Randall, B. A. (2002). The development of a measure of prosocial behaviors for late adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 31(1), 31–44. <https://doi.org/10.1023/A:1014033032440>
- Carlo, G., Hausmann, A., Christiansen, S., & Randall, B. A. (2003). Sociocognitive and behavioral correlates of a measure of prosocial tendencies for adolescents. *The Journal of Early Adolescence*, 23(1), 107–134. <https://doi.org/10.1177/0272431602239132>
- Darley, J. M., & Batson, C. D. (1973). "From Jerusalem to Jericho": A study of situational and dispositional variables in helping behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 27(1), 100–108. <https://doi.org/10.1037/h0034449>
- Foot, P. (1967). The problem of abortion and the doctrine of the double effect. *Oxford Review*, 5, 5–15.
- Himmelreich, J., & Cohen, J. (2021). Teaching moral reasoning: Why and how to use the trolley problem. *Journal of Public Affairs Education*, 27(4), 451–471. <https://doi.org/10.1080/15236803.2021.1966591>
- Ishihara, T., Tanaka, H., Kiyonari, T., Matsuda, T., & Takagishi, H. (2025). Multimodal imaging to identify brain markers of human prosocial behavior. *eNeuro*, 12(3). <https://doi.org/10.1523/ENEURO.0304-24.2025>
- Lee, D. Y., Lee, J. Y., & Kang, C. H. (2003). Development and validation of an altruism scale for adults. *Psychological Reports*, 92(2), 555–561. <https://doi.org/10.2466/pr0.2003.92.2.555>
- Marsh, A. A. (2016). Neural, cognitive, and evolutionary foundations of human altruism. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 7(1), 59–71. <https://doi.org/10.1002/wcs.1377>
- Olivo, D., Di Ciano, A., Mauro, J., Giudetti, L., Pampallona, A., Kubera, K. M., Hirjak, D., Wolf, R. C., & Sambataro, F. (2021). Neural responses of benefiting from the prosocial exchange: The effect of helping behavior. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 606858. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.606858>

- Otsuka, M. (2008). Double effect, triple effect and the trolley problem: Squaring the circle in looping cases. *Utilitas*, 20(1), 92–110. <https://doi.org/10.1017/S0953820807002932>
- Pfattheicher, S., Nielsen, Y. A., & Thielmann, I. (2022). Prosocial behavior and altruism: A review of concepts and definitions. *Current Opinion in Psychology*, 44, 124–129. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.08.021>
- Preston, S. D. (2013). The origins of altruism in offspring care. *Psychological bulletin*, 139 (6), 1305–1341. <https://doi.org/10.1037/a0031755>
- Rushton, J. P., Chrisjohn, R. D., & Fekken, G. C. (1981). The altruistic personality and the self-report altruism scale. *Personality and Individual Differences*, 2(4), 293–302. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(81\)90084-2](https://doi.org/10.1016/0191-8869(81)90084-2)
- Schroeder, D. A., & Graziano, W. G. (2015). The field of prosocial behavior: An introduction and overview. In D. A. Schroeder & W. G. Graziano (Eds.), *The Oxford handbook of prosocial behavior* (pp. 3–34). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195399813.013.32>
- Skulmowski, A., Bunge, A., Kaspar, K., & Pipa, G. (2014). Forced-choice decision-making in modified trolley dilemma situations: A virtual reality and eye tracking study. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 8, Article 426. <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2014.00426>
- Thomson, J. J. (1976). Killing, letting die, and the trolley problem. *The Monist*, 59 (2), 204–217. <https://doi.org/10.5840/monist197659224>

References

- Apanovich, V. V., Tishchenko, A. G., Arutyunova, K. R., & Aleksandrov, Yu. I. (2020). Sposoby resheniya analiticheskikh i holisticheskikh zadach. *Eksperimental'naya psihologiya*, 13(4), 52–71. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130404>
- Verbickii, A. A. (2013). *Enciklopedicheskij slovar' po psihologii i pedagogike*. Akademik. http://psychology_pedagogy.academic.ru (data obrashcheniya: 06.02.2026).
- Kislyakov, P. A., & Shmeleva, E. A. (2021). Oprosnik motivov pomogayushchego povedeniya vzroslykh. *Voprosy psihologii*, (1), 145–155.
- Lorenc, K. (2018). *Agressiya, ili tak nazyvaemoe zlo*. AST.
- Meshcheryakov, B. G., & Zinchenko, V. P. (2004). *Bol'shoj psihologicheskij slovar'*. Prajм-EVROZNAK.
- Nikishina, V. B., Petrash, E. A., & Morgun, L. A. (2023). Reshenie moral'nyh dilemm «svoj – chuzhoj» studentami medicinskih vuzov. *Sistemnaya psihologiya i sociologiya*, 2(46), 49–59. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.46.2.4>
- Rean, A. A. (2016). *Psihologiya lichnosti*. Piter.
- Rean, A. A., Stavcev, A. A., & Kuz'min, R. G. (2023). *Pozitivnaya psihologiya i pedagogika*. MPGU.
- Shevchenko, A. O., & Rean, K. A. (2024). Perspektivy i ogranicheniya podhodov k izucheniyu al'truizma. V *Lichnost' v kul'ture i obrazovanii: psihologicheskoe soprovozhdenie, razvitie, socializatsiya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (№ 12, s. 190–193). Yuzhnyj federal'nyj universitet.
- Efroimson, V. P. (1995). *Genetika etiki i estetiki*. Talisman.
- Yasin, M. I. (2020). Metodika izmereniya al'truisticheskikh ustanovok. *Psihologicheskij zhurnal*, 41(1), 77–85. <https://doi.org/10.31857/S020595920007898-3>
- Alexandrov, Y. I., & Alexandrov, I. O. (1982). Specificity of visual and motor cortex neurons activity in behavior. *Acta Neurobiologiae Experimentalis*, 42(6), 457–468.
- Batson, C. D. (1991). *The altruism question: Toward a social-psychological answer*. Psychology Press.
- Batson, C. D., & Powell, A. A. (2003). Altruism and prosocial behavior. In T. Millon & M. J. Lerner

- (Eds.), *Handbook of psychology: Personality and social psychology* (Vol. 5, pp. 463–484). John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/0471264385.wei0519>
- Carlo, G., & Randall, B. A. (2002). The development of a measure of prosocial behaviors for late adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 31(1), 31–44. <https://doi.org/10.1023/A:1014033032440>
- Carlo, G., Hausmann, A., Christiansen, S., & Randall, B. A. (2003). Sociocognitive and behavioral correlates of a measure of prosocial tendencies for adolescents. *The Journal of Early Adolescence*, 23(1), 107–134. <https://doi.org/10.1177/0272431602239132>
- Darley, J. M., & Batson, C. D. (1973). "From Jerusalem to Jericho": A study of situational and dispositional variables in helping behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 27(1), 100–108. <https://doi.org/10.1037/h0034449>
- Foot, P. (1967). The problem of abortion and the doctrine of the double effect. *Oxford Review*, 5, 5–15.
- Himmelreich, J., & Cohen, J. (2021). Teaching moral reasoning: Why and how to use the trolley problem. *Journal of Public Affairs Education*, 27(4), 451–471. <https://doi.org/10.1080/15236803.2021.1966591>
- Ishihara, T., Tanaka, H., Kiyonari, T., Matsuda, T., & Takagishi, H. (2025). Multimodal imaging to identify brain markers of human prosocial behavior. *eNeuro*, 12(3). <https://doi.org/10.1523/ENEURO.0304-24.2025>
- Lee, D. Y., Lee, J. Y., & Kang, C. H. (2003). Development and validation of an altruism scale for adults. *Psychological Reports*, 92(2), 555–561. <https://doi.org/10.2466/pr0.2003.92.2.555>
- Marsh, A. A. (2016). Neural, cognitive, and evolutionary foundations of human altruism. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 7(1), 59–71. <https://doi.org/10.1002/wcs.1377>
- Olivo, D., Di Ciano, A., Mauro, J., Giudetti, L., Pampallona, A., Kubera, K. M., Hirjak, D., Wolf, R. C., & Sambataro, F. (2021). Neural responses of benefiting from the prosocial exchange: The effect of helping behavior. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 606858. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.606858>
- Otsuka, M. (2008). Double effect, triple effect and the trolley problem: Squaring the circle in looping cases. *Utilitas*, 20(1), 92–110. <https://doi.org/10.1017/S0953820807002932>
- Pfattheicher, S., Nielsen, Y. A., & Thielmann, I. (2022). Prosocial behavior and altruism: A review of concepts and definitions. *Current Opinion in Psychology*, 44, 124–129. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.08.021>
- Preston, S. D. (2013). The origins of altruism in offspring care. *Psychological bulletin*, 139 (6), 1305–1341. <https://doi.org/10.1037/a0031755>
- Rushton, J. P., Chrisjohn, R. D., & Fekken, G. C. (1981). The altruistic personality and the self-report altruism scale. *Personality and Individual Differences*, 2(4), 293–302. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(81\)90084-2](https://doi.org/10.1016/0191-8869(81)90084-2)
- Schroeder, D. A., & Graziano, W. G. (2015). The field of prosocial behavior: An introduction and overview. In D. A. Schroeder & W. G. Graziano (Eds.), *The Oxford handbook of prosocial behavior* (pp. 3–34). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195399813.013.32>
- Skulmowski, A., Bunge, A., Kaspar, K., & Pipa, G. (2014). Forced-choice decision-making in modified trolley dilemma situations: A virtual reality and eye tracking study. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 8, Article 426. <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2014.00426>
- Thomson, J. J. (1976). Killing, letting die, and the trolley problem. *The Monist*, 59 (2), 204–217. <https://doi.org/10.5840/monist197659224>

Информация об авторах

Артур Александрович Реан – председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор по общей психологии.

Андрей Олегович Шевченко – научный сотрудник Учебно-научного центра приоритетных исследований и проблем подготовки научно-педагогических кадров Московского педагогического государственного университета, кандидат психологических наук.

Алексей Андреевич Ставцев – аналитик Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, кандидат психологических наук.

Роман Геннадьевич Кузьмин – аналитик Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета.

About the authors

Artur Alexandrovich Rean – Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the Prevention of Aggression and Destructive Behavior in Students, Head of the Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research at Moscow Pedagogical State University, Academician of the Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation, Dr. Sci. (Ped.), Professor.

Andrey Olegovich Shevchenko – Researcher of the Educational and Research Center of Priority Research and Problems of Training of Scientific and Educational Personnel at Moscow Pedagogical State University, Cand. Sci. (Psy.).

Alexey Andreevich Stavtsev – Research Analyst of the Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research at Moscow Pedagogical State University, Cand. Sci. (Psy.).

Roman Gennadievich Kuzmin – Research Analyst of the Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research at Moscow Pedagogical State University.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 07.02.2026

Одобрена после рецензирования 27.02.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted February 07, 2026

Approved after reviewing February 27, 2026

Accepted April 28, 2026

УДК 371.378

Образовательная миграция: риски социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов

Роза Ахбановна Андрианова

Институт научной информации
по общественным наукам (ИНИОН РАН)
(Москва, Россия)
rosa_and@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-7903-0426

Аннотация

Введение. В последние годы Россия становится привлекательным направлением образовательной миграции, что актуализирует исследование процессов социокультурной адаптации иностранных аспирантов. Особую значимость приобретает раннее выявление рисков их социально-психологической дезориентации в условиях выраженной культурной дистанции. **Методы:** обзор и анализ научной литературы, комплекс качественных психолого-педагогических методов – включенное наблюдение, неформальные беседы, интервью. Научно-практические конференции стали одновременно площадкой включенного наблюдения и основным каналом формирования выборки, что обеспечило естественность отбора участников и достоверность данных. Использование качественной стратегии эмпирического исследования связано с сенситивным характером исследуемой проблемы и выбором формата межкультурного взаимодействия, способствующего установлению доверительного контакта и получению аутентичных данных. Исследование проводилось с соблюдением принципов добровольности участия, конфиденциальности и анонимности. Для преодоления языкового барьера применялись вспомогательные цифровые инструменты перевода. Комплексный характер методики обследования рисков социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов обеспечил триангуляцию данных, повысил надежность анализа и валидность интерпретации полученных результатов. **Результаты:** установлено, что социально-психологическая дезориентация иностранных аспирантов усиливается под воздействием языковых и культурных барьеров, экономических ограничений и восприятия внешней среды как потенциальной угрозы личной безопасности. Полученные результаты подтверждают необходимость системной поддержки образовательных мигрантов. Для успешной адаптации и интеграции образовательных мигрантов в новой социокультурной среде требуются целенаправленные программы языковой поддержки, формирование устойчивой мотивации к защите диссертации, социально-психологическое сопровождение на всех этапах их обучения, подготовка научных руководителей к работе с иностранными субъектами образования, формирование инклюзивной культуры в обществе.

Ключевые слова

образовательная миграция, иностранные аспиранты, новая социокультурная среда, принимающая страна, мотивация к защите диссертации, языковой барьер, риски адаптации, причины и последствия социально-психологической дезориентации, агрессия на почве ксенофобии, социальная изоляция в этнической группе, психолого-педагогическое сопровождение

Для цитирования: Андрианова, Р. А. (2026). Образовательная миграция: риски социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов. *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 105–120.

Original paper

Educational migration: the risks of socio-psychological disorientation of foreign postgraduate student

Rosa A. Andrianova

Institute of Scientific Information on Social Sciences (ISSS RAS)

Moscow (Russia)

rosa_and@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-7903-0426

Abstract

Introduction. In recent years, Russia has become an attractive direction for educational migration, and that updates the study of sociocultural adaptation processes of foreign postgraduate students. The earlier identification of their socio-psychological disorientation risks in the context of a cultural distance obtains its particular significance. **Methods:** Review and analysis of scientific literature, complex of qualitative psychological-pedagogical methods – participant observation, informal conversations, interview. Scientific-practical conferences have become both the place of participant observation and the main channel for sample formation, which has ensured naturality in the participants' selection and data reliability. The use of a qualitative strategy of empirical research is connected with the sensory nature of the problem under study and the choice of intercultural interaction format, which promotes to establish trust and the authentic data obtaining. The research was conducted in compliance with the principles of voluntary participation, confidentiality and anonymity. Digital translation assistive tools were used to overcome the language barrier. The complex nature of the methods used to survey the risks of socio-psychological disorientation of foreign postgraduate students ensured triangulation of data, increased reliability of analysis and validity of results interpretation. **Results:** It has been established that the socio-psychological disorientation of foreign postgraduate students intensifies under influence of language and cultural barriers, economic restrictions and the perception of external environment as a potential threat to personal security. The results received confirm the need for systemic support of educational migrants. Successful adaptation and integration of educational migrants in the new sociocultural environment requires targeted language support programs, formation of a sustained motivation of thesis defence, socio-psychological support at all stages of their education, preparation of scientific leaders to work with foreign educational subjects, formation of an inclusive culture in society.

Keywords

educational migration, foreign postgraduate students, new sociocultural environment, host country, motivation to thesis defence, language barrier, adaptation risks, causes and consequences of socio-psychological disorientation, xenophobic aggression, social isolation in an ethnic group, psychological and pedagogical support

For citation: Andrianova, R. A. (2026). Educational migration: the risks of socio-psychological disorientation of foreign postgraduate students. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 105–120.

Введение в проблематику исследования

Современные мегаполисы в России становятся пространством для активных миграционных потоков, где образовательные учреждения играют ключевую роль в обучении иностранных аспирантов. Одним из крупнейших образовательных центров является Москва, где формируются и взаимодействуют устойчивые межкультурные сообщества.

В новой социокультурной среде иностранные аспиранты сталкиваются с необходимостью выбора оптимальной адаптационной стратегии, включающей языковую адаптацию, принятие российских норм и правил научно-исследовательской работы, готовность к публичным выступлениям с апробацией результатов диссертационного исследования, подготовку научных статей в соответствии с требованиями ВАК.

В условиях миграции усиливаются риски социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов, которая рассматривается нами как нарушение адаптационных механизмов личности, проявляющееся в психоэмоциональном напряжении, снижении мотивации к научно-исследовательской работе, отчуждении от научного сообщества, отказе от защиты кандидатской диссертации в принимающей стране. Социально-психологическая дезориентация иностранных аспирантов в принимающем обществе способна привести к состоянию внутренней когнитивной, эмоциональной и поведенческой несогласованности, возникающей при ограниченных адаптационных ресурсах для интеграции в новую социокультурную среду. Социально-психологическая дезориентация не тождественна отклоняющемуся поведению и рассматривается нами как переходный этап в процессе социокультурной адаптации, однако при неблагоприятных условиях она может перейти в устойчивые поведенческие девиации.

Цель исследования – выявить и проанализировать риски и причины социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов, оценить последствия этих рисков. Объект исследования – процесс адаптации иностранных аспирантов в России. Предмет исследования – социально-психологическая дезориентация как состояние когнитивной, эмоциональной и поведенческой несогласованности у иностранных аспирантов, обучающихся в Москве. Гипотеза исследования: предполагается, что социально-психологическая дезориентация иностранных аспирантов носит многоаспектный (эмоциональный, когнитивный, поведенческий) характер и обусловлена системой взаимосвязанных барьеров, среди которых языковой барьер выступает системообразующим предиктором усиления указанных рисков и снижения мотивации к завершению диссертационного исследования и защите кандидатской диссертации. Новизна исследования заключается в том, что социально-психологическая дезориентация иностранных аспирантов в новой социокультурной и образовательной среде рассматривается как самостоятельный феномен с выделением его структурных компонентов – когнитивного, эмоционального и поведенческого. Обосновано, что языковой барьер выступает системообразующим предиктором усиления рисков социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов, способствует снижению мотивации к завершению диссертационного исследования и защите кандидатской диссертации, отчуждению от научного сообщества, отказу от межкультурных коммуникаций и социальной изоляции в своей этнической группе.

Обзор и анализ научной литературы

В последние годы наблюдается интерес исследователей к проблемам образовательной миграции, обусловленный ростом числа иностранных субъектов образования, а также необходимостью их успешной образовательной и социокультурной адаптации.

Оценивая иммиграционные процессы в рамках международной образовательной миграции, В. Р. Сагитова отмечает, что в современных условиях престижность образования в России возрастает для стран Азиатского региона (Сагитова, 2024). А. А. Эндрюшко утверждает, что

образовательные мигранты лучше адаптируются к принимающему социуму по сравнению с молодыми трудовыми мигрантами. Однако, имея социальный капитал, они более требовательны к социальной среде, а их намерения могут быть более гибкими и ситуативными относительно переориентации на другие страны (Эндрюшко, 2024, с. 60). Н. В. Бадмаева и И. Э. Чимбеева на основе опроса иностранных обучающихся выявили, что первоначально их привлекают перспектива трудоустройства и облегченные условия получения российского гражданства. Данные критерии, по мнению авторов, существенно влияют на решение о выборе страны для обучения (Бадмаева & Чимбеева, 2024).

Однако отсутствие нормативного регулирования статуса образовательных мигрантов повышает неопределенность и стрессовую нагрузку на иностранных аспирантов, создавая риски административных санкций вплоть до депортации, что усугубляет их социально-психологическую дезориентацию в принимающей стране. Т. К. Ростовская, С. В. Рязанцев и В. И. Скоробогацова обращают особое внимание на актуальность создания нормативно-правовых и институциональных условий развития образовательной миграции в России в условиях отказа от Болонского формата организации образовательного процесса и подчеркивают, что именно эта категория иностранных граждан наиболее перспективна в контексте решения проблем современной миграционной политики Российской Федерации. Авторы предлагают ввести и нормативно закрепить категорию «образовательные мигранты» в качестве субъектов миграционных правоотношений в процессе реализации ими права на образование (Ростовская и др., 2023, с. 46).

Важным направлением развития образовательной миграции становится не просто привлечение иностранных аспирантов, но и удержание их в новой социокультурной среде. В. Демарева, С. Олауво и М. Гергес подчеркивают важность преодоления барьеров успешной интеграции: языкового барьера, визовых и иммиграционных ограничений, финансовых проблем (высокой стоимости обучения и проживания), трудностей культурной адаптации к новому образу жизни в принимающей стране и системе образования, международной конкуренции. В качестве механизма привлечения и удержания иностранных аспирантов в России авторы предлагают олимпиаду Open Doors, в которой принимает активное участие лаборатория киберпсихологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, что позволило вузу привлекать для обучения иностранных аспирантов (Демарева и др., 2023, с. 282).

Ч. И. Ильдарханова, Н. М. Биктимиров, А. Р. Мухаметов, Г. Н. Ершова на основе анализа географии стран исхода иностранных обучающихся в Казанском федеральном университете выявили, что большая часть иностранных субъектов образования приезжает на обучение в Татарстан из Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Ирана и Египта. Исследователи утверждают, что ключевым фактором выбора места обучения становится языковое родство и конфессиональная близость (Ильдарханова и др., 2024).

В. Г. Касарова представила опыт работы с аспирантами на кафедре «Страноведение» факультета для иностранных граждан и подчеркнула, что важное значение имеет развитие у иностранных аспирантов способности анализировать исторические факты, чтобы противостоять множественным фальсификациям в отношении России (Касарова, 2022, с. 113).

Языковая адаптация в новой стране становится важным условием межкультурных коммуникаций, интеграции в образовательную среду и социум принимающей стороны, организации эффективной работы над диссертационным исследованием и подготовки научных статей, успешных выступлений с докладами и апробации результатов исследования на конференциях, активного участия в научных дискуссиях, формирования научно-исследовательского опыта для защиты кандидатской диссертации.

Значительная часть представленных научных публикаций охватывает методические аспекты изучения русского языка иностранными аспирантами. М. М. Парочкина рассматривает дискуссию по специальности как форму обучения иностранных аспирантов научному общению, стимулирующую изучение русского языка, развивающую навыки и умения, необходимые для решения учебных и профессиональных задач (Парочкина, 2021, с. 75). Н. Ю. Романова и Т. А. Налимова анализируют особенности подготовки иностранных аспирантов к сдаче кандидатского экзамена по русскому языку на опыте работы с аспирантами из восьми стран Африки и Азии. Авторы показывают, что в обучении заостряется внимание на совершенствовании умений и навыков чтения научной литературы, а понимание материала на уровне смысла проверяется при обсуждении изложенных в тексте научных проблем. В процессе такого подхода к обучению аспиранты самостоятельно подготавливают реферат для кандидатского экзамена, в котором профессионально представляют обзор научной литературы по специальности на русском языке. Н. Ю. Романова и Т. А. Налимова обосновали, что данный формат работы учит иностранных аспирантов систематизировать, интерпретировать и обобщать научную информацию, формулировать выводы на русском языке (Романова & Налимова, 2024, с. 60). Статья М. А. Григорьевой и Р. С. Сатретдиновой затрагивает проблему обучения иностранных аспирантов письменной научной деятельности. Используя практический опыт работы с аспирантами из Китая, авторы обосновали актуальность постепенного перехода от заданий по анализу научного текста к продуцированию собственного речевого научного продукта: тезисов, статей, докладов, диссертационного исследования (Григорьева & Сатретдинова, 2021, с. 157). Е. Г. Гешева отмечает, что иностранные аспиранты, как правило, имеют весьма высокий уровень базового образования и высокую внутреннюю мотивацию к обучению, поэтому важно ориентироваться не на «репродуктивное воспроизведение материала», а на стимулирование саморазвития, самореализации в процессе обучения (Гешева, 2020, с. 123). Е. Орлов и Т. Скорилова представили авторский опыт внедрения лингвокультурного аспекта в преподавании русского языка как иностранного в авторском курсе «Русский язык для академических целей», способствующем эффективной научной коммуникации (Орлов & Скорилова, 2024).

Цифровая трансформация образования открывает новые возможности обучения иностранных аспирантов и подготовки их к защите диссертации. Э. В. Балакирева, Ф. Шуян доказывают, что онлайн-курсы востребованы китайскими аспирантами по причине гибкости графиков дистанционного обучения, однако успешному обучению препятствует низкий уровень владения русским языком, что активизирует спрос на дополнительные курсы русского языка и повышение эффективности взаимодействия с преподавателями (Балакирева & Шуян, 2023, с. 175).

И. Чан, П. Сюй, С. Фэн, преподаватели Харбинского научно-технического университета (г. Харбин, Китай), утверждают, что обучение китайских аспирантов в России стимулирует командная междисциплинарная научная работа в исследовательских проектах. Языковой барьер преодолевается обучением в исследовательском Центре иностранных языков, Центре русского языка в Китае (Чан и др., 2025). Т. Хуан, М. Чжэн, Ф. Ван подчеркивают ключевую роль языковой адаптации в подготовке научных кадров путем создания русской языковой среды на занятиях (Хуан и др., 2024, с. 30). Психологические аспекты коммуникативного обучения аспирантов рассматривает П. Ш. Алиева, которая подчеркивает: основная функция учебной деятельности состоит в том, чтобы при изучении языкового материала выстраивать коммуникации в группе, стимулировать стремление к взаимодействию с другими аспирантами (Алиева, 2024, с. 113).

Учебное пособие Л. Ф. Беляковой предназначено для аудиторной и дистанционной самостоятельной работы иностранных аспирантов под контролем преподавателя, а также подготовки

к тестированию на соответствие уровням В2–С1 (6). Для подготовки иностранных аспирантов к сдаче иностранного языка (русского) учебное пособие подготовила Е. А. Правда. Тексты и задания, изложенные автором, направлены на развитие у аспирантов речевой деятельности на русском языке¹.

Г. Айин на основе опроса 53 иностранных аспирантов, обучающихся в университетах Санкт-Петербурга, показывает целесообразность внедрения дополнительных занятий для обучения русскому академическому письму, выражению авторской позиции в научном тексте (Айин, 2022, с. 12). А. В. Яроцкая отмечает, что наряду с решением образовательных задач – обучением аннотированию и реферированию, написанию и оформлению научных статей, подготовкой научных докладов, презентаций результатов диссертационного исследования, важно актуализировать межкультурный аспект профессиональных коммуникаций аспирантов (Яроцкая, 2020).

Статья О. Б. Пановой и Н. И. Маругиной посвящена обучению русскому литературному языку иностранных магистрантов и аспирантов в рамках спецкурса «Современная русская литература» на факультете иностранных языков Томского государственного университета. Авторы раскрывают роль русского литературного языка в развитии межкультурных компетенций обучающихся (Панова & Маругина, 2023).

На основе собственного опыта работы Е. В. Иванова предлагает интенсифицировать процесс подготовки иностранных аспирантов путем вовлечения в студенческие научно-практические конференции (Иванова, 2022). Л. П. Земскова, О. Н. Олейникова и Е. В. Пикалова также подчеркивают роль научных конференций в развитии коммуникативных навыков иностранных обучающихся в условиях академической среды (Земскова и др., 2021).

О. К. Грекова познакомилась с опытом работы с иностранными аспирантами на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, направленной на подготовку ментальных действий исследователя, необходимых для конкретной научной деятельности (Грекова, 2024, с. 109).

Для нашего исследования важное значение имеет идея адаптивности и дезадаптивности А. А. Реана, рассматривающего адаптацию как более сложную структуру, включающую такие критерии, как внешний (взаимоотношения и поведение в рамках социальных норм, правил и установок) и внутренний (психоэмоциональная стабильность, состояние удовлетворенности и др.) (Реан и др., 2022). Е. В. Апасова и И. Ю. Кулагина доказали, что степень успешности адаптации иностранных обучающихся зависит от внешних (специфика учебных и бытовых условий, социальные контакты с представителями принимающей страны) и внутренних условий (личностные диспозиции – мотивация, самооценка, коммуникативная компетентность) (Апасова и др., 2020).

М. А. Ерофеева подчеркивает особую роль «поддержки наставников или коллег по учебной группе (кафедре)». Очевидно, что психолого-педагогическое сопровождение аспирантов – важное условие снижения рисков социально-психологической дезориентации и подготовки к успешной защите диссертации (Ерофеева & Кузнецов, 2024).

К наиболее чувствительным барьерам иностранной молодежи И. В. Лисовская и А. Р. Гарифзянова относят одиночество и изоляцию, ощущение инаковости, ксенофобные настроения в принимающем сообществе, что препятствует быстрому вовлечению иностранных обучающихся в университетские и городские сообщества (Лисовская & Гарифзянова, 2025, с. 31). В. А. Клименко, А. В. Гришина, Е. А. Проненко подчеркивают роль психологических ресурсов и миграционного опыта в преодолении сложных жизненных ситуаций иностранными обучающимися (Клименко & Гришина, 2021; Клименко и др., 2023).

¹ Белякова, Л. Ф. (2021). *Учебное пособие по развитию речи для иностранных аспирантов*. Волгоградский государственный технический университет.

На основе обзора и анализа публикаций 2021–2025 гг., представленных на платформе научно-электронной библиотеки (НЭБ) eLIBRARY.ru, установлено, что акцент в большинстве исследований сделан на лингвистических и методических аспектах обучения, а также на общих вопросах адаптации к образовательной среде. При этом актуальная междисциплинарная проблема исследования рисков и возможных последствий социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов, приезжающих в Россию из других стран, специфика их взаимодействия с представителями принимающего общества в условиях языкового барьера, культурных различий, дефицита опыта межкультурных коммуникаций остается крайне малоисследованной.

Методы эмпирического исследования

В период с декабря 2024 г. по ноябрь 2025 г. в целях выявления рисков социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов (на примере Москвы) нами собран основной эмпирический материал для качественного исследования. Основным каналом формирования выборки стали научно-практические конференции с участием иностранных аспирантов, что обеспечило отбор участников в естественной научной среде и достоверность данных. Для выявления рисков психоэмоциональной дезориентации иностранных аспирантов, обучающихся в Москве, использовались включенное наблюдение, неформальные беседы, интервью с иностранными аспирантами, которые позволили зафиксировать коммуникативные паттерны, особенности взаимодействия с представителями других национальных групп, степень включенности в научное сообщество и проявление адаптационных барьеров на научно-практических конференциях: в Институте научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Московском государственном институте международных отношений (МГИМО МИД), МГУ имени М. В. Ломоносова (факультет журналистики и социологический факультет), Академии управления МВД России и Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя.

Выбор включенного наблюдения, бесед и интервью обусловлен чувствительной спецификой исследуемого феномена – социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов, которая является внутренним, эмоционально насыщенным состоянием, плохо поддающимся фиксации с помощью анкетирования. Выбранные качественные методы позволили оперативно корректировать направление обследования и выявлять скрытые эмоциональные риски социально-психологической дезориентации (страх, тревогу, неуверенность, разочарование, растерянность) во время очной коммуникации, что дало возможность повысить достоверность результатов исследования, обеспечило взаимную проверку данных (триангуляцию) и глубину понимания социально-психологических проблем дезориентации при выраженных дефицитах языковой адаптации и культурной дистанции с принимающим обществом. В ходе беседы и интервью, включенного наблюдения соблюдались этические нормы и уважение к культурным различиям. Из-за языкового барьера часть вопросов и ответов переводились через интернет-переводчики, что требовало дополнительных уточнений и усложняло коммуникацию, но при этом исключались риски непонимания и искажения восприятия вопросов и ответов.

Выбранные тематические линии открытых вопросов: проблемы языковой адаптации; ощущение инаковости из-за культурной дистанции и миграционного статуса; случаи прямого или косвенного (насмешки, игнорирование) проявления агрессии на почве ксенофобии (оскорбления, угрозы, нападения из-за национальной принадлежности); специфика взаимодействия с научным руководителем (обратная связь, формы сопровождения этапов работы над диссертацией, помощь в публикациях статей (в изданиях, включенных в РИНЦ, ВАК

и др.), научно-исследовательская активность: участие в научных проектах, публикации, выступления с докладами на конференциях, публичные выступления, участие в общественной жизни вуза (вузовские мероприятия), ближнее поддерживающее социальное окружение (помощь в трудной жизненной ситуации).

Общую выборку качественного исследования составили 62 иностранных аспиранта (12 из них первого года обучения, 34 – второго года обучения, 16 – третьего года обучения) и 15 научных руководителей. Таким образом, большая часть участников обследования обучаются в России больше года. Иностранные аспиранты приехали в Россию на обучение из стран СНГ (Таджикистан – 5 аспирантов, Кыргызстан – 18, Армения – 4), 12 аспирантов – из Центральной Азии (Индия), 9 – из Юго-Восточной Азии (Вьетнам), 3 аспиранта – из Африки (Гвинейская Республика (1), Сомали (1), Королевства Лесото (1), из Южной Америки (Бразилия – 11 аспирантов). Из них 65 % аспирантов – женщины, однако гендерная специфика специально не выделялась в анализе результатов обследования рисков их дезориентации в новой социокультурной среде. Также специально не определялся уровень владения русским языком, но фиксировались проблемы языковой адаптации как барьеры языковой адаптации научной среде и межкультурных коммуникаций. Не акцентировалась и страна иностранного аспиранта, но фиксировались когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты их социально-психологической дезориентации, обусловленные культурной дистанцией и адаптационными стратегиями в новом социокультурном пространстве принимающей страны.

Результаты эмпирического исследования

Анализ показал, что 98 % иностранных аспирантов, которые приняли участие в обследовании рисков социально-психологической дезориентации в новой социокультурной среде принимающего общества, отметили чувство безопасности внутри образовательных учреждений и общезжитии. Значительная часть аспирантов ощущает этнокультурную дистанцию с принимающим обществом (78 %); дефицит опыта межкультурных взаимодействий в принимающем обществе (62 %); страх негативной оценки их поведения (52 %); страх ксенофобских проявлений со стороны принимающего общества за пределами общезжития и образовательного учреждения (47 %). Языковой барьер становится препятствием для взаимодействия с научным руководителем. Например, 68 % опрошенных избегают личных встреч и предпочитают онлайн-взаимодействие и переписку с научным руководителем с помощью интернет-переводчика; 34 % аспирантов отметили непонимание требований к организации и проведению научно-исследовательской работы, приводящее к чувству неопределенности и снижению мотивации к работе над диссертацией; 52 % респондентов отмечают высокие учебные нагрузки и расхождение в академических требованиях с образованием на родине. При этом 27 % аспирантов до конца первого года обучения не определились с темой диссертационного исследования (т. е. практически потеряли год диссертационного исследования), а 36 % лиц сомневаются, что успеют завершить диссертационное исследование и защитить кандидатскую диссертацию. Языковой барьер становится существенной проблемой и для интеграции в научное сообщество: страх перед публичными выступлениями на русском языке и возможной публичной защитой диссертации испытывают 83 % опрошенных, а 42 % из-за языкового барьера предпочитают общаться со своими земляками и надеются только на их поддержку. Для 28 % респондентов проблемой стали непривычные бытовые нагрузки (не сформированы навыки самообслуживания, например самостоятельного приготовления еды, стирки, уборки и др.). Серьезным барьером адаптации в новой стране становится финансовая нестабильность у 45 % иностранных аспирантов (необходимость экономить на питании, досуге и других базовых потребностях); 21 % обучающихся часто пропускают занятия из-за простудных заболеваний (не могут адаптироваться к российским климатическим условиям).

Обсуждение результатов исследования

Анализ результатов исследования показал, что образовательные намерения иностранных аспирантов могут быть переориентированы на другие страны, если их запросы на интеграцию в российское образовательное и научное сообщество, успешную защиту диссертации не поддерживаются. Актуальным и востребованным для повышения международного образовательного статуса России является предложение Т. К. Ростовской о создании нормативно-правовых и институциональных условий для развития образовательной миграции в условиях отказа от Болонской образовательной системы (Ростовская и др., 2023).

Стремительное развитие цифровых научных коммуникаций активизирует цифровую трансформацию образования, открывающую новые адаптационные возможности для иностранных аспирантов (Балакирева и др., 2023). Особо востребованным для успешной подготовки и защиты диссертации становится обучение иностранных аспирантов русскому академическому письму (Айин, 2022).

Для снижения рисков социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов важно учитывать и внутренние (психоэмоциональная стабильность, состояние удовлетворенности), и внешние (взаимоотношения и поведение в рамках социальных норм, правил и установок) критерии адаптации, разработанные А. А. Реаном (Реан и др., 2022).

Результаты проведенного исследования коррелируют с исследованиями И. В. Лисовской и А. Р. Гарифзяновой о сенситивных барьерах иностранной молодежи – одиночестве и изоляции, ощущении инаковости, ксенофобных настроениях в принимающем обществе (Лисовская & Гарифзянова, 2025); с научными работами Е. В. Апасовой и И. Ю. Кулагиной о зависимости степени успешности адаптации иностранных аспирантов от внешних и внутренних условий (Апасова и др., 2020); с исследованием М. А. Ерофеевой о роли наставников и организации психолого-педагогического сопровождения аспирантов (Ерофеева & Кузнецов, 2024). Подтверждается важность коммуникативного обучения на основе изучения языкового материала, стимулирования межкультурных взаимодействий субъектов образования (Алиева, 2024), снижения психологического напряжения в научном сообществе через вовлечение иностранных аспирантов в научно-практические конференции и активное участие в научных дискуссиях (Иванова, 2022; Земскова и др., 2021).

Важными для выбора тематической линии беседы и интервью стали выводы В. Демаревой, С. Олауво, М. Гергеса, акцентирующих внимание на следующих проблемах привлечения и удержания иностранных аспирантов: языковом барьере, визовых и иммиграционных ограничениях, финансовых проблемах, трудностях культурной адаптации, международной конкуренции (Демарева и др., 2023). Подтвердилось экспертное мнение А. А. Эндрюшко об отличительных адаптационных стратегиях иностранных субъектов образования и трудовых мигрантов: например, иностранные студенты или аспиранты, обладая более высоким социальным капиталом, чем трудовые мигранты, более требовательны к условиям социальной среды (Эндрюшко, 2024).

Анализ результатов обследования причин и возможных последствий дезориентации в новой социокультурной среде позволяет выделить когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты адаптации; определить адаптационные барьеры и риски дезориентации иностранных аспирантов; обосновать положение, что социально-психологическая дезориентация – это комплексное состояние, затрагивающее не только внешнее включение в научное сообщество, но и внутренние проблемы адаптации в новом социокультурном пространстве принимающей страны. Такая дифференциация расширяет подходы к превентивной работе с иностранными аспирантами, когда проблемы низкой эффективности подготовки иностранных аспирантов связываются преимущественно с организационными барьерами их научно-исследовательской деятельности.

Эмоциональные риски социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов связаны с их переживаниями, сопровождающими процесс адаптации в принимающей стране, и включают страх исключения из научного сообщества из-за недостаточной публичной активности и неэффективной работы над диссертационным исследованием; страх публичных выступлений с докладами на конференциях и участия в научных дискуссиях; страх негативной оценки из-за языкового барьера и культурных различий; психоэмоциональное напряжение из-за финансовой нестабильности и бытовой неустроенности; страх прямой и косвенной агрессии на почве ксенофобии на улице вне стен образовательного учреждения и общежития; проблемы адаптации к непривычному климату, способствующие частым заболеваниям и пропускам занятий, что становится причиной и психосоматических болезней.

Когнитивные риски социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов проявляются в сфере организации этапов научно-исследовательской деятельности и подготовки к защите диссертации. Эти риски обусловлены недостатком исследовательских навыков, необходимых для работы над диссертацией. Ограниченная исследовательская автономия выражается в трудностях самостоятельного планирования этапов диссертационного исследования и подготовки необходимых научных публикаций ВАК, неготовности к выполнению академических регламентов аспирантуры и прохождению аттестации, включая подготовку к сдаче кандидатских экзаменов и качественное выполнение объема работы, указанного в индивидуальном плане. Названные риски затрудняют полноценную реализацию научного потенциала аспиранта, подготовку и успешную защиту кандидатской диссертации.

Поведенческие риски социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов отражают стратегии их реагирования на барьеры адаптации и научной интеграции. К ним относятся стремление к социальной изоляции и замыкание в своей этнической группе, отказ от межкультурных взаимодействий с представителями других национальных культур, избегание научных мероприятий и публичных форм представления результатов диссертационного исследования, формирование пассивно-избегающих моделей поведения в учебной деятельности, проявление ответной агрессии на почве ксенофобии при межнациональных взаимодействиях.

Эти риски в совокупности ограничивают научную социализацию и могут привести к решению прервать обучение в аспирантуре и покинуть принимающую страну до завершения обучения.

Эмоциональные, когнитивные и поведенческие риски социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов обусловлены взаимосвязанными барьерами, которые препятствуют их адаптации и интеграции в научное сообщество.

Языковой барьер отражает уровень владения русским языком для продуктивного взаимодействия в научной среде и межкультурных коммуникаций в новой социокультурной среде, активного участия в дискуссиях на конференциях или в иных научных мероприятиях, в публичных очных или онлайн-выступлениях с докладами и представления результатов работы над диссертацией; дефицит полноценных межкультурных коммуникаций из-за культурных различий в быту и иных сферах деятельности с представителями принимающего общества.

Социальная изоляция и одиночество обусловлены значительной культурной дистанцией и несоответствием привычных культурных ценностей и культуры принимающей страны, отсутствием устойчивых социальных связей с представителями других национальных групп, давлением миграционного статуса и соответствующих бюрократических барьеров, усиливающих позицию «чужого» в принимающей стране и противостояния по принципу «мы – они».

Академической несостоятельности в новой образовательной среде способствуют различия в академических традициях и методах подготовки научных кадров в родной стране и прини-

мающей стороны; неэффективное научное руководство способствует снижению адаптационного ресурса, затрудняет интеграцию в научное сообщество, препятствует эффективной научно-исследовательской работе, подготовке и защите диссертации, приводит к конфликтным отношениям с научным руководителем.

Психологические проблемы вызывают хронический стресс, депрессивные состояния, тревожность, эмоциональное выгорание вследствие совмещения большого объема учебных и бытовых нагрузок, способствуют психологической и социальной депривации, связанной с одиночеством, отсутствием поддержки и помощи в чужой стране, страхом агрессивного преследования на улице из-за национальной принадлежности, снижающих субъективную безопасность и повышающих уровень недоверия к принимающему обществу.

Возможные последствия социальной дезориентации иностранных аспирантов в новой социокультурной среде принимающего общества – снижение мотивации к научно-исследовательской работе, подготовке и защите кандидатской диссертации, формирование чувства неполноценности, невозможность полноценной интеграции в научную среду и социум принимающей стороны, изоляция в своей этнической группе и ответное проявление прямой или косвенной агрессии на почве ксенофобии к представителям других национальных групп, отказ от завершения диссертационного исследования и защиты диссертации в России, потеря уверенности в правильном выборе страны для обучения.

Заключение

Исследование подтвердило, что социально-психологическая дезориентация иностранных аспирантов усиливается под воздействием совокупности трудностей – языковых барьеров, социокультурных несоответствий / различий, повышенных учебных нагрузок, неготовности к преодолению финансовых и бытовых сложностей, устойчивого эмоционального напряжения – проявляется в снижении мотивации к защите диссертации, ограничении социальных контактов в принимающем обществе и самоизоляции внутри своей этнической группы, сопровождается субъективным ощущением угрозы личной безопасности, сомнением в правильности выбора страны обучения, подготовки и защиты кандидатской диссертации, рождает чувство неполноценности и разочарования. При этом языковой барьер становится системообразующим предиктором усиления эмоциональных, когнитивных и поведенческих рисков социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов.

Практическая значимость работы заключается в разработке диагностических инструментов для обследования чувствительной проблемы адаптации иностранных аспирантов. Предложенный комплекс качественных методов (включенное наблюдение, неформальные беседы, интервью) позволяет выявить когнитивные, эмоциональные и поведенческие риски социально-психологической дезориентации иностранных аспирантов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки превентивных программ сопровождения иностранных аспирантов и повышения эффективности подготовки иностранных научных кадров высшей квалификации.

Перспективными направлениями становятся мониторинг статистических данных о количестве защищенных диссертаций иностранными аспирантами и оценка эффективности подготовки иностранных научных кадров высшей квалификации, междисциплинарные исследования, расширение качественной выборки для оценки ключевых ресурсов развития образовательной миграции в Российской Федерации с учетом различных потенциальных адаптационных рисков, в том числе рисков межнациональных конфликтов, агрессивного преследования иностранных аспирантов на почве ксенофобии.

При этом представленное исследование показало, что базовыми условиями успешной адаптации и интеграции иностранных аспирантов как образовательных мигрантов являются комфортные условия для межкультурных коммуникаций, целенаправленные программы языковой поддержки, социально-психологическое сопровождение на всех этапах их обучения в аспирантуре, подготовка научных руководителей к работе с иностранными субъектами образования, формирование инклюзивной культуры в обществе.

Список литературы

- Айдынбеков, Э. Ф., Арефьев, А. Л., Бочарова, З. С., ... [и др.] (2020). *Образовательная миграция в современном мире: субъекты, стратегии, ценности*. Российский университет дружбы народов.
- Айин, Г. (2022). Актуальные аспекты обучения академическому письму на русском языке: методология и технология (из опыта работы вузов с иностранными аспирантами). *Сибирский учитель*, (3), 12–17.
- Алиева, П. Ш. (2024). Психологические аспекты коммуникативного обучения иностранным языкам студентов и аспирантов. *Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)*. Серия общественных наук, 1, 107–117.
- Апасова, М. В., Кулагина, И. Ю., & Апасова, Е. В. (2020). Условия адаптации иностранных студентов в ВУЗах. *Современная зарубежная психология*, 9(4), 129–137. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090412>
- Бадмаева, Н. В., & Чимбеева, И. Э. (2024). Экспорт образования: почему иностранцы едут учиться в российские регионы? *Oriental Studies*, 17(6), 1279–1294. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-76-6-1279-1294>
- Балакирева, Э. В., & Шуян, Ф. (2023). Исследование проблем дистанционного образования иностранных аспирантов. *Человек и образование*, (1), 168–177. <https://doi.org/10.54884/S181570410025133-1>
- Гешева, Е. Г. (2020). Преподавание дисциплины «Педагогика и психология высшей школы» иностранным аспирантам: проблемы и задачи. *Вестник Московского энергетического института*, (3), 118–124. <https://doi.org/10.24160/1993-6982-2020-3-118-124>
- Грекова, О. К. (2024). Подготовка ментальных действий иностранных аспирантов в курсе языка специальности. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 6(236), 104–111. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-104-111>
- Григорьева, М. А., & Сатретдинова, Р. С. (2021). Обучение иностранных магистрантов и аспирантов письменной научной речевой деятельности. *Мир науки, культуры, образования*, 6, 157–159. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-691-157-159>
- Демарева, В., Олауво, С., & Гергес, М. (2023). Некоторые аспекты привлечения и удержания иностранных аспирантов в РФ. В *Культурное наследие и связь поколений* (с. 281–290). Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.
- Ерофеева, М. А., & Кузнецов, М. Ю. (2024). Научно-исследовательская компетентность адъюнктов. *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*, (24), 188–189.
- Земскова, Л. П., Олейникова, О. Н., & Пикалова, Е. В. (2021). Развитие коммуникативных навыков иностранных обучающихся в условиях академической среды. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*, 3(292), 44–49. https://doi.org/10.47438/2309-7078_2021_3_44

- Иванова, Е. В. (2022). Интенсификация процесса подготовки будущих магистров и аспирантов на подготовительном факультете МАДИ для иностранных граждан. *Вестник Тульского государственного университета. Серия: Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин*, 1, 112–114.
- Ильдарханова, Ч. И., Биктимиров, Н. М., ... [и др.] (2024). Управление современной образовательной миграцией: опыт Татарстана. *Казанский экономический вестник*, 2, 18–28.
- Касарова, В. Г. (2022). Особенности работы на уроках истории с иностранными магистрантами и аспирантами. *Вопросы педагогики*, (1-1), 111–114.
- Клименко, В. А., & Гришина, А. В. (2021). Психологические предикторы адаптации образовательных мигрантов к трудной жизненной ситуации. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 4(1), 62–76. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-1-62-76>
- Клименко, В. А., Гришина, А. В., & Проненко, Е. А. (2023). Роль психологических ресурсов в преодолении сложных жизненных ситуаций у образовательных мигрантов. *Российский психологический журнал*, 20(4), 6–25. <https://doi.org/10.21702/rpj2023.4.1>
- Лисовская, И. В., & Гарифзянова, А. Р. (2025). «Ты ощущаешь себя другим, чужим...»: иногородняя молодежь в большом городе в поисках устойчивости. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (2), 22–44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2563>
- Орлов, Е., & Скорикова, Т. (2024). Лингвокультурный аспект в обучении иностранных аспирантов русскому академическому дискурсу. *Русский язык в центре Европы*, (1), 94–101.
- Панова, О. Б., & Маругина, Н. И. (2023). Обучение русскому литературному языку иностранных магистрантов и аспирантов в рамках спецкурса «Современная русская литература»: ключевые проблемы и перспективы. *Филология и культура*, 3(73), 238–247. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-73-3-238-247>
- Парочкина, М. М. (2021). Дискуссия как форма обучения научному общению иностранных аспирантов и стажеров. *Гуманитарный научный вестник*, 5, 70–76. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4911348>
- Реан, А. А., Кудашев, А. Р., & Баранов, А. А. (2022). *Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика*. Московский педагогический государственный университет. <https://doi.org/10.31862/9785426311084>
- Романова, Н. Ю., & Налимова, Т. А. (2024). Особенности подготовки иностранных аспирантов к кандидатскому экзамену по русскому языку. *Русский язык как иностранный и методика его преподавания*, (35), 57–64.
- Ростовская, Т. К., Рязанцев, С. В., & Скоробогатова, В. И. (2023). Создание нормативно-правовых и институциональных условий развития образовательной миграции в России. *Высшее образование в России*, 32(7), 35–47. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-35-47>
- Сагитова, В. Р. (2024). Феномен образовательной миграции. *Наука. Общество. Оборона*, 12(1), 5. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2024-1-5-5>
- Хуан, Т., Чжэн, М., Ван, Ф., ... [и др.] (2024). Состояние преподавания, проблемы и меры по улучшению процесса обучения русскому языку как второму иностранному для китайских магистрантов и аспирантов. *Universum: психология и образование*, (11), 26–32. <https://doi.org/10.32743/UniPsy.2024.125.11.18550>
- Чан, И., Сюй, П., & Фэн, С. (2025). Исследование механизма подготовки аспирантов наук иностранных языков с помощью интеграции науки и образования в Новую эру.

Управление образованием: теория и практика, (5-2), 236–242. <https://doi.org/10.25726/n1816-5008-3415-m>

- Эндрюшко, А. А. (2024). Образовательные и трудовые мигранты из постсоветских стран: адаптация в российском обществе и установки на интеграцию. *Социологические исследования*, (12), 60–73. <https://doi.org/10.31857/S0132162524120069>
- Яроцкая, А. В. (2020). Обучение психологов межкультурной профессиональной коммуникации: уровень. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*, (3), 185–191.

References

- Ajdynbekov, E. F., Aref'ev, A. L., Bocharova, Z. S., ... [i dr.] (2020). *Obrazovatel'naya migratsiya v sovremennoy mire: sub'ekty, strategii, cennosti*. Rossijskij universitet druzhby narodov.
- Ajin, G. (2022). Aktual'nye aspekty obucheniya akademicheskomu pis'mu na russkom yazyke: metodologiya i tekhnologiya (iz opyta raboty vuzov s inostrannymi aspirantami). *Sibirskij uchitel'*, (3), 12–17.
- Alieva, P. Sh. (2024). Psihologicheskie aspekty kommunikativnogo obucheniya inostrannym yazykam studentov i aspirantov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologij i upravleniya imeni K.G. Razumovskogo (Pervyj kazachij universitet)*. Seriya obshchestvennyh nauk, 1, 107–117.
- Apasova, M. V., Kulagina, I. Yu., & Apasova, E. V. (2020). Usloviya adaptatsii inostrannyh studentov v VUZah. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 9(4), 129–137. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090412>
- Badmaeva, N. V., & Chimbeeva, I. E. (2024). Eksport obrazovaniya: pochemu inostrancy edut uchit'sya v rossijskie regiony? *Oriental Studies*, 17(6), 1279–1294. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-76-6-1279-1294>
- Balakireva, E. V., & Shuyan, F. (2023). Issledovanie problem distantsionnogo obrazovaniya inostrannyh aspirantov. *Chelovek i obrazovanie*, (1), 168–177. <https://doi.org/10.54884/S181570410025133-1>
- Gesheva, E. G. (2020). Prepodavanie discipliny «Pedagogika i psihologiya vysshej shkoly» inostrannym aspirantam: problemy i zadachi. *Vestnik Moskovskogo energeticheskogo instituta*, (3), 118–124. <https://doi.org/10.24160/1993-6982-2020-3-118-124>
- Grekovala, O. K. (2024). Podgotovka mental'nyh dejstvij inostrannyh aspirantov v kurse yazyka special'nosti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 6(236), 104–111. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-104-111>
- Grigor'eva, M. A., & Satretdinova, R. S. (2021). Obuchenie inostrannyh magistrantov i aspirantov pis'mennoj nauchnoj rechevoj deyatel'nosti. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 6, 157–159. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-691-157-159>
- Demareva, V., Olauvo, S., & Gerges, M. (2023). Nekotorye aspekty privlecheniya i uderzhaniya inostrannyh aspirantov v RF. V *Kul'turnoe nasledie i svyaz' pokolenij* (s. 281–290). Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo.
- Erofeeva, M. A., & Kuznecov, M. Yu. (2024). Nauchno-issledovatel'skaya kompetentnost' ad'yunktov. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*, (24), 188–189.
- Zemskova, L. P., Olejnikova, O. N., & Pikalova, E. V. (2021). Razvitie kommunikativnyh navykov inostrannyh obuchayushchih v usloviyah akademicheskoy sredy. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3(292), 44–49. https://doi.org/10.47438/2309-7078_2021_3_44
- Ivanova, E. V. (2022). Intensifikatsiya processa podgotovki budushchih magistrantov i aspirantov na podgotovitel'nom fakul'tete MADI dlya inostrannyh grazhdan. *Vestnik Tul'skogo gosudarstven-*

- nogo universiteta. Seriya: Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v prepodavanii estestvennonauchnyh disciplin, 1, 112–114.
- Il'darhanova, CH. I., Biktimirov, N. M., ... [i dr.] (2024). Upravlenie sovremennoj obrazovatel'noj migraciej: opyt Tatarstana. *Kazanskij ekonomicheskij vestnik*, 2, 18–28.
- Kasarova, V. G. (2022). Osobennosti raboty na urokah istorii s inostrannymi magistrantami i aspirantami. *Voprosy pedagogiki*, (1-1), 111–114.
- Klimenko, V. A., & Grishina, A. V. (2021). Psihologicheskie prediktory adaptacii obrazovatel'nyh migrantov k trudnoj zhiznenoj situacii. *Innovacionnaya nauka: psihologiya, pedagogika, defektologiya*, 4(1), 62–76. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-1-62-76>
- Klimenko, V. A., Grishina, A. V., & Pronenko, E. A. (2023). Rol' psihologicheskikh resursov v preodoleenii slozhnyh zhiznennyh situacij u obrazovatel'nyh migrantov. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*, 20(4), 6–25. <https://doi.org/10.21702/rpj2023.4.1>
- Lisovskaya, I. V., & Garifzyanova, A. R. (2025). «Ty oshchushchaesh' sebya drugim, chuzhim...»: inogorodnyaya molodezh' v bol'shom gorode v poiskah ustojchivosti. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, (2), 22–44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2563>
- Orlov, E., & Skorikova, T. (2024). Lingvokul'turnyj aspekt v obuchenii inostrannyh aspirantov russkomu akademicheskomu diskursu. *Russkij yazyk v centre Evropy*, (1), 94–101.
- Panova, O. B., & Marugina, N. I. (2023). Obuchenie russkomu literaturnomu yazyku inostrannyh magistrantov i aspirantov v ramkah speckursa «Sovremennaya russkaya literatura»: klyuchevye problemy i perspektivy. *Filologiya i kul'tura*, 3(73), 238–247. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-73-3-238-247>
- Parochkina, M. M. (2021). Diskussiya kak forma obucheniya nauchnomu obshcheniyu inostrannyh aspirantov i stazherov. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik*, 5, 70–76. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4911348>
- Rean, A. A., Kudashev, A. R., & Baranov, A. A. (2022). Psihologiya adaptacii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika. *Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet*. <https://doi.org/10.31862/9785426311084>
- Romanova, N. Yu., & Nalimova, T. A. (2024). Osobennosti podgotovki inostrannyh aspirantov k kandidatskomu ekzameni po russkomu yazyku. *Russkij yazyk kak inostrannyj i metodika ego prepodavaniya*, (35), 57–64.
- Rostovskaya, T. K., Ryazancev, S. V., & Skorobogatova, V. I. (2023). Sozdanie normativno-pravovyh i institucional'nyh uslovij razvitiya obrazovatel'noj migracii v Rossii. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 32(7), 35–47. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-35-47>
- Sagitova, V. R. (2024). Fenomen obrazovatel'noj migracii. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 12(1), 5. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2024-1-5-5>
- Huan, T., Chzhen, M., Van, F., ... [i dr.] (2024). Sostoyanie prepodavaniya, problemy i mery po uluchsheniyu processa obucheniya russkomu yazyku kak vtoromu inostrannomu dlya kitajskih magistrantov i aspirantov. *Universum: psihologiya i obrazovanie*, (11), 26–32. <https://doi.org/10.32743/UniPsy.2024.125.11.18550>
- Chan, I., Syuj, P., & Fen, S. (2025). Issledovanie mekhanizma podgotovki aspirantov nauk inostrannyh yazykov s pomoshch'yu integracii nauki i obrazovaniya v Novuyu eru. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*, (5-2), 236–242. <https://doi.org/10.25726/n1816-5008-3415-m>
- Endryushko, A. A. (2024). Obrazovatel'nye i trudovye migranty iz postsovetskih stran: adaptaciya v rossijskom obshchestve i ustanovki na integraciyu. *Sociologicheskie issledovaniya*, (12), 60–73. <https://doi.org/10.31857/S0132162524120069>
- Yarockaya, A. V. (2020). Obuchenie psihologov mezhkul'turnoj professional'noj kommunikacii: uroven'. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki, (3), 185–191.

Информация об авторе

Роза Ахбановна Андрианова – научный сотрудник института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), кандидат педагогических наук.

About the author

Rosa A. Andrianova – a researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences (ISIS RAS), Cand. Sci. (Pedagog.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 07.12.2025

Одобрена после рецензирования 26.02.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted December 07, 2025

Approved after reviewing February 26, 2026

Accepted April 28, 2026

Оригинальная статья

УДК 343.85

Преступления против личности: состояние и основные тенденции

Марина Андреевна Дворжицкая

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева
(Санкт-Петербург, Россия)
dvorzhitskaya91@mail.ru

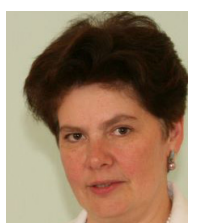
ORCID: 0000-0001-9545-0036

Елена Анатольевна Писаревская

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева
(Санкт-Петербург, Россия)
liorev@mail.ru

ORCID: 0009-0000-6731-5507

Екатерина Николаевна Рахманова

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева
(Санкт-Петербург, Россия)
ekaterina.rachmanova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4602-4676

Аннотация

Введение. Преступления против личности представляют серьезную угрозу безопасности граждан и стабильности общества и государства. Несмотря на общую тенденцию к снижению преступности в Российской Федерации, анализ динамики и структуры преступлений против личности обнаруживает противоречивые тенденции: в то время как одни виды преступлений против личности сокращаются, другие, напротив, демонстрируют рост, что свидетельствует о нерешенных проблемах в сфере обеспечения личной безопасности и требует детального анализа для выявления их причин. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа динамики и структуры преступлений против личности в Российской Федерации в целях разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию мер профилактики и борьбы с преступлениями против личности. **Методы исследования.** В работе применялись методы статистического анализа, сравнительно-правовой анализ, а также анализ научных публикаций и официальных данных МВД России за период с 2018 г. по 2023 г. **Заключение.** Исследование подтвердило тенденцию к снижению регистрируемых преступлений против личности в России в период с 2018 г. по 2023 г., что коррелирует с общемировой тенденцией, а также к снижению преступлений против жизни и здоровья и в то же время роста преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, отдельных видов преступлений против конституционных прав и свобод граждан. Сформулирован вывод, что сложившаяся ситуация требует активизации профилактической деятельности правоохранительных органов, направленной на предотвращение посягательств против интересов семьи и несовершеннолетних, так же как и против свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Ключевые слова

раздел УК РФ, преступления против личности, состояние, тенденции, профилактическая работа

Для цитирования: Дворжицкая, М. А., Писаревская, Е. А., Рахманова, Е. Н. (2026). Преступления против личности: состояние и основные тенденции. *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 121–137.

Original paper

Crimes against the person: status and main trends

Marina A. Dvorzhitskaya

North-West Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
(Saint Petersburg, Russia)
dvorzhickaya91@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9545-0036

Elena A. Pisarevskaya

North-West Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
(Saint Petersburg, Russia)
liorev@mail.ru

ORCID: 0009-0000-6731-5507

Ekaterina N. Rakhmanova

North-West Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
(Saint Petersburg, Russia)
ekaterina.rachmanova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4602-4676

Abstract

Introduction. Crimes against the person pose a serious threat to the security of citizens and the stability of society and the state. Despite the general downward trend in crime in the Russian Federation, an analysis of the dynamics and structure of crimes against the person reveals contradictory trends: while some types of crimes against the person are declining, others, conversely, are showing an increase. This indicates unresolved issues in the area of personal security and requires a detailed analysis to identify their causes. The relevance of this study is determined by the need for a comprehensive analysis of the dynamics and structure of crimes against individuals in the Russian Federation in order to develop scientifically sound recommendations for improving measures to prevent and combat crimes against the person. **Research methods.** The study used statistical analysis, comparative legal analysis, and analysis of scientific publications and official data from the Russian Ministry of Internal Affairs for the period from 2018 to 2023. **Conclusion.** The study confirmed a general downward trend in registered crimes against the person in Russia from 2018 to 2023, consistent with global trends. It also confirmed a steady decline in crimes against life and health, as well as an upward trend in crimes against sexual integrity and sexual freedom, as well as certain types of crimes against the constitutional rights and freedoms of citizens. The authors conclude that the current situation requires intensified preventive efforts by law enforcement agencies aimed at preventing attacks against the interests of families and minors, as well as against freedom, honor, and dignity of the person, sexual integrity, and sexual freedom.

Keywords

section of the Criminal Code of the Russian Federation, crimes against the person, structure, trends, preventive activities

For citation: Dvorzhitskaya, M. A., Pisarevskaya, E. A., Rakhmanova, E. N. (2026). Crimes against the person: status and main trends. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 121–137.

Введение

Современный этап социально-экономического и демографического развития России характеризуется глубокими трансформациями, оказывающими существенное влияние на все сферы общественной жизни, включая преступность. Выявление ключевых детерминант и анализ текущих тенденций преступлений против личности становятся важной задачей для разработки эффективных профилактических стратегий и оптимизации деятельности правоохранительных органов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, во-первых, несмотря на значительный вклад в изучение данной проблемы Ю. М. Антоняна, С. В. Бородина, А. С. Попова (Антонян & Эминов, 2015; Бородин, 2003; Попов, 2001), а также А. С. Дьяченко, О. В. Ивушкиной и др. (Дьяченко & Колоскова, 2019; Ивушкина, 2022; Костылева, 2025; Татарников & Никитин, 2020; Яхонтова, 2024), взаимосвязь современных реалий с динамикой конкретных видов преступлений против личности и эффективностью мер по их предупреждению остается пока недостаточно изученной. Во-вторых, несмотря на общее снижение количества зарегистрированных преступлений против личности и ужесточение уголовной ответственности, статистика фиксирует рост отдельных видов данной группы преступлений и стабильно высокий уровень рецидива (Писаревская, 2025).

Целью исследования является проведение комплексного криминологического анализа современного состояния, структуры, динамики и основных тенденций преступлений против личности в Российской Федерации за период 2018–2023 гг. Это обусловило постановку и решение следующих задач: проанализировать официальные статистические данные (МВД России, Росстат) о состоянии и динамике преступлений против личности в России за 2018–2023 гг.; выявить и дать характеристику ключевых тенденций (позитивных и негативных) в изменении структуры и характера данной категории преступлений и на их основе оценить эффективность действующих мер уголовно-правового и криминологического предупреждения преступлений против личности.

Методы

В работе применялись общенаучные методы познания, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция и специальные методы, к числу которых относится статистический анализ (для обработки данных МВД России и Росстата), сравнительно-правовой анализ, системный подход, а также анализ научных публикаций.

Для криминологической характеристики преступлений против личности за основу принята уголовно-правовая классификация преступлений, закрепленных в разделе VII УК РФ, посвященном преступным деяниям против личности, главы которого в целом коррелируются с конституционными положениями, посвященными правам и свободам человека и гражданина. В них включены деяния, направленные против таких конституционно значимых благ и ценностей, как жизнь и здоровье (глава 16 УК РФ); свобода, честь и достоинство личности (глава 17 УК РФ); половая неприкосновенность и половая свобода личности (глава 18 УК РФ); конституционные права и свободы человека и гражданина (глава 19 УК РФ); семья и несовершеннолетние (глава 20 УК РФ). Иными словами, речь идет об общественно опасных деяниях, причиняющих вред личности, ответственность за совершение которых установлена в статьях 105–157 УК РФ. Вместе с тем в качестве дополнительных непосредственных объектов интересы личности могут содержаться и в других

разделах УК РФ (Татарников & Никитин, 2020, с. 28), однако предметом данного исследования они не являются.

Результаты

Анализ статистической информации показывает, что количество зарегистрированных преступлений с 2018 г. по 2020 г. увеличилось на 1,6 %, а с 2021 г. по 2023 г. снизилось на 4,8 %. Полностью сведения о количестве зарегистрированных преступлений в России в период с 2018 г. по 2023 г. приведены на рисунке 1.

Полученные сведения свидетельствуют, что в настоящее время активного прироста преступности не наблюдается, что объясняется многими причинами, например, сложной внешнеполитической обстановкой, которая требует от общества единства и сплоченности, проведением частичной мобилизации в рамках специальной военной операции, в ходе которой часть мужского населения России была направлена к местам ее проведения, естественной убылью населения, особенно в период распространения коронавирусной инфекции¹ (Теунаев & Черкасова, 2021, с. 2). Нельзя забывать и о латентной преступности, т. е. о невыявленных и незарегистрированных преступных деяниях (Шалюгина, 2010, с. 329–330). Практика подтверждает, что эти факты имеют место, однако исключительно латентностью объяснить сокращение преступности нельзя.

Для объяснения указанного сокращения преступности необходимо обратиться к мировым тенденциям. Однако количественные и качественные характеристики преступности как социально-правового явления в разных странах могут существенно отличаться. Это зависит от многих причин и условий. Например, высокий удельный вес в структуре населения людей, не имеющих работы, а также бедных людей в конкретном государстве, как правило,

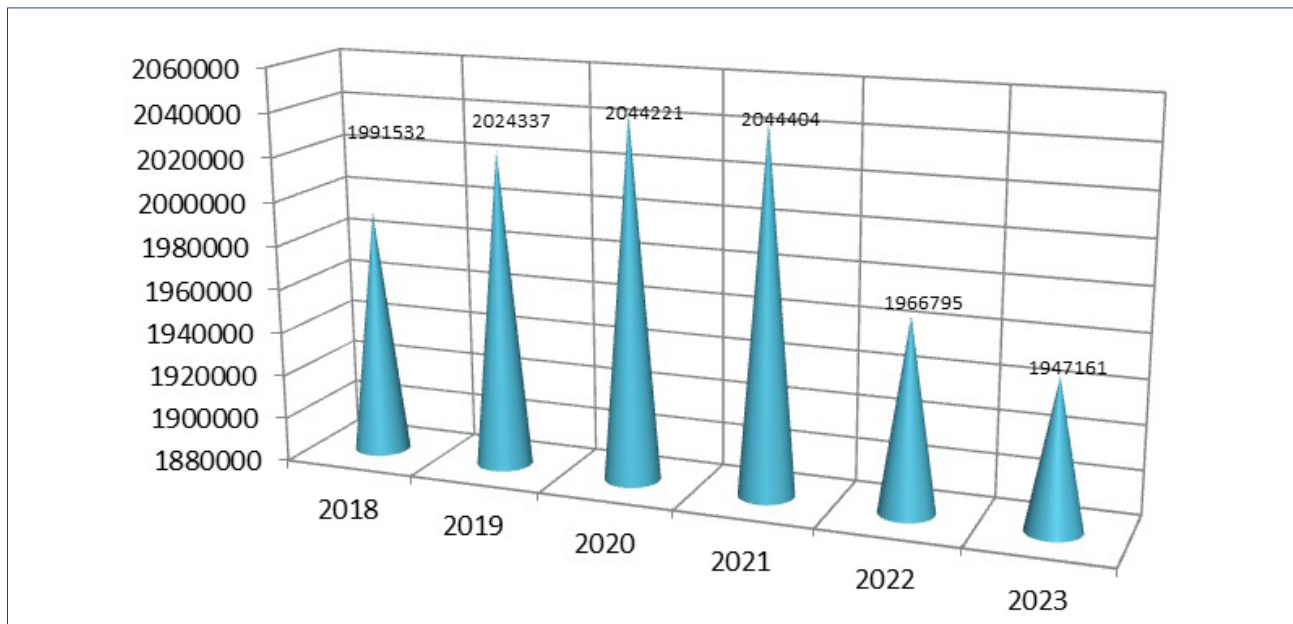

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений в России в период с 2018 г. по 2023 г.

Fig. 1. Number of registered crimes in Russia between 2018 and 2023.

¹ Капинус, О. С. (ред.). (2025). *Криминология: учебник для вузов* (2-е изд., перераб. и доп.). Юрайт. <https://urait.ru/bcode/565567>

повышает уровень преступных посягательств в нем. Неукоснительное соблюдение законодательства в государстве, вынесение судами приговоров с суровым наказанием, ужесточение уголовно-правовой политики в целом в определенный временной промежуток способствуют снижению уровня преступных посягательств² и стабилизации преступности на определенном, «терпимом» для данного государства уровне. Причем уровень «терпимости» и «нормальности» преступности каждое государство определяет само, криминализируя те или иные деяния. При этом суровые приговоры, как показывает исторический опыт, не являются абсолютным «лекарством от преступности». Если неблагоприятные социально-экономические условия, продуцирующие преступность, не устранены, то при ослаблении государственного контроля и жесткой уголовной политики преступность вновь начинает расти, поскольку борьба осуществлялась не с первопричинами преступности, а скорее с ее последствиями. Очевидно отставание социального контроля за данным явлением.

Исследования выявляют наличие существенной корреляции между возрастом и совершением преступных посягательств: большинство криминальных деяний совершается людьми в возрасте 20–30 лет³. Особенно это касается насильственных посягательств, но этот фактор напрямую не коррелирует с уровнем преступности. Это вовсе не означает, что если в вашем государстве преобладает молодежь, то будет обеспечен высокий уровень преступности⁴. Если молодежь будет вовлечена в общественную жизнь, обеспечена работой и т. п., вероятность пополнения ею рядов преступников невелика.

Как отмечает Я. И. Гишинский, с конца 1990-х–начала 2000-х гг. происходит сокращение количества и уровня преступных посягательств во всем мире, что прослеживается в динамике уровня убийств (Гишинский, 2021, с. 49–50). О той же тенденции свидетельствуют и зарубежные источники⁵. Большую часть зарегистрированной преступности составляет так называемая уличная преступность, хотя основные ее субъекты – подростки и молодежь – во всем мире ушли в интернет (Гишинский, 2021, с. 50). Очевидно, что названные процессы сказались на увеличении латентности данного вида преступности и в какой-то мере на ее интеллектуализации.

Существенных изменений в структуре российской преступности в последние годы не произошло (Ивушкина, 2022, с. 125), за исключением значительного возрастания удельного веса мошенничеств в структуре регистрируемых в стране посягательств. Мошенничества переместились на второе место после краж по распространенности, грабежи и разбой уступили им соответствующую позицию. Тем не менее большая часть зарегистрированных в стране преступных посягательств приходится на хищения чужого имущества. В структуре преступности на официальном сайте МВД России выделяются следующие распространенные общественно опасные посягательства: 1) хулиганство (0,1 %); 2) присвоение или растрата (0,6 %); 3) нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (0,9 %); 4) взяточничество (1 %); 5) убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование (1,4 %); 6) грабеж, разбой (1,7 %); 7) управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (3,1 %); 8) мошенничество (17,4 %); 9) кража (35,5 %); 10) на иные преступления приходится 38,3 %⁶.

² World Population Review. (2025, March 19). *Crime rate by country*. <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/crime-rate-by-country>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Министерство внутренних дел Российской Федерации. *Статистические данные МВД России*. Официальный сайт МВД России. Получено 19 февраля 2025 г., из <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/>

Из приведенных данных видно, что в основную массу наиболее часто совершаемых противоправных деяний входят такие преступления против личности, как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и изнасилование.

Общее число всех преступных посягательств на личность в анализируемый период продемонстрировало тенденцию к снижению, достигнув к 2023 г. 227 315 преступных деяний, снизившись с 2018 г. на 19,8 %. Сведения о количестве зарегистрированных преступлений против личности в России с 2018 г. по 2023 г. приведены на рисунке 2.

За период с 2018 г. по 2023 г. в среднем удельный вес преступлений против личности от общего количества зарегистрированных преступлений составил 12,7 % (рис. 3).

Данные показатели вполне вписываются в общую тенденцию по снижению регистрации преступных деяний. Однако если за последние шесть лет мы зафиксировали незначительные колебания в общей тенденции по снижению преступности, то преступления против личности никакой колебательной тенденции не демонстрируют. Они ежегодно снижались на протяжении шести лет, не отклоняясь от позитивной траектории. О. В. Ивушкина связывает такие показатели с позитивным воздействием субъектов профилактики, особенно правоохранительных органов (Ивушкина, 2022, с. 125). Как отметили представители МВД России, «предупредить преступное посягательство – лучше, чем применять карательные механизмы. И как раз состояние преступности, зафиксированное в 2022 году, говорит о снижении криминальных деяний на улицах, в том числе с участием несовершеннолетних лиц и т. д. Это является итогом масштабной проделанной профилактической работы»⁷. Действительно, во многом благодаря профилактической работе правоохранительных органов наблюдается оздоровление общества, вносится неоценимый вклад в будущее страны.

В. Г. Татарников и Ю. П. Никитин связывают картину в сфере преступных посягательств против личности не с деятельностью правоохранительных органов, а с декриминализацией

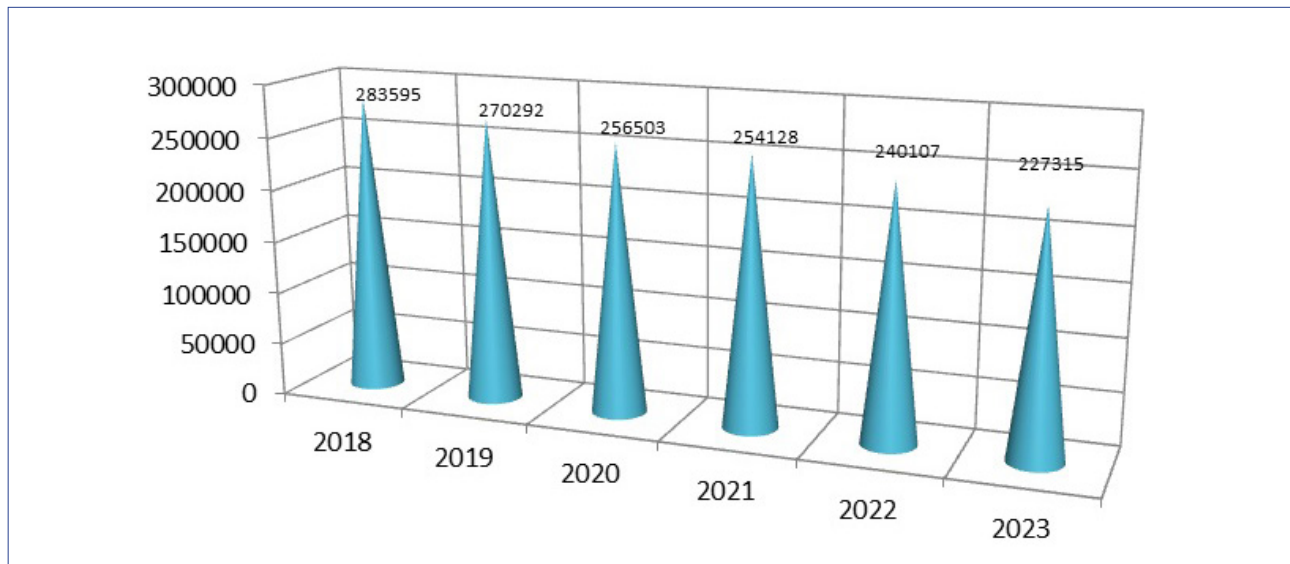

Рис. 2. Количество зарегистрированных преступлений против личности в России в период с 2018 г. по 2023 г.

Fig. 2. Number of registered crimes against the person in Russia between 2018 and 2023

⁷ Главный информационно-аналитический центр МВД России. (2022). *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года*. Официальный сайт МВД России. Получено 19 марта 2025 г., из <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>

некоторых составов преступлений и латентным характером отдельных видов исследуемых деяний (Татарников & Никитин, 2020, с. 29). И в этом тоже имеется доля истины. Наконец, еще одним фактором, о котором нельзя забывать, является виртуализация преступности, в том числе насильственной, что также сказывается на возрастающей латентности преступлений против личности.

Обратимся к анализу структуры и динамики преступлений против личности, опираясь на данные, представленные на рисунке 4.

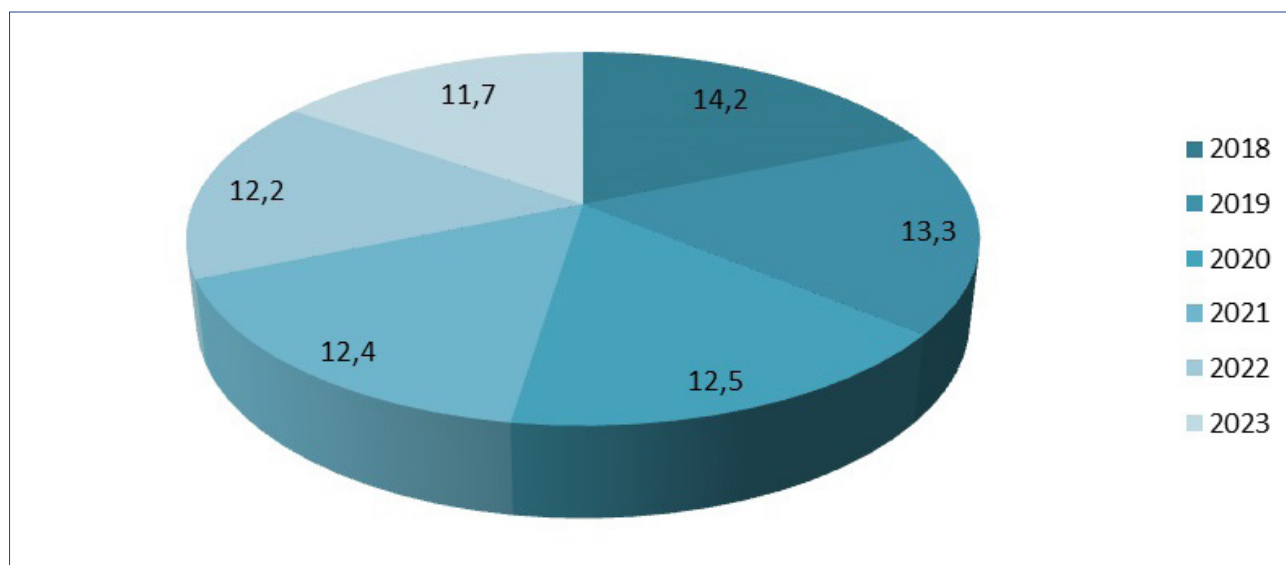

Рис. 3. Удельный вес преступлений против личности в России в общем объеме зарегистрированных преступлений в период с 2018 г. по 2023 г. (в %)

Fig. 3. Proportion of crimes against the person in Russia in the total number of registered crimes between 2018 and 2023 (in %)

	Период					
	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего зарегистрированных преступлений против личности	283595	270292	256503	254128	240107	227315
Преступления против жизни и здоровья						
Всего	191038	179639	172655	161845	150285	143803
Удельный вес в %	67,3	66,5	67,3	63,7	62,7	63,3
Темп прироста в %	-	- 5,9	- 9,6	- 15,2	- 21,1	- 24,7
Преступления против свободы, чести и достоинства личности						
Всего	1913	1802	1920	1936	1886	1547
Удельный вес в %	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,7
Темп прироста в %	-	- 5,8	0,3	1,2	- 1,4	- 19,1
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности						
Всего	17248	17617	18715	19677	19256	19276
Удельный вес в %	6,1	6,5	7,3	7,7	8,0	8,5
Темп прироста в %	-	2,1	8,5	14,1	11,6	11,8
Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина						
Всего	17411	15869	15710	11856	9387	8053
Удельный вес в %	6,1	5,9	6,1	4,7	3,9	3,5
Темп прироста в %	-	- 8,8	- 9,7	- 31,9	- 46,1	- 53,7
Преступления против семьи и несовершеннолетних						
Всего	55985	55365	47503	58814	59093	54636
Удельный вес в %	19,7	20,4	18,5	23,1	24,6	24,0
Темп прироста в %	-	- 1,1	- 15,2	5,1	5,5	- 2,4

Рис. 4. Структура и динамика преступлений против личности в России в период с 2018 г. по 2023 г.

Fig. 4. Structure and dynamics of crimes against the person in Russia between 2018 and 2023

Структура преступности устанавливается в виде соотношения преступлений, классифицируемых по разным основаниям (Афанасьева, 2023, с. 228). При проведении анализа мы использовали уголовно-правовую классификацию в целях формирования целостной криминологической картины, признавая, что при проведении профилактической работы необходимо разделить ее по направлениям с учетом криминологических особенностей анализируемых посягательств на личность. При этом мы не ограничились анализом только общественно опасных деяний против жизни и здоровья, как это предлагают некоторые ученые⁸, полагая, что такой анализ был бы неполным.

Преступления против жизни и здоровья занимают лидирующую позицию среди иных регистрируемых противоправных посягательств в сфере охраны личности, их средний удельный вес составляет 65,1 %. Эти деяния имеют стойкую тенденцию к снижению на фоне общего уменьшения регистрируемых преступлений, что, безусловно, является позитивным фактором. Так, снижение в сравнении с показателем 2018 г. составило 24,7 %, что также показывает результаты плодотворной профилактической работы.

Отметим, что Россия не одинока в этом тренде. Так, в полугодовом отчете Совета по уголовному правосудию о тенденциях в сфере преступности установлено, что количество убийств в 30 крупных городах Америки в первой половине 2023 г. снизилось на 9,4 % по сравнению с первой половиной 2022 г.⁹

Тем не менее глобальная оценка преднамеренных убийств в 2021 г. составляла приблизительно 458 000 жертв, что означает гибель в мире в среднем 52 человек в час. Утверждается, что абсолютное число убийств колеблется приблизительно между 400 000 и 450 000 жертвами в год. Убийства становятся причиной смертей гораздо чаще, чем вооруженные конфликты и террористические акты. При этом в 2021 г. в целом в мире было зафиксировано увеличение количества убийств¹⁰.

В противовес общемировым тенденциям, уголовная статистика в Германии показывает рост насильственной преступности. Долгосрочные данные за период с 1963 г. по 2003 г. выявляют следующие тенденции: на фоне колебаний имущественных преступлений число насильственных преступлений неуклонно растет, причем в основном за счет молодежи и приезжих (Yastrebov et al., 2024; Nägel & Kronenberg, 2023). Недавние исследования показывают, что повышение осведомленности общества способствует увеличению числа сообщений о преступлениях, хотя абсолютные цифры подтверждают рост, особенно среди молодежи, не являющейся гражданами Германии, начиная с 2022 г. После скачка на 19,8 % в 2022 г. в 2023 г. число таких преступлений вновь возросло на 8,6 %, составив 214 099 случаев. Таким образом, за два года их общее количество достигло 5,9 млн. По данным Федерального управления уголовной полиции Германии (ВКА), ключевыми факторами, стимулирующими этот рост, являются высокий уровень инфляции и иммиграции¹¹, социально-экономические последствия пандемии COVID-19, что подтверждают и исследования последних лет (Palmowski, 2022).

Далее исследуем структуру и динамику преступлений против жизни и здоровья, основываясь на данных, представленных на рисунке 5.

⁸ Афанасьева, О. Р., Гончарова, М. В., & Шиян, В. И. (2026). *Криминология: учебник и практикум для вузов* (2-е изд., перераб. и доп.). Юрайт. <https://urait.ru/bcode/585721>

⁹ Council on Criminal Justice. (2023, December 18). *Trends in homicide: What you need to know*. <https://counciloncj.org/homicide-trends-report/>

¹⁰ United Nations Office on Drugs and Crime. (2023). *Global study on homicide: 2021 and 2022: A spike and differing regional developments*. <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/global-study-on-homicide.html>

¹¹ Bundeskriminalamt. (2025). *Anzahl der polizeilich erfassten Gewalttaten in Deutschland von 1987 bis 2024* [Датенсатз]. Statista. <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/153880/umfrage/faelle-von-gewaltkriminalitaet/>

В России убийства (ст. 105 УК РФ), наиболее тяжкие преступные посяательства против жизни, в рамках анализируемого периода демонстрировали устойчивую тенденцию к снижению. На данную тенденцию не повлияли ни пандемия коронавируса, ни высокая инфляция, ни какие-либо другие объективные факторы. Это вызывает обоснованные сомнения в ее сто-процентной достоверности. Однако даже выявленная стойкая тенденция к снижению с учетом обуславливающих ее причин не снимает с повестки дня вопрос о необходимости защиты личности, ее прав и свобод¹².

Кроме того, некоторые посяательства против здоровья в анализируемый период в нашем государстве противоречили общему тренду на снижение. Нами зафиксирован масштабный рост нанесения побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 116¹ УК РФ), увеличение к показателю 2018 г. составило 391,01%: в 2018 г. было зарегистрировано 2 696 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 13 241 преступление.

Из числа криминальных посятельств на жизнь и здоровье лидирующую позицию занимали преступные деяния, предусмотренные: ст. 119 УК РФ, средний удельный вес среди преступлений против жизни и здоровья – 32,3 %; ст. 115 УК РФ – 23,3 %; ст. 112 УК РФ – 16,3 %; ст. 111 УК РФ – 11,7 %; ст. 105 УК РФ – 4,7 %.

Проведенное исследование показывает, что среди всех преступлений против жизни и здоровья имеются и так называемые «мертвоорожденные нормы», которые фактически не применялись и не применяются, соответствующие деяния не регистрировались. В частности, к ним относятся преступления, предусмотренные ст. ст. 120, 124¹ УК РФ. Маловостребованными деяниями с единичными фактами регистрации являются организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110² УК РФ), заражение венерической болезнью (ст. 121 УК РФ), незаконное проведение искусственного прерывания беременности (123 УК РФ).

Статья УК РФ	Период																	
	2018			2019			2020			2021			2022			2023		
	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %
105	8469	4,4	-	7879	4,4	-6,9	7609	4,4	-10,1	7258	4,5	-14,2	7567	5,0	-14,1	7424	5,2	-12,3
110.2	9	0,004	-	1	0,0005	1,1	8	0,004	-11,0	4	0,002	-55,0	2	0,001	-77,7	2	0,001	-77,7
111	23224	12,1	-	21465	12,0	-7,6	20019	11,6	-13,8	17894	11,0	-23,0	17388	11,6	-25,1	16685	11,6	-28,1
112	30776	16,1	-	29830	16,0	-3,1	28185	16,3	-8,4	25455	15,7	-17,2	25198	16,8	-18,1	23823	16,6	-22,6
115	44013	23,0	-	42499	23,0	-3,4	41357	23,9	-6,1	38096	23,5	-13,4	35607	23,0	-19,1	32409	22,5	-26,3
116.1	2696	1,4	-	3750	2,1	39,1	4272	2,5	58,4	5179	3,2	92,1	7295	4,8	170,0	13241	9,2	391,1
119	62468	32,7	-	56563	31,5	-9,5	55223	40,0	-16,4	53275	32,9	-14,7	45070	29,9	-27,9	38066	26,8	-38,1
120	0	0	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
121	2	0,001	-	6	0,003	200,0	8	0,004	300,0	3	0,001	50,0	1	0,0006	-50,0	60,0	200,0	0
123	3	0,001	-	4	0,001	33,3	4	0,001	33,3	1	0,001	-66,6	0	0	-100,0	0	0	-
124	-	-	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Рис. 5. Структура и динамика преступлений против жизни и здоровья в России в период с 2018 г. по 2023 г.

Fig. 5. Structure and dynamics of crimes against life and health in Russia in the period from 2018 to 2023

¹² Беляева, Л. И., Горошко, И. В., Мартыненко, Н. Э., ... [и др.] (2020). *Уголовная политика Российской Федерации: Учебник* (Ч. 2). Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Вторую строчку после преступных посягательств против жизни и здоровья занимают преступления против семьи и несовершеннолетних со средним удельным весом в рамках анализируемого периода 21,8 %. Далее исследуем структуру и динамику преступлений против семьи и несовершеннолетних, основываясь на данных, представленных на рисунке 6.

Как видно, эти данные изменялись в рамках периода, демонстрируя разнонаправленные тенденции. Тем не менее темп снижения исследуемых преступлений к показателю 2018 г. в 2023 г. составил –2,4 %: в 2018 г. зарегистрировано 55 985 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 54 636 преступлений. При этом в рамках периода в 2022 г. количество данных преступлений достигло пика и составило 59 093.

В частности, отметим снижение регистрации в рамках анализируемого периода: ст. 157 УК РФ, уменьшение к показателю 2018 г. на –0,3 %: в 2018 г. было зарегистрировано 52 044 преступления указанной категории, в 2023 г. – 51 877; ст. 151 УК РФ, уменьшение к показателю 2018 г. составило –10,9 %: в 2018 г. было зарегистрировано 227 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 245.

Фактически не регистрировались в рамках периода случаи подмены ребенка (ст. 153 УК РФ) – всего два случая за весь период; вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ), также регистрировалось относительно редко (в среднем три случая ежегодно).

Среди преступных посягательств, направленных против семьи и несовершеннолетних, доминирующую позицию занимали преступные деяния, предусмотренные: ст. 157 УК РФ: средний удельный вес среди преступлений против семьи и несовершеннолетних – 93,9 %; ст. 156 УК РФ – 2,4 %; ст. 150 УК РФ – 2,1 %; ст. 151¹ УК РФ – 1,4 %.

Третью позицию в структуре анализируемых посягательств занимали преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности со средним удельным весом 7,3 % в рамках периода, что следует признать значительной величиной. Кроме того, нужно отметить, что в нашей стране наблюдается устойчивая тенденция возрастания названных преступлений, в отличие, например, от посягательств на жизнь и здоровье. При этом мы далеки от абсолютных показателей по данным преступлениям других стран мира. Так, в среднем, в США ежегодно жертвами изнасилований и сексуальных нападений становятся 463 634 человека

Статья УК РФ	Период																	
	2018			2019			2020			2021			2022			2023		
	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %
150	1387	2,5	-	1310	2,4	5,6	1245	2,6	-	1169	2,0	-	1010	1,7	-	873	1,6	-
									10,2									
151	275	0,5	-	305	0,6	10,9	309	0,7	12,4	298	0,5	8,4	227	0,4	-	245	0,4	-
151.1	697	1,2	-	733	1,3	5,2	733	1,5	5,2	794	1,4	13,9	693	1,7	-0,6	614	1,1	-
151.2	1	0,002	-	3	0,005	200	3	0,005	200	5	0,008	400	3	0,005	200	3	0,005	200
153	0	0	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,002	100	0	0	0
156	1579	2,8	-	1491	2,7	-5,6	1288	2,7	-	1342	2,3	-	1102	1,9	-30	1018	1,9	-
									18,4									
157	52044	93,0	-	51516	93,1	-1,0	43916	92,4	-	55202	93,9	6,1	56055	94,9	7,7	51877	95,0	-0,3
									15,6									

Рис. 6. Структура и динамика преступлений против семьи и несовершеннолетних в России в период с 2018 г. по 2023 г.

Fig. 6. Structure and dynamics of crimes against families and minors in Russia from 2018 to 2023

(в возрасте 12 лет и старше) (Banvard-Fox et al. 2020, p. 332). По оценкам возраст от 12 до 34 лет – это самый рискованный возраст для того, чтобы стать жертвой изнасилования и сексуального насилия¹³. В 2023 г. в ФРГ полицией было зафиксировано 14,4 случая изнасилования, сексуального принуждения и особо тяжкого сексуального насилия на 100 000 жителей Германии. Это означает, что так называемый показатель частоты этих преступлений увеличивался пять лет подряд и достиг нового максимума¹⁴. В предыдущие пять лет доля подозреваемых без немецкого паспорта колебалась от 45 до 69 %. Количество зарегистрированных групповых изнасилований в Баварии в этот период оставалось относительно стабильным. В 2023 г. по всей Германии было зарегистрировано 761 групповое изнасилование. Доля подозреваемых, не являющихся гражданами Германии, здесь также была высокой – почти 50 %.

В 2022 г. в Швеции (стране с одним из самых высоких в Европе показателей изнасилований на душу населения) зарегистрировано около 86,4 жертвы изнасилования на 100 000 жителей (Khoshnood et al., 2025). Около 162,3 женщин и около 11,5 мужчин на сто тысяч жителей сообщили об изнасиловании. Во всех без исключения странах ЕС женщины сообщали об изнасиловании значительно чаще, чем мужчины. В Швейцарии около 9,6 из 100 000 жителей сообщили об изнасиловании в 2022 г. Однако цифры не могут доказать, что изнасилования на самом деле происходят почти в десять раз чаще в Швеции, чем в Швейцарии, поскольку они отражают лишь фон криминальной статистики¹⁵. Латентность данных посягательств одинакова для всех стран мира. В то время как статистика преступности отражает только «светлое поле» (т. е. зарегистрированные преступления), исследователи «темного поля» пытаются определить фактическое общее количество подобных деяний. Как показывают исследования, пострадавшие редко сообщают о сексуальных преступлениях, они «не выходят на свет» – «светлое поле» мало, а «темное поле» велико. Вопреки распространенному мнению, изнасилование редко совершается посторонними людьми. В большинстве задокументированных случаев преступник и жертва знали друг друга, состояли в браке, были партнерами, родственниками или имели разные отношения (Soares et al., 2023; Bracewell et al., 2022).

Анализ данных, приведенных на рисунке 7, показывает, что увеличение к показателю 2018 г. в нашей стране по анализируемым посягательствам составило 11,8 %: в 2018 г. зарегистрировано 17 248 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 19276 преступлений. И это при общепризнанной латентности данных деяний. Соответственно, мы не можем говорить здесь о существенных успехах в сфере профилактики, данные посягательства должны находиться в сфере повышенного внимания со стороны правоохранительных органов.

В рамках рассматриваемого периода значительно возросла регистрация следующих посягательств, предусмотренных: ст. 132 УК РФ, увеличение к показателю 2018 г. составило 19,8 %: в 2018 г. зарегистрировано 6914 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 8285 преступлений; ст. 133 УК РФ, увеличение к показателю 2018 г. составило 20,4 %: в 2018 г. зарегистрировано 176 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 212; ст. 135 УК РФ, увеличение к показателю 2018 г. составило 69,4 %: в 2018 г. зарегистрировано 1810 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 3067.

¹³ RAINN. (2025). *Victims of sexual violence: Statistics*. <https://rainn.org/statistics/victims-sexual-violence>

¹⁴ Bundeskriminalamt. (2025). *Anzahl der polizeilich erfassten Vergewaltigungen, sexuellen Nötigungen und besonders schweren sexuellen Übergriffe pro 100.000 Einwohner in Deutschland von 2014 bis 2024* [Datensatz]. Statista. <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1587/umfrage/vergewaltigung-und-sexuelle-noetigung/>.

¹⁵ Eurostat. (2025). *Europäische Union: Opfer von Vergewaltigungen in den EU-Mitgliedstaaten im Jahr 2023, aufgeschlüsselt nach Geschlecht* [Datensatz]. Statista. <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1099780/umfrage/opfer-von-vergewaltigungen-in-der-eu/>

Дворжицкая М. А., Писаревская Е. А., Рахманова Е. Н. / Dvorzhitskaya M. A., Pisarevskaya E. A., Rakhmanova E. N.

В числе общественно опасных деяний, направленных против половой неприкосновенности и половой свободы личности, доминируют преступные посягательства, предусмотренные: ст. 132 УК РФ: средний удельный вес – 41,0 %; ст. 134 УК РФ – 26,8 %; ст. 131 УК РФ – 17,8 %; ст. 135 УК РФ – 13,0%; ст. 133 УК РФ – 1,2 %.

Следующую позицию в рассматриваемый период в структуре анализируемых посягательств занимали посягательства против конституционных прав и свобод человека и гражданина, структура и динамика которых проанализирована на рисунке 8.

Средний показатель удельного веса данных деяний был равен 5,0 %. При этом в рамках периода фиксировалось их значительное сокращение, снижение к показателю 2018 г. составило почти в –53,7 %: в 2018 г. зарегистрировано 17 411 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 8 053 преступлений.

Статья УК РФ	Период																	
	2018			2019			2020			2021			2022			2023		
	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %
131	3374	19,5	-	3177	18,0	-5,8	3535	18,8	4,8	3457	17,5	-2,5	3311	17,1	-1,7	3096	16,1	-8,2
132	6914	40,0	-	7129	40,4	3,1	7433	39,7	14,7	8254	41,9	19,4	7929	41,1	14,7	8285	43,0	19,8
133	176	1,0	-	279	1,6	58,5	236	1,3	34,1	200	1,0	13,6	222	1,2	26,1	212	1,1	20,4
134	4974	28,8	-	4996	28,3	0,5	5319	28,4	6,9	5174	26,2	4,0	4836	25,1	-2,8	4616	23,9	-7,2
135	1810	10,4	-	2036	11,6	12,5	2192	11,7	21,1	2592	13,2	43,2	2958	15,3	63,4	3067	16,0	69,4

Рис. 7. Структура и динамика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в России в период с 2018 г. по 2023 г.

Fig. 7. Structure and dynamics of crimes against sexual integrity and sexual freedom of individuals in Russia from 2018 to 2023

Статья УК РФ	Период																	
	2018			2019			2020			2021			2022			2023		
	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %	Всего	Удельный вес в %	Темп прироста в %
136	1	0,005	-	2	0,01	100,0	0	0	-	0	0	-100,0	0	0	-100,0	1	0,01	0
137	518	3,0	-	633	4,0	22,2	754	4,8	45,5	918	7,7	77,2	981	10,4	89,4	1031	12,8	99,0
138	174	1,0	-	221	1,4	27,0	377	2,4	110,0	514	4,3	195,4	399	4,2	129,3	358	4,4	105,0
139	12973	74,5	-	11844	74,6	-8,7	11479	73,1	-11,5	7405	62,4	-42,9	5511	58,8	-57,5	4393	54,6	-66,1
140	0	0	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
141	6	0,03	-	8	0,05	33,3	5	0,03	-16,6	1	0,008	-83,3	1	0,01	-83,3	0	0	-100,0
141.1	0	0	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
143	588	3,3	-	599	3,8	1,9	591	3,7	0,5	654	5,5	11,2	621	6,6	5,6	690	8,6	17,3
144	1	0,005	-	8	0,05	700,0	7	0,04	600,0	15	0,1	1400,0	13	0,1	1200,0	19	0,2	1800,0
145	2	0,01	-	4	0,02	100,0	4	0,02	100,0	3	0,02	50,0	2	0,02	0	0	0	-100,0
145.1	2136	12,3	-	1846	11,6	-13,5	1819	11,6	-14,8	1807	15,2	-15,4	1412	15,0	-33,8	1179	14,6	-44,8
146	672	3,8	-	522	3,3	-22,3	423	2,7	37,0	317	2,7	-52,8	226	2,4	-66,3	145	1,8	-78,4
147	3	0,01	-	6	0,03	100,0	6	0,04	100,0	7	0,06	133,0	5	0,05	66,6	5	0,06	66,6
148	7	0,04	-	12	0,07	71,4	17	0,1	142,8	30	0,3	328,0	38	0,4	442,8	47	0,6	571,4
149	0	0	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,01	100,0	0	0	0

Рис. 8. Структура и динамика преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина в России в период с 2018 г. по 2023 г.

Fig. 8. Structure and dynamics of crimes against constitutional rights and freedoms of individuals and citizens in Russia from 2018 to 2023

Но и здесь из «общего правила» нами были выявлены исключения, к которым можно отнести рост количества противоправных деяний, предусмотренных: ст. 137 УК РФ, увеличение к показателю 2018 г. составило 99,0 %: в 2018 г. зарегистрировано 518 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 1 031; ст. 138 УК РФ, увеличение к показателю 2018 г. составило 105,0 %: в 2018 г. зарегистрировано 174 преступления указанной категории, в 2023 г. – 358; ст.143 УК РФ, увеличение к показателю 2018 г. составило 17,3 %: в 2018 г. зарегистрировано 588 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 690; ст. 144 УК РФ, увеличение к показателю 2018 г. составило 1800,0 %: в 2018 г. зарегистрировано 1 преступление указанной категории, в 2023 г. – 19; ст. 147 УК РФ, увеличение к показателю 2018 г. составило 66,6 %: в 2018 г. зарегистрировано 3 преступления указанной категории, в 2023 г. – 5; ст.148 УК РФ, увеличение к показателю 2018 г. составило 571,4 %: в 2018 г. зарегистрировано 7 преступления указанной категории, в 2023 г. – 47.

В числе общественно опасных деяний, направленных против прав и свобод человека и гражданина, доминировали деяния, предусмотренные: ст. 139 УК РФ: средний удельный вес – 66,3 %; ст. 145¹ УК РФ – 13,4 %; ст. 137 УК РФ – 7,0 %; ст. 143 УК РФ – 5,3 %; ст. 146 УК РФ – 2,8 %. Фактически не применяемыми на практике из криминальных посягательств исследуемого вида являются значительное число деяний, предусмотренных ст. 136, 140, 141, 141¹, 145, 149 УК РФ.

Последнее место со средним удельным весом 0,8% в структуре анализируемых деяний заняли преступные посягательства против свободы, чести и достоинства личности (рис. 9). В рамках периода также была зафиксирована колебательная тенденция, однако при этом уменьшение к показателю 2018 г. в целом по данному виду посягательств составило –19,1 %: в 2018 г. зарегистрировано 1 913 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 1 547 преступлений.

Тем не менее некоторые преступные посягательства также продемонстрировали отклонение от общего тренда, увеличение регистрации показали преступные деяния, предусмотренные: ст. 126 УК РФ, увеличение к показателю 2018 г. составило 9,3 %: в 2018 г. зарегистрировано 378 преступлений указанной категории, в 2023 г. – 413 преступлений; ст. 127² УК РФ, увеличение к показателю 2018 г. в 2022 г. составило 150,0 % (однако в 2023 г. по отношению к 2018 г. без динамики): в 2018 г. зарегистрировано 2 преступления указанной категории, в 2022 г. – 5 преступлений, в 2023 г. – 2 преступления.

При этом среди указанных посягательств доминирующую позицию в анализируемый период занимали деяния, предусмотренные: ст. 128¹ УК РФ: средний удельный вес среди преступлений свободы, чести и достоинства личности – 54,8 %; ст. 127 УК РФ – 21,5 %; ст. 126 УК РФ – 21,3 %; ст. 127¹ УК РФ – 1,6 %.

Статья УК РФ	Период																	
	2018			2019			2020			2021			2022			2023		
	Всего	Удельный вес В %	Темп прироста В %	Всего	Удельный вес В %	Темп прироста В %	Всего	Удельный вес В %	Темп прироста В %	Всего	Удельный вес В %	Темп прироста В %	Всего	Удельный вес В %	Темп прироста В %	Всего	Удельный вес В %	Темп прироста В %
126	378	19,7	-	351	19,4	-7,1	411	21,4	8,7	382	19,7	1,0	393	20,8	4,0	413	26,7	9,3
127	456	23,8	-	419	23,2	-8,1	408	21,2	-2,6	369	19,0	-19,1	392	20,7	-14,0	325	21,0	-28,7
127.1	32	1,7	-	22	1,2	-31,3	38	1,9	18,7	24	1,2	-25,0	21	1,1	-34,3	37	2,4	15,6
127.2	2	0,1	-	4	0,2	100,0	5	0,3	150,0	8	0,4	300,0	5	0,3	150,0	2	0,1	0
128.1	1043	54,5	-	994	55,1	-4,7	1056	55,0	1,2	1152	59,5	10,5	1073	56,9	2,9	769	48,0	-26,2

Рис. 9. Структура и динамика преступлений против свободы, чести и достоинства в России в период с 2018 г. по 2023 г.

Fig. 9. Structure and dynamics of crimes against freedom, honour and dignity in Russia from 2018 to 2023

Фактически не применялись на практике ст. 127² (несмотря на некоторое увеличение регистрации), ст. 128 УК РФ. В то же время следует отметить применение на практике ст. 127¹ УК РФ (в среднем 29 случаев регистрации в год), что свидетельствует о наличии торговли людьми в нашем государстве. Данные деяния регистрировались, несмотря на их высокую латентность. Такая форма преступного посягательства, к сожалению, существует во многих странах мира. Отмечается, что, например, в Германии жертвы часто вынуждены заниматься проституцией или работать на бойнях, в сельском хозяйстве, в сфере общественного питания или на строительстве. Характерно, что трудовые отношения устанавливаются здесь путем обмана или принуждения, а пострадавшие от них зависят от других и подвергаются эксплуатации. Условия эксплуатации в сфере торговли людьми варьируются от принудительной проституции и принудительного труда до форм крепостного права. По экспертным оценкам, от этих форм современного рабства страдают 600 000 человек в Европе, а во всем мире их насчитывается 21 млн. Предполагается, что прибыль преступников составляет 150 миллиардов долларов в год¹⁶.

Заключение

Приведенные данные свидетельствуют о снижении количества регистрируемых фактов преступлений против личности, что в целом соответствует общемировым тенденциям последних лет. Однако некоторые из рассмотренных преступлений демонстрировали разнонаправленные тенденции, что не позволяет говорить об устойчивом снижении количества преступных посягательств данных видов.

Тем не менее, с одной стороны, можно утверждать, что общая тенденция снижения регистрации преступных посягательств на личность, а также снижения регистрации преступлений против жизни и здоровья свидетельствует о проведении плодотворной профилактической работы правоохранительными органами, стабилизации социально-экономической обстановки в стране, уменьшении конфликтности и т. д. Однако не стоит сбрасывать со счетов возросшую, по мнению многих теоретиков и практиков, латентность данных посягательств, нарастающие в обществе в настоящее время тревожность и напряженность.

С другой стороны, некоторые виды преступных посягательств, направленных на личность, стабильно возрастали в рамках анализируемого периода, что свидетельствует о том, что своевременного и адресного воздействия на детерминанты данного вида преступности в должной мере не производится.

Соответственно, необходимы совершенствование и активизация профилактической и оперативной работы, направленной на недопущение совершения преступных посягательств против половой неприкосновенности и половой свободы, интересов семьи и несовершеннолетних, свободы, чести и достоинства личности. Данное направление работы требует предварительного тщательного анализа причин и условий, способствующих указанной негативной тенденции.

Список литературы

- Антонян, Ю. М., & Эминов, В. Е. (2015). *Личность преступника: Криминологическое исследование*. Норма : Инфра-М.
- Бородин, С. В. (2003). *Преступления против жизни*. Юридический центр Пресс.
- Гишинский, Я. И. (2021). *Криминология постмодерна (неокриминология)*. Алетейя.
- Дьяченко, А. П., & Колоскова, И. Ю. (2019). Насильственные преступления против личности в государствах-участниках Содружества Независимых государств в 2016-2018 гг. (криминологическое исследование). *Уголовное право*, 5, 122–127.

¹⁶ Brot für die Welt. (2025). *Menschenhandel ist moderne Sklaverei*. <https://www.brot-fuer-die-welt.de/themen/menschenhandel/>

- Ивушкина, О. В. (2022). Состояние преступности против личности и ее влияние на формирование уголовной политики. *Право и управление*, 8, 124–128. <https://doi.org/10.24412/2224-9125-2022-8-124-128>
- Костылева, Н. И. (2025). Трансформация преступлений против личности с использованием современных технологий. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*, 1, 108–113. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2025-53-1-108-113>
- Писаревская, Е. А. (2025). Рецидивная преступность в России как одна из угроз национальной безопасности: состояние и основные тенденции. *КриминалистЪ*, (2), 75–79.
- Попов, А. Н. (2001). *Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах*. Юридический центр Пресс.
- Татарников, В. Г., & Никитин, Ю. П. (2020). Система преступлений против личности и проблемы ее совершенствования. *Пролог: журнал о праве*, 3, 24–33. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2020.3.4>
- Теунаев, А. С., & Черкасова, А. М. (2021). COVID-19 и преступность в России. *Полицейская и следственная деятельность*, (1), 1–13. <https://doi.org/10.25136/2409-7810.2021.1.35175>
- Шалюгина, Е. С. (2010). К вопросу о латентной (скрытой) преступности. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, (2), 329–331.
- Яхонтова, Я. С. (2024). Насильственная преступность против личности в современной России: состояние и проблемы криминологической характеристики. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*, 14(2), 131–147. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-131-147>
- Banvard-Fox, C., Linger, M., Paulson, D. J., ... [et al.] (2020). Sexual assault in adolescents. *Primary Care: Clinics in Office Practice*, 47(2), 331–349. <https://doi.org/10.1016/j.pop.2020.02.010>
- Bracewell, K., Jones, C., Haines-Delmont, A., Craig, E., Duxbury, J., & Chantler, K. (2022). Beyond intimate partner relationships: Utilizing domestic homicide reviews to prevent adult family domestic homicide. *Journal of Gender-Based Violence*, 6(3), 535–550. <https://doi.org/10.1332/239868021X16316184865237>
- Khoshnood, A. M., Sundquist, J., & Sundquist, K. (2025). Immigrant background and rape conviction: A 21-year follow-up study in Sweden. *Journal of Interpersonal Violence*, 41(1-2), 372–390. <https://doi.org/10.1177/08862605241311611>
- Nägel, C., & Kroneberg, C. (2023). Zum Anstieg der Kinder- und Jugenddelinquenz nach Ende der COVID-19-Pandemie. *Kriminologie - Das Online-Journal | Criminology - The Online Journal*, 5(3), 182–207. <https://doi.org/10.18716/ojs/krimoj/2023.3.2>
- Palmowski, N. (2022). Corona-Effekte bei Statistiken zu Strafsachen. *WISTA – Wirtschaft und Statistik*, 74(4), 50–62.
- Parti, K., & Robinson, R. A. (2021). What hinders victims from reporting sexual violence: A qualitative study with police officers, prosecutors, and judges in Hungary. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 10(3), 158–176. <https://doi.org/10.5204/ijcsd.1851>
- Soares, C., Beckett, H., Allnock, D., & Warrington, C. (2023). Children's perspectives on family members' needs and support after child sexual abuse. *Children and Youth Services Review*, 149, Article 106925. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.106925>
- Yastrebov, G., Trinidad, A., & Leopold, T. (2024). Trends in public crime concerns in Germany: A bounding analysis of periodic change. *SocArxiv*. <https://doi.org/10.31235/osf.io/7t8ds>

References

- Antonyan, Yu. M., & Eminov, V. E. (2015). Lichnost' prestupnika: *Kriminologo-psihologicheskoe issledovanie*. Norma : Infra-M.

- Borodin, S. V. (2003). *Prestupleniya protiv zhizni*. Yuridicheskij centr Press.
- Gilinskij, Ya. I. (2021). *Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya)*. Aletejya.
- D'yachenko, A. P., & Koloskova, I. Yu. (2019). Nasil'stvennye prestupleniya protiv lichnosti v gosudarstvah-uchastnikah Sodruzhestva Nezavisimyh gosudarstv v 2016–2018 gg. (kriminologicheskoe issledovanie). *Ugolovnoe pravo*, 5, 122–127.
- Ivushkina, O. V. (2022). Sostoyanie prestupnosti protiv lichnosti i ee vliyanie na formirovanie ugovnoj politiki. *Pravo i upravlenie*, 8, 124–128. <https://doi.org/10.24412/2224-9125-2022-8-124-128>
- Kostyleva, N. I. (2025). Transformaciya prestuplenij protiv lichnosti s ispol'zovaniem sovremennyh tekhnologij. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 108–113. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2025-53-1-108-113>
- Pisarevskaya, E. A. (2025). Recidivnaya prestupnost' v Rossii kak odna iz ugroz nacional'noj bezopasnosti: sostoyanie i osnovnye tendencii. *Kriminalist*, (2), 75–79.
- Popov, A. N. (2001). *Prestupleniya protiv lichnosti pri smyagchayushchih obstoyatel'stvah*. Yuridicheskij centr Press.
- Tatarnikov, V. G., & Nikitin, Yu. P. (2020). Sistema prestuplenij protiv lichnosti i problemy ee sovershenstvovaniya. *Prolog: zhurnal o prave*, 3, 24–33. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2020.3.4>
- Teunaev, A. S., & Cherkasova, A. M. (2021). COVID-19 i prestupnost' v Rossii. *Policejskaya i sledstvennaya deyatel'nost'*, (1), 1–13. <https://doi.org/10.25136/2409-7810.2021.1.35175>
- Shalyugina, E. S. (2010). K voprosu o latentnoj (skrytoj) prestupnosti. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, (2), 329–331.
- Yahontova, Ya. S. (2024). Nasil'stvennaya prestupnost' protiv lichnosti v sovremennoj Rossii: sostoyanie i problemy kriminologicheskoy harakteristiki. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 14(2), 131–147. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-131-147>
- Banvard-Fox, C., Linger, M., Paulson, D. J., ... [et al.] (2020). Sexual assault in adolescents. *Primary Care: Clinics in Office Practice*, 47(2), 331–349. <https://doi.org/10.1016/j.pop.2020.02.010>
- Bracewell, K., Jones, C., Haines-Delmont, A., Craig, E., Duxbury, J., & Chantler, K. (2022). Beyond intimate partner relationships: Utilizing domestic homicide reviews to prevent adult family domestic homicide. *Journal of Gender-Based Violence*, 6(3), 535–550. <https://doi.org/10.1332/239868021X16316184865237>
- Khoshnood, A. M., Sundquist, J., & Sundquist, K. (2025). Immigrant background and rape conviction: A 21-year follow-up study in Sweden. *Journal of Interpersonal Violence*, 41(1-2), 372–390. <https://doi.org/10.1177/08862605241311611>
- Nägel, C., & Kroneberg, C. (2023). Zum Anstieg der Kinder- und Jugenddelinquenz nach Ende der COVID-19-Pandemie. *Kriminologie - Das Online-Journal | Criminology - The Online Journal*, 5(3), 182–207. <https://doi.org/10.18716/ojs/krimoj/2023.3.2>
- Palmowski, N. (2022). Corona-Effekte bei Statistiken zu Strafsachen. *WISTA – Wirtschaft und Statistik*, 74(4), 50–62.
- Parti, K., & Robinson, R. A. (2021). What hinders victims from reporting sexual violence: A qualitative study with police officers, prosecutors, and judges in Hungary. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 10(3), 158–176. <https://doi.org/10.5204/ijcjsd.1851>
- Soares, C., Beckett, H., Allnock, D., & Warrington, C. (2023). Children's perspectives on family members' needs and support after child sexual abuse. *Children and Youth Services Review*, 149, Article 106925. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.106925>
- Yastrebov, G., Trinidad, A., & Leopold, T. (2024). Trends in public crime concerns in Germany: A bounding analysis of periodic change. *SocArxiv*. <https://doi.org/10.31235/osf.io/7t8ds>

Информация об авторах

Марина Андреевна Дворжицкая – старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук.

Елена Анатольевна Писаревская – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент.

Екатерина Николаевна Рахманова – заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент.

About the authors

Marina A. Dvorzhitskaya – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, North-West Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Cand. Sci. (Jurid).

Elena A. Pisarevskaya – Associate Professor at the Department of Criminal Law, North-West Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Cand. Sci. (Jurid), Docent.

Ekaterina N. Rakhmanova – Head of the Department of Criminal Law at the North-West Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Dr. Sci. (Jurid.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 25.12.2025

Одобрена после рецензирования 30.01.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted December 25, 2025

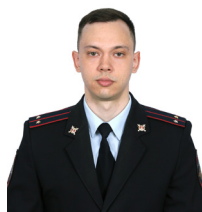
Approved after reviewing January 30, 2026

Accepted April 28, 2026

УДК 343.575

Бесконтактный сбыт наркотических средств с участием мигрантов: криминологический анализ

Вячеслав Владимирович Сенцов

Воронежский институт МВД России
(Воронеж, Россия)
slavasencov@mail.ru

ORCID: 0009-0005-8343-4131

Роман Викторович Колесников

Воронежский институт МВД России
(Воронеж, Россия)
rkolesnikow@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0246-5536

Аннотация

Введение. В статье исследуется актуальная проблема роста преступлений, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств и психотропных веществ с участием мигрантов. Актуальность темы обусловлена стремительной цифровизацией преступной деятельности и высокой общественной опасностью таких деяний¹. Однако в современной криминологии отсутствует целостная систематизированная характеристика личности преступника-мигранта, вовлеченного в бесконтактный сбыт наркотических средств. Причина этого – отсутствие эмпирического и теоретического опыта по внедрению мигрантов в социальную среду и повышенной уязвимостью этого слоя населения к вовлечению в сбыт наркотических средств. Важную роль играет цифровая анонимность, что затрудняет разработку эффективных профилактических мер в отношении лиц, вовлеченных в указанные преступные схемы. **Методы исследования.** В работе применяются комплексный методологический подход, включающий анализ научной литературы, статистических данных МВД России за 2014–2024 гг., а также криминологическое моделирование личности преступника. **Результаты.** Ключевые выводы исследования свидетельствуют о стабильном росте числа наркопреступлений среди мигрантов: за десятилетие их количество увеличилось на 37,6 %, причем наибольшая концентрация наблюдается в Москве и Московской области. Установлено, что типичный наркопреступник-мигрант – это мужчина 22–45 лет, выходец из стран СНГ, с низким уровнем владения русским языком, ограниченным образованием и без официального трудоустройства; в ряде случаев он сам является потребителем наркотиков. Ключевыми мотивами выступают социально-экономическая уязвимость и стремление к быстрому заработку, усиленные анонимностью цифровой среды. Анализ исследования позволил заключить, что недостаточно разработана криминологическая характеристика данной категории злоумышленников, что обусловило необходимость совершенствования профилактических мер, включая международное взаимодействие и целенаправленную социальную интеграцию мигрантов в принимающее общество.

¹ Антонян, Ю. М. (2025). *Криминология: учебник для вузов* (3-е изд., перераб. и доп.). Юрайт.

© Сенцов В. В., Колесников Р. В., 2026

Ключевые слова

бесконтактный сбыт, наркотические средства, психотропные вещества, миграционная наркопреступность, личность преступника

Для цитирования: Сенцов, В. В., Колесников, Р. В. (2026). Бесконтактный сбыт наркотических средств с участием мигрантов: криминологический анализ. *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 138–150.

Original paper

Contactless drug dealing involving migrants: a criminological analysis

Vyacheslav V. Sentsov

Voronezh Institute of the MIA of Russia
(Voronezh, Russia)
slavasencov@mail.ru

ORCID: 0009-0005-8343-4131

Roman V. Kolesnikov

Voronezh Institute of the MIA of Russia
(Voronezh, Russia)
rkolesnikow@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0246-5536

Abstract

Introduction. The article provides the analysis of the current challenge of the increase in crimes involving the contactless selling of narcotic drugs and psychotropic substances, with migrants being involved. The relevance of the subject is due to the rapid digitalisation of criminal activity and the high public danger posed by such acts. However, contemporary criminology lacks a comprehensive, systematic profile of the migrant offender's personality involved in the contactless drug dealing. The reason is the shortage of empirical and theoretical experience regarding the integration of migrants into society, coupled with this demographic group's elevated vulnerability to becoming involved in drug dealing. Digital anonymity plays a significant role, making it difficult to develop effective preventive measures targeting individuals involved in such criminal schemes. **Research methods.** The study is based on a comprehensive methodological approach, involving analytical reviewing of scientific literature, statistical data from the Ministry of Internal Affairs of Russia for the period 2014–2024, as well as criminological modelling of the offender's personality. **Results.** The key findings of the study indicate a steady rise in the number of drug-related crimes among migrants: over the past decade, the number has increased by 37.6%, with the highest concentration recorded in Moscow and the Moscow Region. It has been established that a typical migrant drug offender is a man aged 22-45, originally from a country of the Commonwealth of Independent States (CIS), with a low level of proficiency in Russian, limited education and no formal employment; in a number of cases, such individuals themselves are drug users. The key motives are socio-economic vulnerability and the desire for easy money, reinforced by the anonymity of the digital environment. The analysis of the research led to the conclusion that the criminological profile of this category of offenders has not been sufficiently developed. Thus, there is a pressing need to improve preventive measures, including international cooperation and the targeted social integration of migrants into the host society.

Keywords

contactless drug dealing, narcotic drugs, psychotropic substances, migration-related drug crime, offender profile

For citation: Sentsov, V. V., Kolesnikov, R. V. (2026). Contactless drug dealing involving migrants: a criminological analysis. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 138–150.

Введение

В условиях цифровой трансформации общества наблюдается качественное и количественное изменение структуры наркопреступности: традиционные формы сбыта «из рук в руки» постепенно вытесняются новыми, технологически опосредованными способами, получившими в научной литературе наименование бесконтактного сбыта (Тимофеев, 2018). Данный метод, реализуемый преимущественно через информационно-телекоммуникационные сети, в том числе мессенджеры и специализированные интернет-платформы, обеспечивает высокий уровень анонимности участников преступной деятельности и затрудняет оперативное раскрытие преступлений (Бердникова, 2020). Особую тревогу вызывает активное вовлечение в данный вид преступной деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, что вызвано как социально-экономической уязвимостью мигрантов, так и организационной гибкостью современных информационно-телекоммуникационных сетей.

Эта трансформация преступной практики сопровождается децентрализацией и фрагментацией преступных ролей: функции закладчика, диспетчера, курьера и администратора цифрового канала все чаще распределяются между разными лицами, часто не связанными личным знакомством, что снижает риски компрометации всей сети при задержании одного из участников. При этом технологическая доступность делает участие в бесконтактном сбыте привлекательным даже для лиц без криминального опыта, особенно среди социально маргинализированных групп, к которым относятся многие мигранты. Кроме того, отсутствие прямого контакта между продавцом и покупателем не только минимизирует вероятность идентификации преступников, но и создает иллюзию правовой безопасности у исполнителей низового звена, которые часто воспринимают свою деятельность как временную подработку, не осознавая полной степени уголовной ответственности (Науменко, 2024).

Описание исследования

Преступления, предусмотренные главой 25 УК РФ, носят характер повышенной общественной опасности, так как противоправные деяния направлены против здоровья населения и общественной нравственности (Куцев, 2024). В настоящее время стремительно растет количество преступлений, связанных со сбытом наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая интернет) с участием мигрантов. Такой способ сбыта именуется в научной литературе бесконтактным. Рассмотрим некоторые наиболее интересные позиции ученых-правоведов по определению термина «бесконтактный» в отношении сбыта наркотических средств и психотропных веществ посредством интернета. По мнению А. В. Пупцевой и О. М. Дорошенко, бесконтактный сбыт – это организация сбыта, при котором взаимодействие между соучастниками обеспечивается использованием мобильных приложений, в частности программ обмена сообщениями (Пупцева & Дорошенко, 2022). Следует согласиться с мнением авторов, так как именно использование мобильных приложений в бесконтактном сбыте позволяет обнаружить направленность умысла (по сообщениям между закладчиком и «диспетчером»), а также

установить пространственно-временные рамки нахождения подозреваемого в роли закладчика (Гаврилин, 2020). Подобная фрагментация ответственности и децентрализация управления значительно повышают устойчивость наркоторговли к правоохранным воздействиям. В условиях, когда исполнители нижнего звена часто являются социально уязвимыми лицами, а также мигрантами, оказавшимися в ситуации экономической нестабильности, они легко заменяются и не представляют ценности для организаторов, что облегчает их использование в криминальной экономике.

Кроме того, следует отметить, что цифровая среда не только служит каналом коммуникации, но и становится инструментом вербовки: через таргетированную рекламу в социальных сетях, закрытые чаты и форумы потенциальным участникам предлагается «подработка» с завышенной оплатой и минимальными требованиями, что особенно привлекательно для лиц, испытывающих трудности с легальным трудоустройством. Таким образом, бесконтактный сбыт представляет собой не просто модификацию способа реализации преступления, предусмотренного главой 25 УК РФ, но новую форму криминальной эксплуатации уязвимых групп населения, интегрированную в цифровую инфраструктуру современного общества (Антоян, 2025).

Это обстоятельство требует не только адаптации правовых механизмов раскрытия подобных преступлений, но и разработки комплексных профилактических стратегий, направленных на снижение социальной уязвимости потенциальных исполнителей, включая мигрантов, а также на повышение их правовой осведомленности и доступа к легальным формам занятости.

В отношении актуальности и новизны бесконтактного сбыта наркотических средств через интернет ученые придерживаются различных точек зрения. По мнению А. А. Битова, реклама наркотических средств, возможность получения кратковременного высокого дохода и анонимность пользователей являются основной проблемой в условиях современной реальности (Битов, 2023). Действительно, в позиции автора сформулирована главная причина миграционной наркопреступности в современной реальности – возможность кратковременного высокого дохода: вновь прибывший на территорию Российской Федерации иностранный гражданин практически сразу сталкивается с безработицей, вследствие чего экономическая уязвимость вынуждает его искать средства к существованию (Тертычная и др., 2022). Е. С. Кетенчиева на основе проведенного исследования приходит к выводу, что мигрант, совершивший преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, часто официально не трудоустроен и сам является потребителем наркотических средств и психотропных веществ (Кетенчиева, 2018), что свидетельствует о взаимосвязи между социально-экономической маргинализацией, личной зависимостью и вовлеченностью в незаконный наркотический оборот. Таким образом, отсутствие легальных источников дохода и трудоустройства, отягощенные наркотической зависимостью выступают не столько сопутствующими обстоятельствами, сколько ключевыми детерминантами криминального поведения.

По данным МВД России, за 2022 г. число зарегистрированных наркопреступлений в отношении мигрантов составило 177 741. В 2023 г. было совершено 190 988 таких преступлений. В 2024 г. зарегистрировано 210 643 факта преступной деятельности, что свидетельствует о стабильном темпе роста указанных преступлений. Данные статистических отчетов отражают непосредственную связь между миграционными потоками и ростом наркопреступности, обусловленную как социально-экономической уязвимостью мигрантов, так и тем, что организованные преступные группы активно используют их в качестве исполнителей низового звена. В этих условиях особое значение приобретает криминологический анализ личности

мигранта, вовлеченного в бесконтактный сбыт наркотических средств и психотропных веществ, поскольку именно эта форма преступной деятельности характеризуется высокой скрытностью, дистанционностью и трудностями в установлении личности организаторов¹.

Проанализируем данные статистики за период 2014–2024 гг., чтобы проследить динамику изменения количества зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (таблица).

Таблица 1. Динамика зарегистрированных преступлений в отношении мигрантов, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, за 2014–2024 годы

Table 1. Dynamics of reported migrant-related crimes involving the unlawful trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, 2014-2024

Годы	Всего преступлений	Динамика к 2014 г. в %
2014	138796	+1,5 %
2015	140980	+1,6 %
2016	136163	-1,9%
2017	120701	-1,1%
2018	120293	-1,2%
2019	200306	+9,3%
2020	190197	+1,3%
2021	189905	-1,6%
2022	177741	-1,4%
2023	190988	+2,9%
2024	210643	+3,3%

Данные таблицы подтверждают, что за период с 2014–2024 гг. число зарегистрированных преступлений выросло на 2,7 %².

Одним из основных элементов криминологической характеристики выступает личность преступника (Хараев & Кулик, 2023). Сопоставив точки зрения исследователей, можно вычислить цепочку преступников, занимающихся бесконтактным сбытом наркотических средств: владелец интернет-магазина, оптовый сбытчик, розничный сбытчик, наркокурьер (Романова & Сутурин, 2023). Если рассматривать миграционную наркопреступность, осуществляющую бесконтактный сбыт, то единого определения личности преступника-мигранта,

¹ Норвартян, Ю. С. (2022). *Преступления против здоровья населения* [Учебное пособие]. Издательство Самарского университета. https://expose.gpntbsib.ru/expose/vnp-58050e84/book/%D0%932022-26538180556659?ysc_lid=mkifwv0wgr584408264

² Министерство внутренних дел Российской Федерации. *Официальный сайт МВД России*. Получено 15 апреля 2026 г., из <https://мвд.рф/>

совершившего преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ бесконтактным способом, в криминологии не сформулировано. Однако личности преступника как объекту криминологического исследования присущи социально-демографические и уголовно-правовые признаки, нравственные качества и психологические особенности личности (Чуб, 2023). Рассмотрим детально каждый из них.

Социально-демографические признаки. Данной характеристике в рассматриваемой области присущи следующие элементы: место жительства, пол, возраст, образование (Шуняева, 2017).

Проанализировав статистические показатели ГИАЦ МВД России за 2024 г., можно сделать вывод о численности населения в рассматриваемой категории граждан в указанный период и определить наиболее пораженные преступностью субъекты Российской Федерации.

В рамках настоящего исследования по характеристике «место жительства» рассмотрим следующие федеральные округа: Центральный, Северо-Западный, Северо-Кавказский, Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2024 г. число зарегистрированных преступлений, совершенных мигрантами в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, составило 210 643. Общая численность мигрантов в Российской Федерации – 6,6 млн человек. Число зарегистрированных преступлений максимально в г. Москве (770) и Московской области (443), а количество иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Москвы и Московской области составляет 3 343 490.

В Северо-Западном федеральном округе больше всего преступлений в сфере наркотических средств и психотропных веществ, совершенных мигрантами, зарегистрировано в г. Санкт-Петербурге (16) и Ленинградской области (178), при том что в 2024 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области зарегистрированы 208 000 иностранных граждан и лиц без гражданства, что на 39 % меньше, чем в 2023 г.

В Северо-Кавказском федеральном округе относительно высокими показателями в Республике Северная Осетия – Алания – 36 фактов преступной деятельности при численности мигрантов 2 700 человек (Ванеева, 2024).

Проведенный анализ региональной специфики не только выявляет демографические и социально-экономические предпосылки криминального поведения, но и подчеркивает необходимость дифференцированного подхода к разработке мер противодействия незаконному обороту наркотиков с участием иностранных граждан, учитывающего как масштабы миграционных потоков, так и особенности криминогенной обстановки в конкретных субъектах Российской Федерации.

Пол и возраст. По словам председателя Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина, «составленный специалистами портрет потенциального преступника-мигранта свидетельствует, что чаще всего это выходцы из стран СНГ, преимущественно мужского пола, в возрасте от 22 до 45 лет с низким уровнем владения русским языком»³. А. И. Бастрыкин подчеркивает значимость социально-демографических и лингвистических факторов в формировании криминогенного профиля. Указанный возрастной диапазон охватывает наиболее активную трудоспособную группу, что в сочетании с языковыми барьерами и ограниченным доступом к легальным формам занятости может способствовать маргинализации и росту уязвимости перед криминальными влияниями (Кетенчиева, 2019). Преобладание мужчин в данной категории также согласуется с общими криминологическими закономерностями, согласно которым мужчины статистически чаще совершают преступления, особенно в сферах, связанных

³ Ведомости. (2025, Май 20). *Что сказал Бастрыкин о росте преступности среди мигрантов: Главное из выступления главы СКР на ПМЮФ.* <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/05/20/1111390-cto-skazal-bastrikin-o-roste-prestupnosti>

с незаконным оборотом наркотиков. Данная характеристика отражает не только демографическую специфику, но и глубинные социально-экономические и коммуникативные детерминанты вовлеченности мигрантов в наркопреступность. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к профилактике, включающего не только усиление уголовно-правового воздействия, но и развитие мер социальной адаптации, языковой поддержки и легальной занятости, направленных на снижение структурной уязвимости данной категории лиц (Новичков, 2024).

Образование. Из общего числа мигрантов, привлеченных к уголовной ответственности в РФ за период 2024 г., за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 8,2 % имеют высшее образование, 22 % – среднее профессиональное, 59,7 % – среднее общее, 13 % – общее образование. Преобладание среди указанной категории лиц с низким уровнем образовательной подготовки может коррелировать с ограниченными возможностями трудоустройства, низкой правовой грамотностью и повышенной уязвимостью к вовлечению в преступную деятельность. Низкий уровень образования часто сопряжен с недостаточной социальной адаптацией, особенно в условиях миграции, когда отсутствие квалификации и языковых навыков затрудняет интеграцию в легальный сектор экономики.

Нравственные качества личности преступника-мигранта в контексте бесконтактного сбыта зачастую формируются под влиянием социально-экономического давления, культурной дезориентации и маргинализации. Многие воспринимают участие в незаконном обороте наркотиков не как моральное преступление, а как вынужденную меру для обеспечения собственного существования. При этом уровень осознания общественной опасности совершаемых деяний остаётся низким, что затрудняет применение профилактических и реабилитационных мер (Семенцова & Федорова, 2025).

Психологические особенности личности данной категории преступников включают повышенную внушаемость, склонность к конформизму, а также сниженный уровень саморегуляции и стрессоустойчивости. Эти черты делают мигрантов уязвимыми к манипуляциям со стороны организаторов преступной деятельности, которые активно используют механизмы социального давления, долговых обязательств и даже угроз в отношении близких. Вместе с тем в отдельных случаях выявляются признаки целенаправленной криминальной мотивации, когда участие в бесконтактном сбыте становится осознанным выбором, продиктованным стремлением к быстрому обогащению в условиях ограниченных легальных возможностей (Костюк & Кунц, 2023).

Государство реализует ряд профилактических мер, направленных на ликвидацию данного преступного явления. Таковыми являются:

- 1) принятие Указа Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года»⁴;
- 2) принятие Указа Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738 «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы»;
- 3) проведение органами внутренних РФ ряда мероприятий, именуемых оперативно-профилактическими («Анаконда», «Мак») ⁵.

⁴ Указ Президента РФ № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» (2020, 23 ноября). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501/

⁵ Указ Президента РФ № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» (2025, 15 октября). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516670/

Однако реальная эффективность профилактических мер остается ограниченной из-за разрыва между декларируемыми целями и практической реализацией, а также из-за недостаточного внимания к социально-экономическим и культурным детерминантам криминального поведения среди мигрантов. Для повышения результативности требуется переход от преимущественно карательной модели к комплексной политике, сочетающей правоприменение, социальную поддержку, образовательные инициативы и межведомственное взаимодействие на всех уровнях.

Для повышения эффективности профилактики преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых мигрантами, целесообразно внедрить комплексные социально ориентированные меры, направленные не только на профилактику преступлений, но и на устранение причин и условий. В качестве таковых могут выступать:

- обязательное проведение профилактического инструктажа при получении патента для осуществления трудовой деятельности или вида на жительство, включающего: основы уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков и санкции норм уголовного закона за совершение преступлений в указанной сфере;

- интеграция в общество принимающей страны прибывших иностранных граждан и лиц без гражданства посредством создания языковой службы поддержки при центрах социальной адаптации и миграционных центрах, которые бы предоставляли не только базовые курсы государственного языка, но и сопровождение в освоении социально-культурных норм, правовых основ и повседневной коммуникации. Такие службы могли бы включать модульные программы, адаптированные под возраст, уровень образования и профессиональную специализацию мигрантов, а также использовать цифровые платформы для гибкого доступа к материалам и онлайн-консультациям. Это способствовало бы не только лингвистической, но и функциональной, а в перспективе – эмоциональной и гражданской интеграции, снижая риски маргинализации и укрепляя социальную сплоченность;

- трудоустройство иностранных граждан и лиц без гражданства в легальный сектор экономики, что снизит показатели зарегистрированных преступлений и криминальную активность прибывших граждан: также необходимо введение так называемого «социального патента». Представленное нововведение позволит часть денежных средств, заработанных в рамках патента на осуществление трудовой деятельности, отчислять на медицинское и социальное страхование мигранта;

- осуществление профилактических мер в отношении лидеров этнических групп, проживающих на территории Российской Федерации, так как указанные лица обладают значительным влиянием на членов своей группы, особенно в условиях социальной изоляции и недостатка доверия к государственным институтам;

- введение системы раннего выявления рисков посредством скрининговых анкет при постановке на миграционный учет для выделения лиц, попадающих в группу риска (ранее привлекавшихся за аналогичные преступления, не владеющих языком принимающей страны), и направление указанных лиц в центры поддержки;

- международное сотрудничество в области профилактики указанных преступлений. Заключение двухсторонних соглашений с отправляющими странами по обмену данными в цифровом пространстве по наркозависимым гражданам позволит сформировать адресные меры профилактики (Семенов, 2025).

Таким образом, представленные меры позволят перейти от реактивной модели, когда преступление уже совершено, к проактивной профилактике, основанной на социальной интеграции и снижении уязвимости вовлечения в преступную деятельность.

Заключение

1. За 2014-2024 гг. число наркопреступлений с участием мигрантов выросло на 2,7%, при этом доминирующим стал бесконтактный способ сбыта через интернет и мессенджеры.
2. Основными причинами вовлечения мигрантов в наркоторговлю выступают: отсутствие легального трудоустройства, экономическая уязвимость, языковой барьер, низкий уровень образования и в ряде случаев, личная наркозависимость.
3. Типичный портрет личности преступника: мужчина в возрасте 22–45 лет, выходец из стран СНГ, со слабым знанием русского языка, низкой правовой грамотностью, повышенной внушаемостью и конформностью, что облегчает его вовлечение в преступную деятельность.
4. Наибольшее число преступлений фиксируется в Москве и Московской области, что коррелирует с максимальной плотностью миграционного потока.
5. Многие мигранты не осознают общественной опасности своих действий, воспринимая участие в наркосбыте как вынужденную меру выживания, а не как уголовное преступление.
6. Основными мотивами вовлечения мигрантов в наркопреступность являются социально-экономическая уязвимость, безработица и стремление к быстрому заработку. Анонимность цифрового пространства, широкая реклама в мессенджерах и простота попадания в наркобизнес делают этот вид преступной деятельности привлекательным для социально-маргинализированных лиц.
7. В научной литературе и правоприменительной практике отсутствует единое криминологическое определение личности преступника-мигранта, совершающего бесконтактный сбыт, что затрудняет разработку целенаправленных профилактических и реабилитационных программ. Необходимо дальнейшее исследование особенностей данной категории преступников с учетом их социально-демографических, психологических и правовых характеристик.
8. Эффективное противодействие требует перехода от реактивной к проактивной модели профилактики, основанной на социальной интеграции, доступе к легальному труду, языковой и правовой поддержке, а также раннем выявлении лиц из группы риска.

Список литературы

- Антонян, Ю. М. (2025). Мигрантская преступность в России. *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*, (2), 106–112. <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-2-106-112>
- Бердникова, О. П. (2020). Особенности способов совершения сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*, 5(2), 274–278.
- Битов, А. А. (2023). Сравнительный анализ некоторых средств противодействия раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием сети интернет. *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*, 16(4), 38–41.
- Ванеева, М. А. (2024). Криминологическая характеристика личности иностранного мигранта, совершающего преступления на территории Северо-Кавказского федерального округа. *Право и государство: теория и практика*, (12), 590–593. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_12_590
- Гаврилин, Ю. В. (2020). Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам всероссийского онлайн-семинара). *Труды Академии управления МВД России*, (4), 122–129.

- Кетенчиева, Е. С. (2018). О преступлениях мигрантов в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. *Криминология: вчера, сегодня, завтра*, (4), 62–63.
- Кетенчиева, Е. С. (2019). Ксенофобия как детерминант преступности мигрантов. *Юридическая наука*, (1), 53–55.
- Костюк, М. Ф., & Кунц, Е. В. (2023). Специфические признаки личности мигранта - преступника. *Евразийская адвокатура*, (1), 81–84.
- Куцев, В. В. (2024). Формы и методы предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. *Вопросы безопасности*, (1), 11–19. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2024.1.69561>
- Науменко, О. А. (2024). Актуальные проблемы расследования бесконтактного сбыта наркотических средств. *Общество и право*, 2, 50–54.
- Новичков, В. Е. (2024). Некоторые аспекты криминологической характеристики преступности иностранцев и лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*, 49(1), 131–140. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2024-49-1-131-140>
- Пупцева, А. В., & Дорошенко, О. М. (2022). Проблемные вопросы раскрытия и расследования незаконного сбыта наркотиков, совершенного бесконтактным способом. *Вестник Волгоградской академии МВД России*, (3), 126–130.
- Романова, Н. Л., & Сутурин, М. А. (2023). Роль международного сотрудничества в борьбе государств с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*, 2, 256–264. <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2023.91.97.022>
- Семенов, Г. В. (2025). Об актуальных проблемах и путях противодействия миграционной преступности в Российской Федерации. *Вопросы российской юстиции*, (37), 296–302.
- Семенцова, И. А., & Федорова, Е. А. (2025). Криминологические особенности личности преступника-мигранта. *Северо-Кавказский юридический вестник*, (1), 146–156. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-146-156>
- Тертычная, И. В., Бадзгардзе, Т. А., & Проурзина, О. Ю. (2022). Особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических веществ, совершенных с использованием информационно-коммуникационной сети «интернет». *Аграрное и земельное право*, (9), 113–117.
- Тимофеев, С. В. (2018). Использование информационно-телекоммуникационных технологий при бесконтактном сбыте наркотических средств: проблемы противодействия и пути решения. *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*, (4), 180–185.
- Хараев, А. А., & Кулик, А. А. (2023). Личность преступника в цифровой криминологии. *Право и управление*, (10), 480–484.
- Чуб, И. С. (2023). Наркопреступность в современной России: современное состояние, тенденции развития и региональные особенности детерминации. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 4, 201–206.
- Шуняева, В. А. (2017). Социально-демографические признаки личности несовершеннолетнего преступника: особенности современного состояния. *Социально-экономические явления и процессы*, 12 (1), 134–140.
- Arriola, L. A. V. (2024). A working framework on multinational mobility: Haitians' post-2010 journeys from South America to Mexico. *Journal of International Migration & Integration*, 25(4), 1733–1759. <https://doi.org/10.1007/s12134-024-01142-z>

- Barbulescu, R., South, J., Byrne, B., Solomos, J., Benson, M., Silva, C. C. V., ... & Yannelli, F. A. (2025). Raising concerns on the dangers of linking biological invasions to human migration. *Ethnic and Racial Studies*, 48(13), 2496–2501. <https://doi.org/10.1080/01419870.2025.2527906>
- Bolzman, C. A., & Bridji, S. (2019). Older immigrants living in Switzerland and ambivalence related to return around the retirement period. *International Journal of Comparative Sociology*, 60(1–2), 14–36. <https://doi.org/10.1177/0020715218824634>
- Sheen, J. R., & Xu, H. (2024). Migration between imperfectly competitive economies. *International Migration*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1111/imig.13228>
- Skeldon, R. (2019). A classic re-examined: Zelinsky's hypothesis of the mobility transition. *Migration Studies*, 7(3), 394–403. <https://doi.org/10.1093/migration/mny019>

References

- Antonyan, Yu. M. (2025). Migrantskaya prestupnost' v Rossii. *Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii*, (2), 106–112. <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-2-106-112>
- Berdnikova, O. P. (2020). Osobennosti sposobov soversheniya sbyta narkoticheskikh sredstv, psihotropnykh veshchestv i ih analogov s ispol'zovaniem sovremennykh informacionno-kommunikacionnykh tekhnologij. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 5(2), 274–278.
- Bitov, A. A. (2023). Sravnitel'nyj analiz nekotorykh sredstv protivodejstviya raskrytiyu prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkotikov, sovershaemykh s ispol'zovaniem seti internet. Probely v rossijskom zakonodatel'stve. *Yuridicheskij zhurnal*, 16(4), 38–41.
- Vaneeva, M. A. (2024). Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti inostrannogo migranta, sovershayushchego prestupleniya na territorii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (12), 590–593. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_12_590
- Gavrilin, Yu. V. (2020). Protivodejstvie cifrovoj transformacii narkoprestupnosti (po itogam vserossijskogo onlajn-seminara). *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, (4), 122–129.
- Ketenchieva, E. S. (2018). O prestupleniyah migrantov v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, (4), 62–63.
- Ketenchieva, E. S. (2019). Ksenofobiya kak determinant prestupnosti migrantov. *Yuridicheskaya nauka*, (1), 53–55.
- Kostyuk, M. F., & Kunc, E. V. (2023). Specificheskie priznaki lichnosti migranta - prestupnika. *Evrazijskaya advokatura*, (1), 81–84.
- Kucev, V. V. (2024). Formy i metody preduprezhdeniya prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkotikov. *Voprosy bezopasnosti*, (1), 11–19. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2024.1.69561>
- Naumenko, O. A. (2024). Aktual'nye problemy rassledovaniya beskontaktnogo sbyta narkoticheskikh sredstv. *Obshchestvo i pravo*, 2, 50–54.
- Novichkov, V. E. (2024). Nekotorye aspekty kriminologicheskoy harakteristiki prestupnosti inostrancev i lic bez grazhdanstva, pribyvshih v Rossijskuyu Federaciyu. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 49(1), 131–140. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2024-49-1-131-140>
- Pupceva, A. V., & Doroshenko, O. M. (2022). Problemnye voprosy raskrytiya i rassledovaniya nezakonnogo sbyta narkotikov, sovershennogo beskontaktnym sposobom. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii*, (3), 126–130.
- Romanova, N. L., & Suturin, M. A. (2023). Rol' mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be gosudarstv s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv. *Vest-*

- nik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, 2, 256–264. <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2023.91.97.022>
- Semenov, G. V. (2025). Ob aktual'nyh problemah i putyah protivodejstviya migracionnoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii. *Voprosy rossijskoj yusticii*, (37), 296–302.
- Semencova, I. A., & Fedorova, E. A. (2025). Kriminologicheskie osobennosti lichnosti prestupnika-migranta. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*, (1), 146–156. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-146-156>
- Tertychnaya, I. V., Badzgaradze, T. A., & Prourzina, O. Yu. (2022). Osobennosti vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh veshchestv, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnoj seti «internet». *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, (9), 113–117.
- Timofeev, S. V. (2018). Ispol'zovanie informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij pri beskontaktnom sbyte narkoticheskikh sredstv: problemy protivodejstviya i puti resheniya. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, (4), 180–185.
- Haraev, A. A., & Kulik, A. A. (2023). Lichnost' prestupnika v cifrovoj kriminologii. *Pravo i upravlenie*, (10), 480–484.
- Chub, I. S. (2023). Narkoprestupnost' v sovremennoj Rossii: sovremennoe sostoyanie, tendencii razvitiya i regional'nye osobennosti determinacii. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 4, 201–206.
- Shunyaeva, V. A. (2017). Social'no-demograficheskie priznaki lichnosti nesovershennoletnego prestupnika: osobennosti sovremennoogo sostoyaniya. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy*, 12 (1), 134–140.
- Arriola, L. A. V. (2024). A working framework on multinational mobility: Haitians' post-2010 journeys from South America to Mexico. *Journal of International Migration & Integration*, 25(4), 1733–1759. <https://doi.org/10.1007/s12134-024-01142-z>
- Barbulescu, R., South, J., Byrne, B., Solomos, J., Benson, M., Silva, C. C. V., ... & Yannelli, F. A. (2025). Raising concerns on the dangers of linking biological invasions to human migration. *Ethnic and Racial Studies*, 48(13), 2496–2501. <https://doi.org/10.1080/01419870.2025.2527906>
- Bolzman, C. A., & Bridji, S. (2019). Older immigrants living in Switzerland and ambivalence related to return around the retirement period. *International Journal of Comparative Sociology*, 60(1–2), 14–36. <https://doi.org/10.1177/0020715218824634>
- Sheen, J. R., & Xu, H. (2024). Migration between imperfectly competitive economies. *International Migration*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1111/imig.13228>
- Skeldon, R. (2019). A classic re-examined: Zelinsky's hypothesis of the mobility transition. *Migration Studies*, 7(3), 394–403. <https://doi.org/10.1093/migration/mny019>

Информация об авторах

Вячеслав Владимирович Сенцов – адъюнкт Воронежского института МВД России.

Роман Викторович Колесников – доцент кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

About the authors

Vyacheslav Vladimirovich Sentsov – Post-graduate, Voronezh Institute of the MIA of Russia.

Roman Viktorovich Kolesnikov – Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Voronezh Institute of the MIA of Russia; Cand. Sci. (Jurid.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 09.12.2025

Одобрена после рецензирования 07.02.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted December 09, 2025

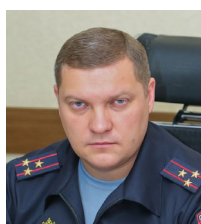
Approved after reviewing February 07, 2026

Accepted April 28, 2026

УДК 343.9.01

Противодействие вовлечению несовершеннолетних и молодежи в совершение противоправных деяний экстремистской направленности (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области)

Илья Сергеевич ИльинМеждународный юридический институт
(Санкт-Петербург, Россия)
isilyin@yandex.ru**ORCID:** 0000-0003-1362-0519

Аннотация

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема вовлечения несовершеннолетних и молодежи в противоправную деятельность экстремистской направленности в условиях цифровой трансформации общества. Отмечается, что использование информационно-коммуникационных технологий, анонимность интернета и психологические особенности подросткового возраста создают благоприятную среду для распространения экстремистской идеологии и вербовки новых сторонников. Цель работы – на основе анализа региональных данных (Санкт-Петербург и Ленинградская область) выявить современные механизмы вовлечения молодежи в деструктивную деятельность и определить эффективные направления противодействия. **Методы.** Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных (диалектический, анализ, синтез, обобщение, дедукция, индукция) и частнонаучных методов (сравнительно-правовой, статистический, наблюдение, анализ документов). Эмпирическая база включает статистические данные ГИАЦ МВД России за 2022–2025 гг., материалы уголовных дел и дел об административных правонарушениях экстремистской направленности, а также результаты мониторинга интернет-пространства (социальные сети и мессенджеры). **Результаты.** На основе анализа правоприменительной практики и статистических данных составлен условный социальный портрет лица, вовлекаемого в экстремистскую деятельность, выявлены ключевые мотивы (корысть, провокация, идеологическая ненависть) и возрастные особенности совершения преступлений. Установлено, что несовершеннолетние (14–17 лет) чаще склонны к насильственным проявлениям экстремизма, тогда как старшая возрастная группа (25–35 лет) доминирует в сфере информационного экстремизма. Определены основные каналы коммуникации и психологические приемы воздействия на молодежь (позитивация образа, дегуманизация противника), используемые радикальными сообществами в интернет, прежде всего в мессенджере «Телеграм». **Заключение.** В результате исследования обобщены и систематизированы механизмы противодействия, реализуемые правоохранительными органами Санкт-Петербурга и Ленинградской области. К ним относятся: выявление и блокировка деструктивного контента, нейтрализация лидеров и активистов радикальных групп (на примере ликвидации движения «Весна*»), а также проведение

* Молодежное демократическое движение «Весна» признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ.

Ильин И. С. / Ilyin I. S.

профилактических мероприятий с участием практических сотрудников в образовательной среде и родительской аудитории. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования профилактической работы с учетом выявленных тенденций и методов информационного воздействия экстремистов.

Ключевые слова

экстремизм, несовершеннолетние, молодежь, вовлечение в деструктивную деятельность, социальный портрет экстремиста, цифровизация, информационное воздействие, противодействие экстремизму, Санкт-Петербург, Ленинградская область

Для цитирования: Ильин, И. С. (2026). Противодействие вовлечению несовершеннолетних и молодежи в совершение противоправных деяний экстремистской направленности (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области). *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 151–165.

Original paper

Countering the involvement of minors and youth in extremist criminal activities (using the example of Saint Petersburg and the Leningrad region)

Ilya S. Ilyin

International Law Institute

(Saint Petersburg, Russia)

isilyin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1362-0519

Abstract

The article discusses the growing concern on the issue of the involvement of minors and the youth in unlawful extremist activities in the context the digital transformation of society. It is noted that the use of information and communication technologies, the anonymity afforded by the Internet, and the psychological features of adolescence foster the environment conducive to the dissemination of extremist ideologies and the recruitment of new supporters. The objective of this study is to analyse the regional data (Saint Petersburg and the Leningrad region), in order to identify the modern mechanisms by which young people are drawn into destructive activities, and to determine effective strategies to counter them. **Methods.** The methodological basis of the study comprised a combination of general scientific methods (dialectical analysis, synthesis, generalisation, deduction, induction) and discipline-specific methods (comparative legal analysis, statistical analysis, observation, and document analysis). The empirical basis encompasses statistical data from the Federal State Institution “Main Information and Analysis Centre of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation” for 2022-2025, criminal case materials and administrative case files of an extremist nature, as well as the results of monitoring the Internet (social media and messaging apps). **Results.** A general social profile of individuals involved in extremist activities has been created on the basis of an analysis of law enforcement practice and statistical data. Key motivations (self-interest, provocation, ideological hatred) and age-related patterns in committing crimes have also been revealed. It was established that young people aged 14 to 17 years are more likely to engage in violent forms of extremism, while older age group 25 to 35 years tend to be more active in extremist information. The main channels of communication and psychological techniques influencing on young people, including formation

of a positive image and dehumanisation of the opponent, employed by radical online communities, have been identified. These techniques are mainly used on the “Telegram” messaging application. **Conclusion.** This study provides a comprehensive overview of the counter- mechanisms that have been implemented by law enforcement agencies in Saint Petersburg and the Leningrad region. These mechanisms encompass identifying and blocking of destructive content, the neutralisation of leaders and activists of radical groups (e.g. the dismantling of the “Vesna*” movement), and the implementation of preventive measures involving frontline staff in educational settings and parents. The article substantiates the necessity for further improvement of preventive measures, taking into account prevailing trends and methods of information influence employed by extremists.

Keywords

extremism, minors, youth, involvement in destructive activities, social profile of an extremist, digitalisation, information influence, countering extremism, Saint Petersburg, Leningrad region

For citation: Ilyin, I. S. (2026). Countering the involvement of minors and youth in extremist criminal activities (using the example of Saint Petersburg and the Leningrad region). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 151–165.

Введение

Преступники, используя возможности интернета, могут одновременно влиять на большое количество потенциальных жертв или исполнителей их преступного умысла, в том числе экстремистской направленности (Фоминых, 2024, с. 70).

Использование виртуального пространства позволяет достигать большого числа людей или решать множество задач без необходимости индивидуального подхода к каждому лицу, в отношении которого осуществляется воздействие (Алексеев и др., 2023, с. 124).

В результате такого воздействия в последние годы в Российской Федерации в целом и в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в частности наблюдается рост количества экстремистских проявлений, совершенных лицами в возрасте от 14 до 35 лет. Среди данной возрастной категории нами рассматривались несовершеннолетние в возрасте от 14 до 17 лет и молодые люди в рамках двух возрастных групп: 18–24 года и 25–35 лет. Увеличилось количество лиц рассматриваемой возрастной категории, совершивших как уголовно наказуемые деяния, так и административные правонарушения.

По данным ГИАЦ МВД России¹, на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2022 г. к уголовной ответственности за преступления экстремистского характера привлечены 30 лиц в возрасте от 14 до 35 лет; в 2023 г. – 11; в 2024 г. – 55; за первое полугодие 2025 г. – 9. В последние три года наблюдается рост удельного веса несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности за преступления экстремистского характера, который по итогам 2022 г. составил 30,0 %; 2023 г. – 27,3 %; 2024 г. – 47,3 %; первого полугодия 2025 г. – 44,4 %.

К административной ответственности за правонарушения экстремистского характера, предусмотренные ч. 3 ст. 20.1, ст. ст. 20.2, 20.3, 20.3.3, 20.29, 20.33 КоАП РФ, на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области привлечены в 2022 г. 1 345 лиц в возрасте 14–35 лет; в 2023 г. – 65; в 2024 г. – 58; в первом полугодии 2025 г. – 44. Наибольшее количество лиц, совершивших административные правонарушения данного вида, приходится на возрастную категорию 25–35 лет, удельный вес которых в общем количестве приведенных показателей составил по итогам 2022 г. 52,0 %; 2023 г. – 52,3 %; 2024 г. – 41,4 %; первого полугодия 2025 г. – 52,3 %.

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2023, 2024, январь-июнь 2025 года*. Официальный сайт МВД России. Получено 21 декабря 2025 г., из <https://мвд.рф/reports/>

* Молодежное демократическое движение «Весна» признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ.

Методы исследования

Для достижения цели исследования, заключающейся в комплексном анализе современного состояния вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также для выработки предложений по совершенствованию механизмов противодействия, в работе использована совокупность общенаучных и частнонаучных методов. Методологическая основа исследования базируется на диалектическом подходе, позволяющем рассмотреть явления экстремизма в их развитии, противоречивости и взаимосвязи с социальными процессами (цифровизацией, изменениями в молодежной среде). Диалектический метод позволил изучить проблему вовлечения несовершеннолетних в динамику, выявить противоречия между развитием информационно-коммуникационных технологий (как фактора риска) и возможностями правовой системы по защите молодежи. Метод анализа применялся для декомпозиции эмпирических данных (статистика преступлений, социальные характеристики фигурантов) на отдельные элементы: возрастные группы, мотивы, каналы вербовки. Синтез позволил объединить разрозненные данные в целостную картину, описав механизм функционирования деструктивных групп и сформулировав единый «социальный портрет экстремиста» применительно к региону исследования. Индукция использовалась при переходе от анализа частных случаев (конкретных преступлений, акций, личных историй фигурантов) к общим выводам о методах вербовки и мотивации. Дедукция применялась при проверке общероссийских тенденций (например, данных научной литературы о психологии подростков) на эмпирическом материале Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления квалификации преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности (ст. 282 УК РФ, ст. 20.3 КоАП РФ и др.), а также для анализа различий в правоприменительной практике в отношении разных возрастных категорий (несовершеннолетние 14–17 лет, молодежь 18–24 лет и 25–35 лет). Данный метод позволил выявить различия в подходах к квалификации насильственного и информационного экстремизма. Метод наблюдения применялся для мониторинга активности радикальных сообществ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в частности в мессенджере «Телеграм», социальных сетях («ВКонтакте») и на видеохостингах. В ходе наблюдения фиксировались методы подачи контента, способы позитивации образа экстремиста и каналы распространения идеологии среди молодежи. Обработка данных ГИАЦ МВД России за 2022–2025 гг. позволила количественно оценить динамику преступлений и правонарушений. Статистический анализ применялся для определения удельного веса различных возрастных групп в структуре экстремистской преступности, а также для выявления корреляции между возрастом и видом совершаемого деяния (насильственный vs информационный экстремизм). В ходе исследования изучены материалы уголовных дел и дел об административных правонарушениях, возбужденных на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Это позволило собрать первичную информацию для составления «социального портрета экстремиста», включая такие параметры, как род занятий, национальность (при наличии данных), гражданство, а также для выявления истинных мотивов (корысть, провокация, идеологическая ненависть) совершения противоправных деяний. Автор обращался также к методу экспертных оценок: учитывались мнения практических сотрудников подразделений по противодействию экстремизму, задействованных в профилактических мероприятиях, что позволило оценить эффективность существующих практик воспитательно-образовательной работы с молодежью и их родителями.

Эмпирическая база исследования охватывает период с 2022 г. по первое полугодие 2025 г. включительно. Основным ограничением исследования является условность составленного социального портрета, обусловленная спецификой официальной статистики (например,

самодекларирование национальности, наличие неофициального трудоустройства), что не позволяет в полной мере верифицировать все социально-демографические параметры. Тем не менее комплексное применение указанных методов позволило обеспечить достоверность полученных результатов и репрезентативность выводов относительно механизмов вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность в условиях цифровизации.

Результаты исследования

Целью исследования является анализ современного состояния и механизмов вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность в конкретном регионе для определения направлений противодействия. В работе решаются следующие задачи:

- анализ статистических данных о преступлениях и правонарушениях экстремистской направленности среди молодежи в Санкт-Петербурге и Ленинградской области;
- выявление социально-демографических и психологических характеристик вовлекаемых лиц и их мотивации;
- описание используемых экстремистами методов информационного воздействия и каналов коммуникации (соцсети, мессенджеры);
- обзор текущих практик правоохранительных органов по противодействию (репрессивные и профилактические меры).

Для понимания механизма вовлечения несовершеннолетних и молодежи в противоправные деяния экстремистского характера, а также определения возможностей противодействия данному процессу на основе совокупности имеющейся информации необходимо составить «социальный портрет экстремиста». Ранее уже предпринимались попытки установления социально-демографических характеристик несовершеннолетней жертвы вовлечения в экстремистскую деятельность (Пушкова, 2025, с. 21–26), однако конечный результат оказался весьма условным, поскольку основывался в основном на официальной статистке, не всегда точно отражающей реальное положение вещей (например, многие граждане работают неофициально, национальная принадлежность гражданином также указывается самостоятельно и т. п.)

Составленный нами «социальный портрет экстремиста» не претендует на строгий характер, однако в какой-то мере поможет обозначить основные черты лица, вовлекаемого в противоправную деятельность.

В числе лиц, привлеченных в Санкт-Петербурге и Ленинградской области к уголовной ответственности за преступления экстремистского характера, 43 фигуранта официально зарегистрированы как не имеющие постоянного источника дохода (иждивенцы или безработные), причем в этом списке представлены не только лица младшей группы (14–17 лет), но и остальных подгрупп (в том числе 8 лиц в возрасте от 30 лет и старше); 35 фигурантов являлись учащимися учебных заведений различного уровня (от средних общеобразовательных школ до вузов, включая частные образовательные организации); 20 фигурантов были наемными рабочими, 5 служащими, 1 индивидуальный предприниматель, 1 представитель творческих профессий.

Более уверенно можно отследить взаимосвязь между возрастными группами и видами преступлений. В частности, несовершеннолетние и молодые люди (условно 14–17, 18–25 лет) совершают основную массу актов насильственного экстремизма (хулиганские нападения на граждан, нанесение телесных повреждений по мотивам различных типов розни, ненависти и вражды); на долю же их старших (25–35 лет) «коллег» приходится значительная масса актов экстремизма информационного (разжигание розни, ненависти, вражды, призывы к экстремизму, дискредитация Вооруженных Сил РФ, реабилитация нацизма и т. п.).

Мотивами совершения преступлений экстремистской направленности, как и раньше, остаются политическая, идеологическая, расовая, национальная, религиозная ненависть или вражда, в том числе в отношении какой-либо социальной группы².

Преступники используют особенности подростковой психологии, например доверчивость. Отсутствие личного контакта между преступником и жертвой или исполнителем снижает психологический барьер и ощущение ответственности за содеянное (Лопатина, 2024, с. 54).

За последние 10–15 лет произошло изменение мотивирующих факторов, способствующих совершению экстремистских проявлений. Ранее исследователи данного вида противоправных деяний отмечали поиск популярности (Зубова, 2015) в качестве мотивирующего фактора, дополняющего основной мотив, способствующий распространению экстремистских материалов среди молодежи, особенно учащихся среднеспециальных учебных заведений. В настоящее время самыми распространенными мотивирующими факторами являются корысть, а также совершение данного вида преступлений в качестве провокации.

Корысть при совершении экстремистского преступления выражается в ожидании получения вследствие совершения экстремистского акта обещанного денежного вознаграждения. Корысть выступает дополнительным стимулом, который, несомненно, усиливает мотивацию преступника, а также может повысить тяжесть преступления и повлиять в конечном итоге на квалификацию содеянного и ужесточение наказания.

Совершение экстремистского преступления в качестве провокации часто обусловлено особенностями возрастной психологии и окружающей социальной средой (Kasinathan & Parsons, 2025, с. 59). Несовершеннолетние и лица молодого возраста нередко не осознают истинной опасности и юридических последствий своих действий (Диваева, 2024, с. 429). Они могут воспринимать некоторые поступки как забавные розыгрыши, недооценивая риски уголовной ответственности и возможные негативные последствия для себя и окружающих. Некоторые подростки стремятся таким образом привлечь на себя внимание сверстников или взрослых (Barracosa & Cherney, 2025, с. 9). Им кажется, что провокационные высказывания или действия вызовут восхищение или одобрение друзей, повысят их статус в коллективе.

Например, в 2022 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области было возбуждено 10 уголовных дел по фактам реабилитации нацизма лицами, размещавшими фотографии нацистских преступников на странице акции «Бессмертный полк» (в связи с санитарными ограничениями проводившейся в онлайн-формате). Данное преступление в силу возраста (7 из 10 фигурантов по данным делам не достигли на момент совершения 25 лет) и несерьезного отношения части молодежи к указанной памятной акции, вероятнее всего, воспринималось фигурантами, как шутка.

В то же время такие действия означают неуважительное отношение к подвигу нашего народа в период Великой Отечественной войны (Хоменко & Черемнова, 2019, с. 47). В результате совершения посягательств экстремистской направленности создается угроза внутренней целостности и социальному согласию в России, а также формируется негативный образ нашей страны в мировом сообществе, что вызывает ослабление внутренних и внешних позиций Российской Федерации (Борисов & Жеребченко, 2015, с. 32, 36).

Имеются и обратные примеры, связанные с изобличением в насильственных акциях лиц старше 25 лет: в 2024 г. за нанесение телесных повреждений по мотивам социальной розни был задержан гражданин 1985 года рождения, а двое ранее судимых граждан 1993 года рождения в том же 2004 г. задержаны и впоследствии осуждены за совершение группового хулиганского

² Верховный Суд Российской Федерации. Пленум. (2011, 28 июня). *Постановление № 11 «О судебной практике по уголовным делам и преступлениям экстремистской направленности»* (с изм. от 3 ноября 2016 г. № 41, 20 сентября 2018 г. № 32 и от 28 октября 2021 г. № 32). <https://www.vsrp.ru/documents/own/8255/>

нападения на выходца из Северного Кавказа, совершенного по мотивам национальной вражды. Однако, как правило, данные случаи носят единичный, бессистемный характер, иногда совершаются в состоянии опьянения и не связаны с деятельностью радикальных молодежных групп.

Фиксируются со стороны лиц младшей возрастной группы и случаи информационного экстремизма. Например, в 2024–2025 гг. сотрудниками ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области задержаны трое молодых людей (что характерно, все из числа этнической молодежи), изобличенных в размещении в интернете материалов, направленных на разжигание межнациональной розни и вражды.

Кроме того, молодежь часто отличается и такой формой информационного экстремизма, как демонстративные акции (особенно если речь идет о так называемых перформансах), обычно носящие политический характер. Например, в 2022 г. житель Санкт-Петербурга 1999 года рождения задержан за проведенную 25 февраля 2022 г. акцию в виде сожжения чучела в форме военнослужащего Вооруженных Сил РФ, видеозапись которой впоследствии была распространена в интернете. Действия фигуранта квалифицированы по ч. 2 ст. 213 УК РФ как хулиганство, совершенное по мотивам политической и идеологической вражды. В 2023 г. за акцию в виде нанесения надписей «Нет войне», «Хватит убивать», «Сколько можно убивать» на здание военного комиссариата, квалифицированную по ч. 2 ст. 280³ и ч. 2 ст. 213 УК РФ, задержан аспирант одного из вузов Санкт-Петербурга 1997 года рождения, действия которого также были обусловлены протестом против проведения специальной военной операции.

В совершение уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений экстремистского характера вовлекаются также иностранные граждане, а также натурализованные граждане Российской Федерации, которые на момент преступления имели ранее приобретенное гражданство. Установлена причастность к совершению преступлений и правонарушений экстремистского характера граждан республик Азербайджан, Таджикистан и Молдова.

Из 88 фигурантов, указавших свою национальность, преобладают русские (78 человек), в числе остальных представлены азербайджанцы (четыре человека, включая трех граждан Республики Азербайджан и одного натурализованного гражданина РФ) один молдаван (гражданин Республики Молдова), три таджика (двое граждан Республики Таджикистан и один натурализованный гражданин РФ), один дагестанец. Однако стоит отметить, что практика свободного определения национальности делает эту выборку нерепрезентативной (например, в числе «русских» оказались и несколько рожденных на территории России членов этнической хулиганской группировки, позиционировавших себя азербайджанцами и обвинявшихся в числе прочего в разжигании ненависти и вражды в отношении русских).

Обсуждение

Практика показывает, что национальная и религиозная принадлежность даже в большей степени, чем гражданство, может выступать объединительным фактором при формировании молодежных групп (например, в упомянутую этническую молодежную группу входили не только азербайджанцы, но и таджики, и выходцы из российских регионов Северного Кавказа). Как правило, группы, сформированные из числа местных жителей, русских по национальности, тяготеют к праворадикальным идеям так называемого русского национализма, а группы этнической молодежи (иностранцы и рожденные в России дети выходцев из других стран) – к этническому национализму, в том числе откровенно антирусскому.

Еще одной особенностью этнического молодежного экстремизма часто выступает демонстративная религиозность (упоминание Аллаха, характерные жесты и т. п.). Соответственно, объединяться в подобные группы могут выходцы из разных стран и российских регио-

нов по принадлежности к мусульманскому вероисповеданию, а идейными противниками (как правило, под идею камуфлируется хулиганское желание найти себе жертву) – граждане, не исповедующие ислам.

Можно утверждать, что демонстративная религиозность этнического молодежного экстремизма представляет собой феномен, при котором представители отдельных этнических групп используют элементы религиозной практики и веры в целях привлечения общественного внимания, формирования образа жертвы, оправдания своих экстремистских действий (Mayer et al., 2024).

Подобное поведение обусловлено, во-первых, стремлением привлечь внимание, поскольку использование религиозных символов и лозунгов помогает добиться публичного резонанса вокруг своей деятельности, создавая образ жертв преследования или борцов за справедливость; во-вторых, возможностью самоидентификации и самовыражения; в-третьих, использование религиозных символов и лозунгов позволяет манипулировать общественным мнением. Кроме того, молодежные экстремисты обычно утверждают, что их действия направлены на защиту национальных интересов, традиций и обычаев, однако на самом деле речь идет о навязывании собственных взглядов и идеологии.

В настоящее время устойчивые общественные объединения в организационном плане не оказывают существенного влияния на криминогенную обстановку в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Выявляемые молодежные группы функционируют независимо от каких-либо крупных центров управления, при этом оказывают идеологически негативное влияние на молодежь (Зырянов & Билоконь, 2024, с. 127), распространяя свои взгляды и воззвания по информационно-телекоммуникационным каналам.

Аналогичная ситуация с этническими диаспорами и землячествами. В последние годы ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области не задокументировано фактов прямых организации и (или) управления этническими молодежными группами радикального толка со стороны диаспор. Однако опосредованно, путем формирования информационной повестки и высказывания авторитетного мнения, диаспоры вполне способны влиять на ситуацию с молодежным этническим экстремизмом.

Особого внимания заслуживают спортивные клубы единоборств и иной боевой подготовки, прежде всего для этнической молодежи, проверки которых периодически проводятся силами не только полиции, но и иных ведомств. В настоящее время подтвержденных фактов распространения на их базе экстремистских идей, формирования радикальных молодежных группировок не зафиксировано. Но поскольку несовершеннолетние традиционно относятся к категории наиболее внушаемых лиц (Бавсун, 2024, с. 7), клубы боевых искусств в качестве если не источника, то одной из базовых платформ формирования радикальных молодежных группировок (особенно, этнических) рассматриваются правоохранительными органами весьма серьезно.

Практика показывает, что в ходе расследования преступлений изучению пути, который привел фигуранта к экстремистскому преступлению и правонарушению, уделяется не слишком много внимания: основная масса усилий приходится на сбор доказательств самой его причастности к противоправному деянию и документирование экстремистского мотива. Большинство актов насильственного экстремизма совершается сознательно, по идейным соображениям. Редкие исключения составляют случаи, когда различные формы бытового шовинизма (которым в разной степени поражена значительная часть населения) накладываются на бытовой конфликт, дополняя его экстремистским мотивом.

Сложнее обстоит дело с информационным экстремизмом. Наряду с деяниями, однозначно совершаемыми с прямым умыслом (например, практикуемая участниками радикальных

группировок публикация материалов собственных правонарушений, снабженных комментариями, направленными на разжигание розни и унижение достоинства людей по национальному признаку, или множественные публикации, содержащие явные признаки принадлежности публикуемого к последователям экстремистской идеологии), значительный объем правонарушений носит не столь однозначный характер. Например, имеются факты привлечения к ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ, ст. ст. 148, 282⁴ УК РФ лиц, обнаживших в публичном месте или на опубликованных фотографиях имеющиеся на теле татуировки. Правоприменительная практика по ст. 20.3.3 КоАП РФ, ст. ст. 280³, 207³ УК РФ тоже не особо разбирается в истинных убеждениях фигурантов, среди которых (особенно в массиве административных дел 2022 г.) большая часть не относится к последовательным радикалам.

Основным информационным источником и каналом коммуникации для молодых людей выступает интернет (Майоров, 2025, с. 366). Значительные объемы информации, разнообразные идеологические платформы, лидеры общественного мнения, сообщества по интересам и прочие особенности электронной сети открывают широкие возможности для поиска идейных союзников и соратников, коммуникации с ними.

Радикальные сообщества активно используют интернет не только для прямого транслирования своих идей, но и для опосредованной пропаганды, заключающейся в размещении определенного рода материалов, подтверждающих позицию указанного движения. Эти материалы могут снабжаться комментариями, а могут (для создания видимости беспристрастности) оставаться без них («выводы делайте сами»). Например, праворадикальные формирования (например, «Русская община») охотно публикуют сведения о преступлениях и правонарушениях с этнической составляющей. Политическое правоцентристское движение «Другая Россия им. Эдуарда Лимонова», известное своей критикой попустительской миграционной политики России, также использует публикации о преступлениях мигрантов для подтверждения своих взглядов (а после террористического акта в подмосковном «Крокус Сити холле» представители «Другой России» в Санкт-Петербурге даже провели и осветили в интернете публичную акцию «Лицо миграционной политики России», сопряженную с нарушениями общественного порядка и выдвиганием обвинений в адрес федеральных чиновников). Транслируют в молодежную среду свою повестку и политические формирования, в том числе радикально оппозиционного толка. Причем даже проведенная операция по дезорганизации и деструктуризации объединений либерально-оппозиционного толка, приведшая вначале к фактической их ликвидации, не помешала значительной части активистов, перебравшись за рубеж, продолжить агитационно-пропагандистскую работу в интернете. В качестве одного из доводов своей правоты политическими объединениями используются обычные российские новости, откуда специально выбираются самые неприглядные (отражающие проблемы в сфере ЖКХ, дорожного хозяйства, рост инфляции, цен и т. п.).

Прием транслирования специально отобранного тематического контента призван воздействовать на сознание созданием иллюзии самостоятельности выбора: «Я сам пришел к этому выводу на основании объективной информации». Практика показывает, что прием это вполне рабочий, например, политические акции по социально важным темам (коррупция, пенсионная реформа, специальная военная операция и т. п.) неизменно собирали большое количество молодежи, не принадлежащей ни к каким организованным объединениям, т. е. вышедшей на акцию не по команде, а под воздействием актуальной информационной повестки. В том же ключе работает практика регулярных публикаций в праворадикальных сообществах новостей о совершаемых мигрантами или выходцами с Северного Кавказа преступлениях и иных антиобщественных деяниях, подогревающих в целевой аудитории (прежде всего молодежи) националистические взгляды и настроения. Регулярное

выявление новых молодых последователей националистических идей подтверждает работоспособность рассматриваемого метода.

Еще одним психологическим приемом воздействия на сознание молодежи в целях вовлечения ее в экстремистскую деятельность выступает позитивация образа последователя пропагандируемых идей. Праворадикальные сообщества рисуют образ «истинного бойца», «защитника белой расы» и т. п., этнические группировки представляют своих членов «воинами Аллаха», «волками в стаде овец» и т. п., политические движения оперируют образами наподобие «Прекрасная Россия будущего», позиционируя своих сторонников как «борцов с режимом». Этот прием направлен на выработку у молодых последователей некоего идеала, к которому следует стремиться и ради которого предлагается претерпевать некоторые лишения (например, в виде проблем с законом), а также на чувство сопричастности к некоему «великому делу» (борьбе с оккупировавшими Русь иноземцами, борьбе с неверными, борьбе с режимом и т. п.).

Параллельно задействуется прием негативной окраски врага, что призвано дополнительно подчеркнуть нравственное превосходство и правоту своих сторонников. Аналогичным приемом пользуются, например, террористические сообщества, причем как религиозные (потенциальные жертвы теракта обозначаются «неверными», недостойными жалости), так и политические (потенциальные жертвы терактов клеймятся, например, «псами режима», «оккупантами» и т. п.). Экстремистские формирования оперируют похожими терминами в отношении жертв своей агрессии. В частности, одной из форм данного приема выступает дегуманизация противника – психологический метод, хорошо освоенный праворадикальными сообществами, черпающими опыт в нацистских учениях, суть которого заключается в максимальном обезличивании тех, против кого направлена идеология данного сообщества. Например, люди другой расы и национальности объявляются неполноценными, в терминологии используются их сравнение с животными и т. п. Данный прием направлен, во-первых, на подкрепление у последователей идеи о принадлежности к более высокому социуму, во-вторых, на преодоление психологического барьера насилия для участников акций прямого действия.

Указанные приемы, как и множество более частных методов, давно применяются на практике и являются вполне рабочими. Воспитательно-профилактическая работа с молодежью должна заключаться в числе прочего в разоблачении методик радикальных сообществ, выявлении для подростков их деструктивной сущности и целей, что будет способствовать снижению эффективности экстремистского информационного воздействия на подрастающее поколение.

Виртуализация угрозы экстремизма заключается не только в возможности фактически безгранично тиражировать и распространять идеологию экстремизма среди неопределенного круга лиц, а также анонимно и дистанционно вовлекать массы людей в экстремистскую деятельность (Игнатов, 2025, с. 107).

Злоумышленниками для вовлечения молодежи и несовершеннолетних в экстремистскую деятельность используются возможности социальных сетей и мессенджеров³. Несмотря на то что крупнейшей социальной сетью России остается сеть «ВКонтакте», следует отметить, что в молодежной среде указанный ресурс давно приобрел статус неблагонадежного ввиду плотного сотрудничества с государственными структурами. Да, отдельные сообщества продолжают использовать «ВКонтакте» для расширения охвата аудитории, но основную работу проводят на менее (по их мнению) зависимых платформах.

В связи с этим, согласно наблюдениям и результатам мониторинговых мероприятий, самым востребованным информационно-телекоммуникационным ресурсом для распространения контента в молодежной среде в данный момент выступает мессенджер «Телеграм»,

³ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года <http://www.pravo.gov.ru>

позволяющий создавать тематические сообщества (телеграм-каналы), публиковать крупные тексты, размещать изображения и видеозаписи, чего, в принципе, достаточно для базовой пропагандистской работы. К тому же в закрытых сообществах по интересам открывается возможность для более плотной идеологической обработки целевой аудитории (Hashmi et al., 2022, с. 62).

Отдельный политический контент в виде объемных видеозаписей (в частности, журналистские расследования) продолжает размещаться на видеохостинге «Ютуб» (его фактическая блокировка в России обходится использованием VPN-сервисов).

Иные ресурсы – «Инстаграм*», «Тик-Ток», «X» (более известный как «Твиттер»), «Фейсбук*» – либо изначально имели иную направленность и целевую аудиторию (Archetti, 2015, с. 50), либо ориентированы на зарубежных пользователей, вследствие чего используются в основном эмигрантами из России.

Изложенное не означает, что в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграм*» и т. п. не размещается провокационный или экстремистский контент, но в качестве информационной платформы для молодежи данные ресурсы сегодня уступают сети «Телеграм» (Whittaker, 2022, с. 38).

Заключение

Основными механизмами, используемыми правоохранительными органами для противодействия распространению идеологии экстремизма в молодежной среде, являются: выявление интернет-контента экстремистского характера и принятие мер к его удалению (блокировка ресурсов); выявление и нейтрализация лиц, занимающихся распространением экстремистских идей, а также целевым вовлечением молодежи в деструктивную деятельность; проведение непосредственных воспитательно-образовательных занятий в молодежной среде, а также инструктивно-методических занятий с представителями иных государственных и общественных субъектов профилактики.

В качестве одного из примеров противодействия можно привести разоблачение и ликвидацию общественного движения «Молодежное демократическое движение “Весна*”», занимавшего радикальную либерально-оппозиционную позицию, целевым образом ориентированного на молодежную повестку, резко выступившего против проведения СВО, в том числе стоявшего за инициированием массовых протестных выступлений граждан в Санкт-Петербурге в феврале–марте 2022 г. (активисты «Весны*» распространяли призывы к массовым акциям, сами принимали в них участие, осуществляли координацию несогласованных шествий, размещая в интернет-мессенджерах информацию о передвижении колонн протестующих, точка сбора, полицейских кордонах и т. п.).

С декабря 2022 г. по январь 2023 г. материалы в отношении 12 лидеров и активистов региональной ячейки движения «Весна*» были направлены в ГУ Минюста России по г. Санкт-Петербургу для внесения в реестр лиц, аффилированных с иностранными агентами, что в числе прочего ограничило их возможности влияния на процесс выборов («Весна*» регулярно участвовала в избирательных кампаниях различного уровня как через выдвижение и поддержку кандидатов, так и путем выдвижения своих людей в избирательные комиссии и группы наблюдателей).

В июне 2023 г. на основании собранных материалов было возбуждено уголовное дело, в рамках которого лидерам и активистам движения «Весна*» из Санкт-Петербурга, Москвы и ряда иных регионов (свыше 20 человек) предъявлены обвинения в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 282¹, ч. 2 ст. 239, ч. 2 ст. 207³, ч. 1.1 ст. 212, ч. 4 ст. 354¹ УК РФ.

* Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ.

Проведенные мероприятия привели к полному прекращению функционирования молодежного движения «Весна*» в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, и хотя находящимися в эмиграции сторонниками движения продолжилась информационно-пропагандистская работа, ни одной массовой публичной акции движением «Весна*» с тех пор организовано не было.

В декабре 2022 г. решением Санкт-Петербургского городского суда (подтвержденным апелляционным определением от 17 мая 2023 г.) межрегиональное общественное движение «Молодежное демократическое движение “Весна*”» признано экстремистской организацией, в июне 2023 г. внесено в реестр объединений, в отношении которых вступило в силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

По линии профилактической работы успешной признана практика непосредственного вовлечения сотрудников подразделений по противодействию экстремизму ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области как практических работников, знакомых с текущими тенденциями экстремизма, к разъяснительным занятиям с населением, в связи с чем взят последовательный курс на ее расширение. Преимущество данной формы профилактики заключается в том, что подростки получают информацию «из первых рук», когда стандартные теоретические выкладки подкрепляются живыми примерами из практики. К тому же погруженные в оперативную обстановку сотрудники правоохранительных органов имеют возможность оперативно корректировать учебные материалы в зависимости от требования момента. По согласованию с профильными комитетами Правительства Санкт-Петербурга и Правительства Ленинградской области в 2025 г. начата пробная реализация практики привлечения сотрудников правоохранительных органов и к участию в собраниях с родительской общественностью, где до родителей и законных представителей доводятся существующие экстремистские факторы, способные представлять угрозу для их детей и воспитанников.

Еще одной перспективной практикой признано участие практических работников оперативных служб в методических занятиях (семинарах, сборах, круглых столах и т. п.) с представителями субъектов государственной и общественной профилактики. Задачи этих мероприятий заключаются в обмене информацией, обсуждении проблематики профилактики молодежного экстремизма с учетом свежего практического опыта, что позволяет охватить проблему с большего количества ракурсов и более комплексно подойти к выработке алгоритмов реагирования, а также способствует лучшей подготовке специалистов государственных и общественных субъектов профилактики к выполнению своих функций.

Несомненно, необходимо продолжать поиск новых возможностей профилактического воздействия и иных форм противодействия распространению в молодежной среде экстремистской идеологии и вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность и деструктивные объединения.

* Признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ.

Список литературы

- Алексеев, Г. В., Аргылов, Н. А., Байчик, А. В., ... [и др.] (2023). *Глобальный индекс экстремизма*. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
- Бавсун, М. В. (2024). Перспективы противодействия преступности несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами. В *Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 мая 2024 года* (с. 7–9). Печатный Цех.

- Борисов, С. Б., & Жеребченко, А. В. (2015). *Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности*. Юриспруденция.
- Диваева, И. Р. (2024). О предупреждении вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. *Образование и право*, (8), 428–432. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-8-428-432>
- Зубова, О. Г. (2015). Портрет современного экстремиста (на примере анализа обвинительных заключений и приговоров по экстремистским преступлениям). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (1), 69–75.
- Зырянов, И. В., & Билоконь, В. П. (2024). Профилактика вовлечения несовершеннолетних в деструктивную, в том числе экстремистскую деятельность. *Евразийский юридический журнал*, (10), 126–128.
- Игнатов, А. Н. (2025). Виртуализация угрозы экстремизма и ее отражение в субкультуре несовершеннолетних. *Судебная экспертиза и исследования*, (3), 106–110.
- Лопатина, Т. М. (2024). Киберпреступность несовершеннолетних: проблема цифрового поколения. *Безопасность бизнеса*, (3), 52–56. <https://doi.org/10.18572/2072-3644-2024-3-52-56>
- Майоров, А. В. (2025). Виктимологическое противодействие цифровой виктимизации несовершеннолетних, вовлекаемых в экстремистскую и террористическую деятельность. *Виктимология*, 12(3), 363–374. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2025-12-3-363-374>
- Пушкова, Н. В. (2025). Социально-демографическая характеристика несовершеннолетней жертвы вовлечения в экстремистскую деятельность. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, (1), 21–26.
- Фоминых, Е. С. (2024). Нарушения информационной безопасности в контексте цифровой виктимизации детей и подростков. *Виктимология*, 11(1), 69–77. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2024-11-1-69-77>
- Хоменко, А. Н., & Черемнова, Н. А. (2019). Отграничение экстремистских проявлений от правомерного поведения в контексте ст.ст. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ и ст.ст. 280, 282 УК РФ. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*, (3), 44–56. <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2019-00028>
- Archetti, C. (2015). Terrorism, communication and new media: Explaining radicalization in the digital age. *Perspectives on Terrorism*, 9(1), 49–59. <http://www.jstor.org/stable/26297326>
- Barracosa, S., & Cherney, A. (2025). An integrated model for youth radicalisation: Examining the impact of life-course and situational factors. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/19434472.2025.2554777>
- Hashmi, A. S., Hamid, M., & Hashmi, S. M. A. (2022). Youth, counter violent extremism and (social) media: A case of Pakistan. *NUST Journal of International Peace & Stability*, 5(1), 61–72. <https://doi.org/10.37540/njips.v5i1.122>
- Kasinathan, J., & Parsons, A. (2025). Radicalisation in adolescents: Mental health considerations for violent extremism. *Australasian Psychiatry*, 33(1), 57–63. <https://doi.org/10.1177/10398562241292209>
- Mayer, M. J., Horgan, J., Herrenkohl, T. I., & Osher, D. (2024). Violent extremism in the U.S.: Causes and consequences for youth, families, schools, and communities. *Journal of School Psychology*, 106, Article 101345. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2024.101345>
- Whittaker, J. (2022). Rethinking Online Radicalization. *Perspectives on Terrorism*, 16(4), 27–40. <https://www.jstor.org/stable/27158150>

References

- Alekseev, G. V., Argylov, N. A., Bajchik, A. V., ... [i dr.] (2023). *Global'nyj indeks ekstremizma*. Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF.
- Bavsun, M. V. (2024). Perspektivy protivodejstviya prestupnosti nesovershennoletnih ugolovno-pravovymi sredstvami. V *Problemy preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnih i molodezhi: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 24 maya 2024 goda* (s. 7–9). Pechatnyj Cekh.
- Borisov, S. B., & Zhrebchenko, A. V. (2015). *Vozbuzhdenie nenavisti, vrazhdy, unizhenie chelovecheskogo dostoinstva: problemy ustanovleniya i realizacii ugolovnoj otvetstvennosti*. Yurisprudenciya.
- Divaeva, I. R. (2024). O preduprezhdenii вовлечения nesovershennoletnih v ekstremistskuyu deyatel'nost' s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij. *Obrazovanie i pravo*, (8), 428–432. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-8-428-432>
- Zubova, O. G. (2015). Portret sovremennogo ekstremista (na primere analiza obvinitel'nyh zaklyuchenij i prigovorov po ekstremistskim prestupleniyam). *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*, (1), 69–75.
- Zyryanov, I. V., & Bilokon', V. P. (2024). Profilaktika вовлечения nesovershennoletnih v destruktivnuyu, v tom chisle ekstremistskuyu deyatel'nost'. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, (10), 126–128.
- Ignatov, A. N. (2025). Virtualizaciya ugrozy ekstremizma i ee otrazhenie v subkul'ture nesovershennoletnih. *Sudebnaya ekspertiza i issledovaniya*, (3), 106–110.
- Lopatina, T. M. (2024). Kiberprestupnost' nesovershennoletnih: problema cifrovogo pokoleniya. *Bezopasnost' biznesa*, (3), 52–56. <https://doi.org/10.18572/2072-3644-2024-3-52-56>
- Majorov, A. V. (2025). Viktimologicheskoe protivodejstvie cifrovoj viktimizacii nesovershennoletnih, вовлекаемых v ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost'. *Viktimologiya*, 12(3), 363–374. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2025-12-3-363-374>
- Pushkova, N. V. (2025). Social'no-demograficheskaya harakteristika nesovershennoletnej zhertvy вовлечения v ekstremistskuyu deyatel'nost'. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, (1), 21–26.
- Fominyh, E. S. (2024). Narusheniya informacionnoj bezopasnosti v kontekste cifrovoj viktimizacii detej i podrostkov. *Viktimologiya*, 11(1), 69–77. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2024-11-1-69-77>
- Homenko, A. N., & Cheremnova, N. A. (2019). Otgranichenie ekstremistskih proyavlenij ot pravomernogo povedeniya v kontekste st.st. 20.3, 20.3.1 KoAP RF i st.st. 280, 282 UK RF. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, (3), 44–56. <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2019-00028>
- Archetti, C. (2015). Terrorism, communication and new media: Explaining radicalization in the digital age. *Perspectives on Terrorism*, 9(1), 49–59. <http://www.jstor.org/stable/26297326>
- Barracosa, S., & Cherney, A. (2025). An integrated model for youth radicalisation: Examining the impact of life-course and situational factors. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/19434472.2025.2554777>
- Hashmi, A. S., Hamid, M., & Hashmi, S. M. A. (2022). Youth, counter violent extremism and (social) media: A case of Pakistan. *NUST Journal of International Peace & Stability*, 5(1), 61–72. <https://doi.org/10.37540/njips.v5i1.122>
- Kasinathan, J., & Parsons, A. (2025). Radicalisation in adolescents: Mental health considerations for violent extremism. *Australasian Psychiatry*, 33(1), 57–63. <https://doi.org/10.1177/10398562241292209>

Mayer, M. J., Horgan, J., Herrenkohl, T. I., & Osher, D. (2024). Violent extremism in the U.S.: Causes and consequences for youth, families, schools, and communities. *Journal of School Psychology, 106*, Article 101345. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2024.101345>

Whittaker, J. (2022). Rethinking Online Radicalization. *Perspectives on Terrorism, 16*(4), 27–40. <https://www.jstor.org/stable/27158150>

Информация об авторе

Илья Сергеевич Ильин – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, доктор юридических наук, доцент.

About the autor

Ilya Sergeevich Ilyin – Professor of Department of Criminal Law Disciplines, International Law Institute, Dr. Sci. (Jurid.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 23.12.2025

Одобрена после рецензирования 27.02.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted December 23, 2025

Approved after reviewing February 27, 2026

Accepted April 28, 2026

УДК 316.624

На переломе эпох: девиантология в поисках субъектности и новых смыслов (Обзор по итогам работы секции VII Всероссийского социологического конгресса)

Виктория Владимировна Брюно

Институт социологии РАН
(Москва, Россия)
Victoria.bruno@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9735-024X**Константин Васильевич Харабет**

Фонд содействия научным исследованиям в области правового
обеспечения безопасности человека имени профессора А. А. Тер-Акопова
(Москва, Россия)
harabet@mail.ru

ORCID: 0009-0005-4906-7198**Аннотация**

В статье представлен обзор девиантологической секции в составе VII Всероссийского социологического конгресса Российского общества социологов (РОС), проходившего в Москве 1–3 ноября 2025 года. В составе Конгресса работала секция социологии девиантного поведения (девиантологии). Программное название научного мероприятия – «Девиантное поведение и социокультурные трансформации: адаптационные стратегии различных групп в условиях новых социальных рисков». Среди участников девиантологической секции были представители Института социологии РАН, географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Казанского юридического института МВД России, Кубанского государственного университета и др. (всего заявлено свыше 20 участников). По результатам работы конференции сформированы рекомендации теоретического и прикладного характера, которые планируется реализовать в рамках научных мероприятий РОС.

Ключевые слова

девиантное поведение, девиантность, преступность, трансформация, эмпирическое поле, суициды, наркотики, профилактика девиантности

Для цитирования: Брюно, В. В., Харабет, К. В. (2026). На переломе эпох: девиантология в поисках субъектности и новых смыслов (Обзор по итогам работы секции VII Всероссийского социологического конгресса). *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 166–176.

Review

At the turn of the era: deviantology in search of subjectness and new meanings (A review of the proceedings of Section VII of the All-Russian Sociological Congress)

Victoria V. Bruno

Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Victoria.bruno@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9735-024X

Konstantin V. Kharabet

Foundation for the Promotion of Research into the Legal Framework
for Human Security named after Professor A.A. Ter-Akopov
(Moscow, Russia)

harabet@mail.ru

ORCID: 0009-0005-4906-7198

Abstract

This article reviews the deviantology section of the 7th All-Russian Sociological Congress of the Russian Sociological Society (RSS), held in Moscow from 1 to 3 November 2025. The Congress included a section on the sociology of deviant behaviour (deviantology). The title of the scientific event was “Deviant Behaviour and Sociocultural Transformations: Adaptation Strategies of Various Groups in the Context of New Social Risks”. The participants in the deviantology section included representatives from the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, the Faculty of Geography at Lomonosov Moscow State University, the Kazan Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Kuban State University and others (over 20 participants in total). Based on the conference proceedings, a set of theoretical and practical recommendations has been drawn up, which are planned to be implemented as part of RSS’s academic activities.

Keywords

deviant behavior, deviance, crime, transformation, empirical field, suicides, drugs, prevention of deviance

For citation: Bruno, V. V., Kharabet, K. V. (2026). At the turn of the era: deviantology in search of subjectness and new meanings (A review of the proceedings of Section VII of the All-Russian Sociological Congress). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 166–176.

В центре внимания VII Всероссийского социологического конгресса Российского общества социологов, проходившего в Москве 1–3 ноября 2025 г., оказались процессы формирования и воспроизводства общественной памяти. Сам выбор темы показателен. Он отражал не только академический интерес к историческим нарративам и коллективным представлениям о прошлом, но и более широкий запрос на понимание происходящих в обществе изменений через призму преемственности, традиции и трансформации ценностных ориентиров.

2 ноября 2025 г. в Университете мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского в рамках конгресса проходила работа секции «Девиянтное поведение и социокультурные трансформации:

адаптационные стратегии различных групп в условиях новых социальных рисков». Сопредседателями секции выступили кандидат философских наук старший научный сотрудник М. Е. Позднякова (Институт социологии РАН), доктор социологических наук Т. А. Хагуров (Кубанский государственный университет) и доцент К. В. Харабет (Фонд содействия научным исследованиям в области правового обеспечения безопасности человека имени проф. А. А. Тер-Акопова). Информационным партнером работы девиантологической секции стал «Российский девиантологический журнал» (Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург).

Последние годы стали для российского общества временем высокой турбулентности. Социальная неопределенность, ускорение политических и культурных процессов, изменение повседневных практик, рост тревожности и фрагментация жизненных стратегий сформировали особый фон, на котором разворачиваются как социальная реальность, так и ее научная рефлексия. В этой ситуации все более заметной становится потребность в устойчивых основаниях, в символических и нормативных опорах, в обращении к опыту прошлого как ресурсу ориентации в настоящем.

Сегодня особую значимость приобретает положение российской социологии, оказавшейся в ситуации пересмотра собственных теоретических и методологических оснований. Наследие постмодернистской дифференциации знания, акцент на множественности интерпретаций и отказ от универсалистских схем по-прежнему сохраняют свое влияние на исследовательскую повестку; при этом на фоне нарастающей интеллектуальной усталости от ценностного и методологического релятивизма все чаще наблюдается обращение к поиску более надежных аналитических ориентиров и интегративных исследовательских рамок. Социология оказывается включенной в данные процессы не как внешний наблюдатель, а как активный участник интеллектуальных и общественных дискуссий, в рамках которых все явственнее встают вопросы о научной субъектности социального знания как самостоятельной формы общественной рефлексии и способности дисциплины не только эмпирически фиксировать изменения, но и формировать собственный аналитический язык, вырабатывать интерпретационные модели, сохраняя при этом аналитическую трезвость по отношению к разнонаправленным общественным и экспертным дискурсам, в том числе с позиции сохранения исторической правды.

В рамках обозначенных процессов особое место занимает девиантология как междисциплинарное исследовательское поле с выраженным социологическим ядром. Исследования отклоняющегося поведения традиционно связаны с научным анализом, моральными оценками, правовым регулированием и общественными страхами, что придает данной области знания особую чувствительность к социальным изменениям. Сегодня эта многомерность становится еще более выраженной. Традиционные формы девиации трансформируются, новые практики возникают в цифровой среде, границы нормы размываются, а сами стратегии отклонения все чаще приобретают характер адаптивных механизмов в условиях нестабильности.

Секция *«Девиантное поведение и социокультурные трансформации: адаптационные стратегии различных групп в условиях новых социальных рисков»*, прошедшая в рамках Конгресса, стала пространством обсуждения этих противоречивых процессов и важной формой профессионального диалога, способствующей укреплению связей внутри исследовательского сообщества. В представленных докладах отразились попытки осмыслить современную девиантность как многомерный социальный феномен, связанный с изменением жизненных траекторий, структурой возможностей, культурными кодами и трансформацией общественной памяти.

Цель настоящей обзорной статьи – реконструировать основные тематические линии секции, выявить точки пересечения и расхождения исследовательских подходов, а также обозначить те вопросы, которые сегодня формируют проблемное поле российской девиантологии.

Были заслушаны 13 секционных докладов и научных сообщений. С вступительным словом выступила М. Е. Позднякова, акцентировавшая внимание на необходимости более активного привлечения молодых исследователей, заинтересованных в научной разработке девиантологической проблематики. Ученый предложила участникам исследовательского комитета провести в 2026 г. рабочий семинар, посвященный проблемам методики и методологии современных девиантологических исследований. Это предложение участники форума активно поддержали.

Было зачитано обращение «патриарха» отечественной девиантологии, многолетнего руководителя исследовательского комитета «Социология девиантного поведения» РОС профессора Я. И. Гилинского (Санкт-Петербург), пожелавшего коллегам содержательного обмена мнениями на Конгрессе, а также продолжения научного общения с зарубежными девиантологами.

Тематическое поле секции: между риском, нормой и адаптацией. Обсуждение докладов на секции с самого начала вышло за рамки узконормативной парадигмы, в рамках которой девиация трактуется исключительно как нарушение социальной (правовой или моральной) нормы. В условиях трансформации нормативных оснований и переосмысления культурных ориентиров отклоняющееся поведение в представленных докладах рассматривалось не только как социальная проблема, но и как форма реакции на усложнение жизненных обстоятельств. Девиация интерпретировалась как противоречивый способ взаимодействия личности и социальной среды, включающий элементы приспособления, поиска идентичности и ответа, в том числе в виде правонарушающих поступков, на локальные и системные институциональные дефициты и несоответствия.

Материалы секции позволили рассматривать современную девиантность как целостное проблемное поле, отражающее трансформацию жизненных стратегий различных социальных групп. В ряде докладов девиация анализировалась как форма реагирования на социальные риски, неопределенность жизненных траекторий и перестройку механизмов социальной поддержки. Подчеркивалось, что подобные социальные практики не обеспечивают устойчивой социальной интеграции и не могут рассматриваться как полноценная альтернатива нормативным моделям жизненного самоопределения. В связи с этим в ходе дискуссии особое значение придавалось сохранению базовых ценностных ориентиров, смыслов, укорененных в культурной и социальной традиции российского общества, и институциональных механизмов социализации как условия устойчивого общественного развития.

В ходе обсуждения были обозначены основные функции девиантных стратегий как форм асоциальной адаптации к ситуации повышенной неопределенности и рисков, а также угроз со стороны современного общества:

Во-первых, функция выживания, связанная с прагматичным приспособлением к экономической нестабильности, правовой неопределенности и отдельным институциональным дефицитам и сбоям, включая обращение к неформальным и цифровым практикам в условиях сочетания долгосрочных последствий трансформационных процессов 1990–2000-х гг. и новых социальных стрессоров последних лет.

Во-вторых, функция ориентации, выражающаяся в поиске альтернативных смысловых и социальных опор в ситуации инерционного воздействия кризисных процессов прошлых десятилетий, а также адаптации к современным изменениям в сфере образования, занятости и социальной мобильности.

В-третьих, функция символической защиты, реализуемая через формирование субкультурных идентичностей, замкнутых сообществ и альтернативных ценностных систем, создающих субъективное ощущение стабильности, контроля и автономии в условиях усложнения социальной среды.

Было подчеркнуто, что данные формы приспособления носят преимущественно ситуативный и компенсаторный характер. В долгосрочной перспективе они нередко приводят к усилению процессов дезадаптации, маргинализации и закреплению зависимых моделей поведения.

В ряде докладов особый акцент делался на социально опасных последствиях девиации, включая рост суицидальных рисков, распространение различных форм зависимости, снижение социальной ответственности и ослабление человеческого потенциала. Отмечено, что в отдельных случаях девиантные практики способны подрывать основы социальной солидарности и усиливать процессы отчуждения, формируя дополнительные риски для личной безопасности и общественной стабильности.

Одновременно обсуждение выявило и встречную тенденцию – компенсаторный поиск позитивной социальной нормы, что проявляется, в частности, в запросе определенной части общества на четкие государственные ориентиры и возврат к традиционным ценностям как к противовесу переживаемой нестабильности. Отдельные исследования фиксировали стремление различных групп к восстановлению устойчивых жизненных ориентиров, признанных моделей успеха и социально одобряемых форм самореализации. Эта линия интерпретировалась как отражение запроса на ценностную определенность, социальную ответственность и институциональную устойчивость, рассматриваемые в качестве ресурса преодоления дезадаптационных процессов. Возможно, этим объясняется всплеск интереса и надежд у определенной части общества по отношению к эпохе сталинизма, несмотря на очевидные трагические (и до конца не выученные) уроки тех лет для страны и общества.

Существенное внимание было уделено трансформации девиантного поведения в условиях цифровизации. Анализировались кибербуллинг, цифровой радикализм, нелегальные онлайн-рынки и иные формы сетевой девиации, рассматриваемые как проявления структурных дисфункций и кризисов идентичности, усиленных воздействием пандемии, геополитической напряженности и экономических ограничений. Отдельно обсуждался феномен неокриминализации, связанный с распространением гибридных форм поведения, сочетающих легальные и нелегальные практики, что требует пересмотра традиционных типологий и исследовательских подходов.

В ходе дискуссии обозначилась методологическая проблематика, связанная с ограниченной применимостью классических теоретических моделей к анализу динамичной и фрагментированной социальной реальности. Это актуализирует задачу обновления понятийного аппарата и развития междисциплинарных стратегий исследования.

Таким образом, проблемное поле секции сформировалось вокруг соотношения нормы и отклонения, адаптации и дезадаптации, индивидуальной ответственности и институциональной регуляции. Обсуждение показало, что современная девиантность представляет собой сложное и противоречивое социальное явление, связанное с трансформацией ценностей и механизмов социальной интеграции.

Эмпирическое поле современных девиаций: формы, факторы и институциональные ответы. Значительная часть докладов секции была посвящена анализу конкретных форм девиантного поведения и асоциальной адаптации, проявляющихся в различных социальных средах и институциональных контекстах. Представленные исследования позволили проследить, каким образом современные социально-правовые риски, состояние неопределенности и трансформация нормативных ориентиров отражаются в повседневных практиках различных групп населения. Интересно, что эта эмпирическая мозаика складывается в своеобразную картографию непрямых высказываний. Через изучение социальных девиаций общество диагностирует свои самые болезненные, часто не артикулируемые напрямую точки роста напряжения.

Доцент С. А. Денисов (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург), выступил с докладом «Имитация конституционного строя как вид конституционной девиации», содержащим пусть не бесспорные, но заслуживающие отдельного внимания настораживающие выводы о современном состоянии политико-правовой системы России и проблематике институциональных трансформаций. В выступлении рассматривались вопросы соотношения формальных нормативных установлений и практик их реализации, а также специфика институционального развития в условиях усложнения общественных процессов. Подчеркивалась значимость дальнейшего научного осмысления данных процессов в контексте укрепления доверия к институтам и повышения эффективности социального регулирования.

Крупная тематическая линия секции касалась девиантности как эмоционально-поведенческого ответа на тревожность и стресс. В докладе М. Е. Поздняковой социальная тревожность рассматривалась как устойчивый фон повседневности, на котором алкоголизация, наркотизация и агрессия проявляются как формы асоциальной адаптации. Например, отмечалась поляризация поведенческих моделей алкогольного поведения: с одной стороны, рост доли трезвенников, с другой – сохранение устойчивых групп регулярных потребителей; сдвиг наркотизации в более латентные (функциональные) формы. Такая поляризация – важный социокультурный симптом. Она отражает раскол в коллективных способах справляться с давлением: часть общества делает ставку на воздержание и самоконтроль как новую норму, другая – закрепляет ритуализированное потребление как привычный механизм адаптации, унаследованный от прошлых социальных эпох. Особое внимание в докладе уделялось нормализации агрессивных практик в семейной, школьной и цифровой среде, а также их связи с эмоциональной уязвимостью и дефицитом конструктивных стратегий совладания.

Одну из рамочных «входных точек» задала доцент И. А. Грошева (Институт деловой карьеры, г. Тюмень, доклад «Молодежь в обществе риска»): внимание докладчика было сосредоточено на том, что именно молодежные группы первыми сталкиваются с ускорением социальных изменений, конкуренцией жизненных сценариев и разрывом между ожиданиями и доступными ресурсами. В этом контексте девиантные практики обсуждались как вероятные «короткие пути» совладания и самопозиционирования, которые дают быстрый эффект, но увеличивают цену ошибки. В этом проявляется одна из коллизий: поколение, формирующее собственную жизненную память, часто вынуждено делать это в условиях, когда традиционные нарративы успеха и взросления теряют свою убедительность, толкая к поиску альтернативных, подчас рискованных, способов самоутверждения.

Похожая проблематика была представлена в докладе И. В. Ангарской, посвященном употреблению алкоголя подростками. На основе обширных эмпирических данных в нескольких регионах России в динамике 2016–2018 и 2020–2024 гг. докладчик продемонстрировала неоднородность подросткового употребления, его связь с возрастными когнитивными особенностями (импульсивность, чувствительность к одобрению, сниженный самоконтроль). Зависимое поведение рассматривалось как ранняя форма компенсаторного реагирования на дефицит поддержки, нестабильность социальных связей и сложности социализации. Подчеркивалась важность профилактической работы, ориентированной не только на контроль, но и на укрепление ресурсов семьи, школы и локального сообщества.

С интересом было выслушано выступление социолога и географа (МГУ имени М. В. Ломоносова) Е. Е. Демидовой, посвященное сравнительно-правовому анализу основных форм девиантности (преступности, отдельно умышленных убийств, наркотизма, суицидов) в развитых странах и России. Дискуссию в аудитории вызвал основанный на многочисленном статистическом материале вывод ученого о том, что число жертв экстремальной агрессии крайне не стабильно как во времени, так и в пространстве. При колоссальном изменении мира за

последние 10–15 лет в результате процессов глобализации, цифровизации, геополитических кризисов и военных конфликтов Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) фиксируют примерно то же число преднамеренных убийств и самоубийств, что и в 2010–2015 гг. По данным этих международных организаций, в мире ежегодно происходит около 400–500 тыс. убийств и почти в два раза больше – 800–900 тыс. – суицидов. Представленные материалы интерпретировались как свидетельство накопленной социальной и психологической перегрузки, при которой традиционные механизмы саморегуляции и поддержки оказываются недостаточными. Суицидальное поведение рассматривалось как индикатор предельных форм дезадаптации, позволяющий выявлять структурные дефициты социальной среды, слабые звенья системы социальной поддержки и группы повышенного риска. В связи с этим подчеркивалась необходимость развития комплексных профилактических, реабилитационных и просветительских программ, ориентированных на раннее выявление неблагополучия и укрепление адаптационного потенциала уязвимых групп.

Важной темой обсуждения стала проблема разрыва образовательных и трудовых траекторий молодежи. В докладе кандидата социологических наук Я. А. Ардельяновой (Институт социологии РАН) феномен NEET рассматривался в амбивалентной перспективе – как возможная вынужденная адаптационная стратегия (временная пауза, уход от перегрузки, попытка переоценки жизненных планов) и одновременно как форма трудовой девиации, сопряженная с рисками социальной эксклюзии и вовлечения в девиантные практики. Это, пожалуй, один из самых ярких примеров трансформации нормы: добровольная бездеятельность, немислимая в индустриальную эпоху как массовое явление, сегодня становится если не легитимной, то хотя бы понятной формой паузы в условиях, когда прежние модели карьеры и успеха перестают работать.

В ходе анализа были выделены субъективные и объективные факторы выпадения из сфер образования и занятости, включая институциональные противоречия, психологические трудности и дефицит профессиональных ресурсов. Особое внимание было уделено внутренней дифференциации данной группы, в частности, различиям между вынужденной безработицей и устойчивой экономической неактивностью. Подчеркивалось, что длительное пребывание в статусе NEET связано с утратой социальных и профессиональных навыков, пролонгацией зависимых и инфантильных моделей поведения, а также ростом социальной уязвимости и рисков долгосрочной дезадаптации.

Отдельный блок докладов был посвящен символическим и квазидуховным формам адаптации. В исследовании Т. А. Хагурова анализировались процессы трансформации религиозного сознания в постсекулярном обществе, распространение идей «Нью-Эйдж» и новых религиозных движений среди молодежи. Отмечалось формирование эклектичных мировоззренческих конструкций, сочетающих элементы традиционной религиозности, эзотерики и популярной психологии. Эти практики интерпретировались как формы индивидуализированного поиска смыслов в условиях ценностной неопределенности.

Тему развила кандидат социологических наук В. В. Брюно (Институт социологии РАН) в своем докладе, посвященном рынку оккультно-эзотерических услуг в современной России. Анализ показал, что данный сегмент представляет собой институционализированное пространство эмоционального копинга, ориентированное на работу с тревожностью, неопределенностью и экзистенциальными запросами клиентов, но одновременно обладающее выраженным девиантогенным потенциалом. Подчеркивались его коммерциализация, сегментация и устойчивость, а также широкое использование манипулятивных практик, симуляции экспертизы и псевдонаучной риторики. Отмечалось, что подмена профессиональной психологи-

ческой, медицинской и социальной помощи эзотерическими услугами способствует формированию зависимых моделей поведения, снижению критического мышления и воспроизводству уязвимости клиентов. Этот рынок по сути торгует готовыми «интерпретационными ключами» к реальности, предлагая простые ответы на сложные вопросы и тем самым формируя специфическую память будущего, набор предсказаний и обещаний, который подменяет рациональное планирование и работу с настоящим. В этом ракурсе рынок оккультно-эзотерических практик рассматривался как элемент девиантной экономики внимания, институционально закрепляющий социальную тревожность и переводящий ее в коммерческий ресурс.

Социально-правовые и институциональные аспекты девиантности были рассмотрены в ряде докладов, ориентированных на анализ механизмов контроля и регулирования. Так, в выступлении доктора психологических наук, профессора Ю. Ю. Комлева (Казанский юридический институт МВД России) рассматривались проблемы цифрового социального контроля над киберпреступностью, включая вопросы подготовки киберполицейских, развития междисциплинарных компетенций и адаптации правоохранительных структур к условиям цифровизации. Отмечалась необходимость институционального обновления и системной подготовки кадров для эффективного противодействия новым формам девиаций в сетевой среде.

Эмпирический анализ миграционной преступности был представлен в совместном докладе ученых Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского кандидата социологических наук, доцента С. Л. Таланова, кандидата биологических наук М. В. Бочарова и С. А. Чуканова. На основе исследования осужденных иностранных граждан в Ярославской области было показано, что криминализация миграционных потоков во многом связана с трудностями социокультурной адаптации, ограниченным доступом к легальной занятости, жилью и образовательным ресурсам. Сформулирован вывод о необходимости сочетания контрольных мер с программами интеграции и просвещения мигрантов. В ходе проведенного социологического исследования был выявлен тревожный тренд, требующий тщательного анализа и разработки комплексных мер по его нейтрализации. Согласно полученным данным, значительная доля мигрантов, составляющая 60 % от общего числа, имела судимость до момента их въезда на территорию Российской Федерации. Данный факт указывает на наличие системных проблем в сфере миграционной политики и требует детального изучения в контексте криминологических и социально-экономических факторов, влияющих на данный феномен.

Вопросы ценностного выбора и нормативной лояльности рассматривались в докладах студентов второго курса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ И. А. Левковского и В. В. Пономарёвой. В первом исследовании анализировалась лудомания как форма зависимого поведения, связанная с иллюзией быстрого достижения успеха, компенсаторными механизмами преодоления социальной неуверенности и дефицитом устойчивых жизненных стратегий. Отмечалось, что вовлечение в азартные практики нередко выступает способом ухода от структурных ограничений и неопределенности, формируя риски финансовой дезадаптации и социальной изоляции. Особое внимание уделялось профилактическому потенциалу институциональных и социокультурных механизмов сдерживания игровой зависимости.

Доклад В. В. Пономарёвой был посвящен эмиграции в период специальной военной операции, интерпретируемой как форма групповой девиации в условиях трансформации коллективной идентичности и нормативных ориентиров. Эмиграционные стратегии рассматривались в контексте размывания привычных моделей гражданской лояльности, ценностной поляризации и переосмысления индивидуальной ответственности. Здесь тема памяти вышла на первый план в своем самом прямом и политическом значении. Эмиграция в кризисный

период может быть рассмотрена как своеобразный жест по отношению к коллективной судьбе, болезненный разрыв с общей линией времени, которую пытается выстроить и закрепить государственный нарратив. В докладе обосновывалось, что миграционные решения формируются под воздействием как макросоциальных факторов, так и субъективных установок, связанных с ощущением неопределенности, тревожности и снижением доверия к социальным институтам. Прозвучавший вывод о квалификации феномена современной эмиграции исключительно в качестве негативного в ходе дискуссии был признан недостаточно аргументированным.

В целом оба доклада акцентировали внимание на взаимосвязи индивидуальных выборов с более широкими процессами социальной дезинтеграции и нормативной нестабильности.

Наконец, в докладе К. В. Харабета рассматривались криминогенные риски, препятствующие достижению национальных целей развития, а также возможные механизмы их нейтрализации. Особое внимание уделялось взаимосвязи социальной нестабильности, правовых пробелов и девиантных практик, а также роли профилактической и управленческой политики. Был проанализирован мало исследованный в научном плане вопрос предупреждения криминогенных рисков, препятствующих достижению национальных целей, заявленных в Указе Президента России от 7 мая 2024 г. № 309. Ученый обратил внимание на недостаточную проработку в контексте достижения основных национальных целей стратегических и прикладных вопросов профилактики негативного девиантного поведения, которые в нормативном плане оказались не связанными с действующими стратегиями, планами и программами (федерального и регионального уровня), направленными на предупреждение (противодействие) опасных видов правонарушающего (девиантного) поведения.

В целом анализ представленных докладов позволяет заключить о формировании комплексного эмпирического поля современной девиантологии, в рамках которого отклоняющееся поведение рассматривается как результат взаимодействия индивидуальных уязвимостей, институциональных сбоев, культурных трансформаций и социально-экономических ограничений. Современные формы девиации все чаще проявляются как асоциальные стратегии адаптации к неопределенности, сопровождающиеся поиском альтернативных ресурсов выживания, идентичности и символической поддержки. Это актуализирует необходимость междисциплинарных исследований, ориентированных на укрепление нормативных ориентиров, развитие институтов социализации и формирование устойчивых моделей социальной интеграции.

Заключение

Обсуждение в рамках секции продемонстрировало широкий спектр теоретических и ценностных позиций, включающих как преимущественно нормативно-традиционалистские, так и более модернистские и постмодернистски ориентированные интерпретации девиантного поведения. В ряде случаев различия в подходах были принципиальными и отражали разные исследовательские и мировоззренческие установки. Вместе с тем дискуссия разворачивалась в пространстве высокой академической культуры, с уважением к альтернативным точкам зрения и стремлением к содержательному диалогу.

Несмотря на методологическое и интерпретационное разнообразие, участники секции во многом сходились в оценке основных рисков современного социального развития и в понимании ограниченности девиантных стратегий как форм асоциальной адаптации. В большинстве выступлений отмечалось, что подобные практики не обеспечивают устойчивой интеграции и в долгосрочной перспективе сопряжены с процессами дезадаптации, стигматизации, маргинализации и утраты социальных ресурсов, равно как и привлечением к юридической ответственности, тем более в условиях нетолерантного отношения современного государства

к любому проявлению инаковости, расширению «запретительного» законодательства и ужесточению практики его применения.

В ходе дискуссии особое значение придавалось вопросам профилактики, воспитания и социальной поддержки, направленным на укрепление ценностных оснований общества, развитие ответственности и формирование устойчивых моделей жизненного самоопределения. Обсуждение показало, что запрос на нормативную определенность, социальную солидарность и институциональную устойчивость остается важной составляющей современного общественного сознания.

В целом работа секции подтвердила, что девиантология в современных условиях выступает не только как область регистрации социальных отклонений, но и как пространство рефлексии над границами нормы, механизмами социальной интеграции и условиями воспроизводства общественной устойчивости. Представленные доклады и развернувшиеся дискуссии задали продуктивное направление для дальнейших исследований, ориентированных на сочетание научной строгости, социальной ответственности и ценностной чувствительности.

По итогам работы секции ее участники также констатировали особую актуальность расширения «полевых» девиантологических исследований в стране и их тематики, вовлечения в научное творчество молодого поколения социологов. Констатировались имеющиеся организационно-правовые и технические проблемы, возникающие при проведении социологических исследований в современных условиях по ряду актуальных направлений в силу известных правовых и политико-идеологических ограничений, а также цензуры.

Основным вызовом для современной российской девиантологии становится разработка аналитического языка, способного описывать девиацию одновременно и как симптом глубоких социальных трансформаций, и как активный, хотя и нередко деструктивный, процесс поиска субъектности. Решение данной задачи предполагает отказ как от упрощенного морализаторства, так и от методологического релятивизма в пользу комплексного анализа, учитывающего структурные, культурные и психологические измерения отклоняющегося поведения и ориентированного на укрепление адаптационного и интеграционного потенциала общества.

Информация об авторах

Виктория Владимировна Брюно – старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат социологических наук, ученый секретарь исследовательского комитета «социология девиантного поведения» Российского общества социологов.

Константин Васильевич Харабет – исполнительный директор Фонда содействия научным исследованиям в области правового обеспечения безопасности человека имени профессора А. А. Тер-Акопова, кандидат юридических наук, доцент, руководитель исследовательского комитета «социология девиантного поведения» Российского общества социологов.

About the authors

Victoria V. Bryuno – Senior Research Fellow at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Soc.); and Academic Secretary of the “Sociology of Deviant Behavior” Research Committee of the Russian Sociological Association.

Konstantin V. Kharabet – Executive Director of the Foundation for Research into the Legal Framework for Human Security named after Professor A.A. Ter-Akopov; Cand. Sci. (Jurid); Docent. Head of the Research Committee on the Sociology of Deviant Behavior at the Russian Sociological Society.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contributions

The authors made an equal contribution to the design of the study, the analysis of the results and the drafting of the manuscript. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Поступила в редакцию 16.02.2026

Одобрена после рецензирования 10.03.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted February 16, 2026

Approved after reviewing March 10, 2026

Accepted April 28, 2026

Обзорная статья

УДК 316.624

«Девиантность и деструктивность в контексте молодежной политики: проблемы, новые вызовы и подходы к решению»: обзор совместного заседания научных советов Российской академии образования

Кирилл Витальевич Злоказов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
kzlokazov@mvd.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Аннотация

Введение. 26 февраля 2026 года состоялось совместное заседание двух научных советов при Российской академии образования, посвященное проблемам девиантного и деструктивного поведения несовершеннолетних. Актуальность заседания обусловлена необходимостью рефлексии существующих подходов к профилактике ввиду развития различных форм девиаций и деструктивного поведения, детерминированных современным состоянием институтов семьи и школы. **Методы.** Ведущие российские ученые представили оценки предпосылок и форм девиантного и деструктивного поведения несовершеннолетних, основанные на результатах статистических данных, теоретических и эмпирических исследований девиантного и деструктивного поведения в образовательной, семейной, неформальной системах отношений. Применялась методология теоретических исследований, позволяющая обобщить, конкретизировать сведения о предмете исследования. **Результаты.** Участники заседания обсудили двойственную роль семьи как ключевого фактора и профилактики, и риска деструктивного поведения, возможностей школы для оказания психолого-педагогического противодействия проявлениям деструктивности (агрессии, буллинга, вооруженных нападений). Констатирована разнонаправленность проявлений агрессивного-насильственного поведения несовершеннолетних, обусловленная социально-экономическими, культурными и технологическими факторами. Установлено, что применяемые в настоящее время профилактические меры нуждаются в совершенствовании. Подчеркнута необходимость смены локальных подходов на интегративную и средовую стратегии психолого-педагогической профилактики. **Обсуждение и заключение.** Отмечено, что для повышения эффективности профилактики девиаций и деструктивного поведения требуется комплексная межведомственная работа, усиление подготовки специалистов и внедрение научно обоснованных программ, учитывающих особенности несовершеннолетних, социально-экономических, культурных и психологических факторов, обуславливающих девиантное и деструктивное поведение. Итогом заседания стало решение о разработке конкретных практических рекомендаций на основе прозвучавших предложений.

Ключевые слова

профилактика деструктивного поведения, школьные девиации, противодействие девиантному поведению обучающихся, агрессивное-насильственное поведение обучающихся

Для цитирования: Злоказов, К. В. (2026). «Девиантность и деструктивность в контексте молодежной политики: проблемы, новые вызовы и подходы к решению»: обзор совместного заседания научных советов Российской академии образования. *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 177–186.

Review

"Deviance and destructiveness in the context of youth policy: problems, new challenges, and approaches to solutions": a review of the joint meeting of the scientific councils of the Russian Academy of Education

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

kzlokazov@mvd.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Abstract

Introduction. On February 26, 2026, a joint meeting of two scientific councils under the Russian Academy of Education was held, dedicated to the problems of deviant and destructive behavior among minors. The relevance of the meeting is driven by the need to reflect on existing approaches to prevention due to the development of various forms of deviance and destructive behavior determined by the current state of family and school institutions. **Methods.** Leading Russian scholars presented assessments of the preconditions and forms of deviant and destructive behavior among minors, based on the results of statistical data, theoretical and empirical research on deviant and destructive behavior in educational, family, and informal systems of relations. **Results.** The meeting participants discussed the dual role of the family as a key factor in both the prevention and risk of destructive behavior, as well as the potential of schools to provide psychological and pedagogical counteraction to manifestations of destructiveness (aggression, bullying, armed attacks). The multidirectional nature of manifestations of aggressive and violent behavior among minors, determined by socio-economic, cultural, and technological factors, was noted. It was established that currently applied preventive measures need improvement, and the necessity of transitioning from local approaches to an integrative and environmental strategy of psychological and pedagogical prevention was emphasized. **Discussion and Conclusion.** It was noted that improving the effectiveness of preventing deviance and destructive behavior requires comprehensive interagency work, enhanced training of specialists, and the implementation of evidence-based programs that take into account the characteristics of minors as well as the socio-economic, cultural, and psychological factors that determine deviant and destructive behavior. The outcome of the meeting was the decision to develop specific practical recommendations based on the proposals presented.

Keywords

prevention of destructive behavior, school deviance, countering deviant behavior of students, aggressive and violent behavior of students

For citation: Zlokazov, K. V. (2026). "Deviance and destructiveness in the context of youth policy: problems, new challenges, and approaches to solutions": a review of the joint meeting of the scientific councils of the Russian Academy of Education. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 177–186.

26 февраля 2026 года в Российской академии образования состоялось совместное заседание Научного совета по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся и Федерального научно-координационного совета по вопросам семьи и детства. Руководителем заседания выступил председатель данных советов, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета **Артур Александрович Реан**.

В заседании приняли участие ведущие российские ученые, занимающиеся проблематикой девиантности и деструктивности несовершеннолетних и молодежи, а также сотрудники Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения МПГУ. Предметом обсуждения стало многообразие форм деструктивного поведения подростков и молодежи, представляющее новые вызовы для сформированной в настоящее время системы профилактики; новые модели воспитательной и профилактической работы в образовательной организации, которые представляли бы альтернативу клиническому подходу; проблематика «трансляции» концептуальных и научных разработок в программы профилактики деструктивного поведения в школах; проблемы и потенциальные «точки роста» в организации и реализации профилактики деструктивного поведения в образовательной среде, значение семьи как превентивного фактора деструктивного поведения подростков и молодежи.

В начале заседания **А. А. Реан** призвал собравшихся почтить минутой молчания память академика Российской академии образования **Владимира Самуиловича Собкина** (10.09.1948 – 25.11.2025), который являлся активным участником работы обоих советов с момента их осно-

вания и внес большой вклад в разработку проблем профилактики девиантного и деструктивного поведения несовершеннолетних. Во вступительном слове **А. А. Реан** дал оценку состоянию научно-методического сопровождения профилактической работы с несовершеннолетними и молодежью, отметив состоятельность существующих методов противодействия негативным последствиям деструктивного поведения. Вместе с тем он указал на недостаток профилактических программ, снижающих риск проявления данных форм поведения. Выступающий сделал акцент на двойственной роли семьи. «Все мы понимаем, что семья является важнейшим фактором профилактики деструктивного поведения и агрессии – это все знают, про это пишут и говорят, – высказался А. А. Реан. – Но меньше пишут о том, что семья является и фактором риска деструктивного поведения» (Реан & Ставцев, 2024). Нередко профилактика отдельных форм агрессивного и деструктивного поведения обучающихся не приводит к успеху, поскольку выясняется, что семья в той или иной мере способствует его проявлению. В связи с этим значение семьи в контексте профилактики девиантного и деструктивного поведения нуждается в переосмыслении. Анализ программ показывает, что наиболее эффективный и долговременный результат достигается при профилактике, ориентированной на работу со средой, а не только с жертвой или агрессором (Гогиберидзе и др., 2025).

В последующих выступлениях участников заседания тезисы **А. А. Реана** нашли поддержку и развитие.

Первым выступил доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института педагогики и психологии МПГУ **Георгий Меджидович Гогиберидзе**, отметивший ряд негативных тенденций в деструктивном поведении обучающихся. Докладчик констатировал, что, несмотря на наличие агрессивности как черты, традиционно присущей подросткам, в последние 3–4 года наблюдается тенденция к усилению ее проявлений и росту их опасности. По данным Генеральной прокуратуры, «в 2025 году на 10,1 % выросло количество подростковой преступности по сравнению с 2024-м, а в 2024-м примерно настолько же выросло по сравнению с 2023-м¹».

Мультифакторный комплекс причин повышения агрессии, по его мнению, включает и социально-экономические, и культурные, и генетические факторы, и, конечно же, семейные. В связи с этим он упомянул феномен аутизации социума (термин предложен М. К. Бардышевой²), выражающийся в снижении эмоциональной чувствительности к насилию под влиянием цифровых технологий и компьютерных игр. «Но нельзя сбрасывать со счетов – отметил Г. М. Гогиберидзе, – что мы уже пятый год находимся в условиях, когда недружественные страны видят в подростках целевую аудиторию и через цифровые технологии серьезно влияют на них».

Оценивая меры по снижению риска деструктивного поведения, которые предлагаются в околопедагогическом сообществе (усиление охраны школ, запрет компьютерных игр или контроль ученических аккаунтов), докладчик отметил, что их применение вряд ли можно считать эффективным. По мнению Г. М. Гогиберидзе, мировая практика и результаты научных исследований свидетельствуют о том, что решение проблемы лежит в иной плоскости – плоскости воспитания³. «Сегодня наработан серьезный психолого-педагогический

¹ ТАСС. (2026, Январь 3). *Генпрокуратура: в РФ в 2025 году подростковая преступность выросла на 10%*. <https://tass.ru/obschestvo/26077051>

² Lenta.ru. (2026, Февраль 5). *В России назвали причину агрессии нападающих на учителей и одноклассников детей*. <https://lenta.ru/news/2026/02/05/v-rossii-nazvali-prichinu-agressii-napadayuschih-na-uchiteley-i-odno-klassnikov-detey/>

³ Волкова, Е. Н., Гогиберидзе, Г. М., Егорова, А. В., ... [и др.] (2023). *Психология воспитания и профилактика девиантного поведения*. Московский педагогический государственный университет. <https://doi.org/10.31862/9785426313057>

инструментарий, созданный в контексте современных вызовов, – отметил докладчик. – Например, методики обеспечения комплексной безопасности образовательной среды – их разрабатывал безвременно ушедший коллега **Владимир Самуилович Собкин**. Но эти методики не реализованы». Проблема, препятствующая организации профилактической работы в школе, по его словам, это дисбаланс ответственности и обязанностей учителей и школьных психологов. В связи с этим, считает Г. М. Гогиберидзе, сегодня необходимо задуматься о создании института омбудсменов, которые могли бы защищать права участников образовательных отношений – учителей, обучающихся и их родителей.

Далее слово было предоставлено доктору психологических наук, профессору, академику Российской академии образования, вице-президенту Российской академии образования, заместителю директора по научной деятельности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге **Ларисе Александровне Цветковой**. В начале выступления она отметила, что в детерминации деструктивного поведения не следует выделять отдельные виды факторов или противопоставлять их друг другу. «Сложные виды поведения, к которым относятся и разные виды деструктивного поведения, как правило, сложно детерминированы, – акцентировала Лариса Александровна. – Мы часто можем обнаружить их клиническую основу, как правило, в ходе диагностики психических расстройств, которые наступают до пубертата, до 14 лет. Данные факторы не всегда распознаются, но не только существуют, а еще и усиливаются накладывающимися на них негативными социально-психологическими факторами».

В связи с этим представляет актуальность комплексный подход к подготовке психологов, ориентированный на профилактику деструктивного поведения. Л. А. Цветкова подчеркнула: «Необходимо выделить специальный вид подготовки психологов – умение разрабатывать профилактические программы, внедрять их и оценивать эффективность». По ее мнению, психолог должен уметь выделять факторы риска и группы риска, определять мишени профилактического воздействия, планировать его, затем осуществлять и оценивать его эффективность. Говоря о семье, Л. А. Цветкова подкрепила выводы результатами собственных исследований. Докладчик констатировала, что в обществе наблюдается нормализация девиантности, вызванная демонстрацией модели насильственного решения любых возникающих вопросов. Учитывая, что в современной семье снижается частота обсуждения разных видов деструктивного поведения, риск проявления насилия возрастает, поскольку они не находят соответствующей оценки со стороны значимого окружения подростка. Завершая выступление поддержкой средовой стратегии профилактики деструктивного поведения, Л. А. Цветкова отметила, что любые виды буллинга имеют место только тогда, когда есть зрители, поскольку это социально-психологический феномен. Таким образом, профилактика буллинга должна учитывать как клинические основания, так и социально-психологические факторы.

В выступлении доктора психологических наук, руководителя лаборатории психологии детского и подросткового возраста Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, профессора кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета **Елены Георгиевны Дозорцевой** были представлены результаты исследований несовершеннолетних, совершивших противоправные действия деструктивного характера. По ее оценке, мотивация совершения диверсионных действий может быть разделена на идеологическую, материальную и манипулятивную. В последнем случае, отметила Е. Г. Дозорцева, «совершенно просоциальные, очень положительные подростки попадают на уловку манипуляции и обмана, думая, что защищают Родину, что совершают благое дело для правоохранительных органов, поджигают автомобили,

реле на железной дороге». Подчеркивая значение клинических факторов в формировании деструктивного поведения в школе, Е. Г. Дозорцева согласилась с Л. А. Цветковой в том, что «в значительном количестве случаев есть психическая патология... У тех подростков, которые совершали нападения в школах, – если бы обратили внимание заранее, тяжелых последствий можно было бы избежать».

В связи с этим Е. Г. Дозорцева обратила внимание присутствующих на взаимодействие сфер образования и медицины, которое в настоящее время зависит «от доброй воли родителей и самого подростка», поскольку у педагогов-психологов нет компетенций, которые позволяли бы выделять признаки риска деструктивного поведения клинического уровня. Докладчик привела примеры «Навигатора профилактики», диагностического инструмента, предназначенного для педагогического работника, который по конкретным признакам поведения обучающегося позволяет понять вероятность риска девиантного поведения⁴, его подверженности виктимизации⁵, проблемам, которые могут возникнуть у ребенка при взаимодействии в цифровой среде⁶.

В выступлении доктора психологических наук, доцента начальника научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России **Кирилла Витальевича Злоказова** вниманию собравшихся была предложена оценка латентности школьных инцидентов.

«Школьные ситуации обладают очень высокой латентностью, – отметил К. В. Злоказов, – а достоянием общественности часто становятся только те происшествия, которые в дальнейшем выступают предметом гражданско-правового, административного или даже уголовного разбирательства. А менее тяжкие инциденты каждая школа пытается разрешить самостоятельно». Вместе с тем исследования показывают, что поведенческие проявления, связанные с применением холодного или огнестрельного оружия в школах, находят свое выражение задолго до момента нападения (Злоказов, 2023). Более того, учителя и классные руководители не всегда способны обобщить весь объем поведенческих сигналов от конкретного обучающегося, оценивать их в динамике развития и сообщать об этом социальному педагогу и другим лицам, ответственным за проведение воспитательной работы. Возможно, было бы целесообразно вести реестр информации о таких инцидентах, которые, по данным различных исследований, могут указывать на риск совершения обучающимися в дальнейшем более опасного действия. Говоря о психологических аспектах профилактики деструктивного поведения, К. В. Злоказов отметил дефицит инструментов психологической диагностики внутриличностных механизмов его блокировки – вины, стыда и раскаяния. Изучая их на выборах криминогенных лиц, докладчик поделился с присутствующими феноменологией их трансформации. Для вины она выражается в подчинении субкультурным нормам асоциальных сообществ, а стыда –

⁴ Богданович, Н. В., Вихристюк, О. В., Дворянчиков, Н. В., Делибалт, В. В., & Дозорцева, Е. Г. (2022). *Навигатор профилактики девиантного поведения: Методические материалы по признакам девиаций, действиям специалистов системы образования в ситуациях социальных рисков и профилактике девиантного поведения обучающихся*. ФГБОУ ВО МГППУ. https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour

⁵ Делибалт, В. В., Дозорцева, Е. Г., Борисенко, Е. В., Богданович, Н. В., & Дворянчиков, Н. В. (2024). *Навигатор профилактики виктимизации детей и подростков: Версия 1.0: Методические материалы по алгоритмам действий специалистов в ситуациях выявления тревожных факторов поведения несовершеннолетних обучающихся, свидетельствующих о совершаемых противоправных посягательствах в их отношении, в том числе против половой неприкосновенности*. ФГБОУ ВО МГППУ. https://mgppu.ru/about/publications/prevention_of_victimization

⁶ Богданович, Н. В., Делибалт, В. В., Дозорцева, Е. Г., & Дворянчиков, Н. В. (2025). *Навигатор профилактики социальных рисков детства в цифровой среде: Версия 1.0: Методические материалы и памятки для специалистов по алгоритмам действий, направленных на предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деструктивные группы, признаков девиантного поведения онлайн детей и подростков с учетом рисков, выявленных в цифровой среде*. ФГБОУ ВО МГППУ. https://mgppu.ru/about/publications/prevention_digital_risk

размывается с каждым вновь совершенным преступным деянием, пока окончательно не распадется и перестанет приводить к раскаянию за совершение антиобщественных действий. Учитывая значение этих внутриличностных механизмов в профилактике деструктивного поведения, актуальным является их научно-методическое изучение.

Доктор психологических наук, профессор, директор Института педагогики, психологии и социальных технологий, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск) **Александр Аркадьевич Баранов** обратился к содержанию образовательных программ подготовки психологов, позволяющих выпускникам результативно осуществлять профилактическую работу с родителями, педагогами, учениками.

Оценивая способность школьных психологов на примере случая стрельбы в школе в г. Ижевске, А. А. Баранов задался вопросами: «Что должен уметь школьный психолог? Какими компетенциями владеть?». Докладчик отметил, что значительный объем подготовки ориентирован на развитие способностей осуществления учебно-методической работы – составлять учебные планы, конспекты уроков, вовлекать родителей в процесс воспитания и обучения. «И только в рамках профессиональной компетенции – а это доля от профессионализации, – констатировал А. А. Баранов, – университеты могут предлагать то, что связано с психодиагностикой, психопрофилактикой, консультированием и коррекцией».

Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, декан факультета социальной психологии, заведующая кафедрой социальной психологии Гуманитарного университета в г. Екатеринбурге **Ольга Юрьевна Зотова** познакомила присутствующих с результатами исследования представлений обучающихся о психологической безопасности в интернет-среде.

Она привела результаты исследования среди учащихся 5–11-х классов (больше тысячи детей от 11 до 18 лет из относительно благополучных семей). «Мы выяснили, – констатировала О. Ю. Зотова, – что если ребенок чувствует себя психологически безопасно в сетевых сообществах, он не боится писать сообщения, удовлетворен сетями, легко обменивается с теми, кто ему нравится». Таким образом, чем более психологически безопасно ребенок себя ощущает, тем меньше у него выражены депрессивные симптомы. Вместе с тем, отметила докладчик, с точки зрения психологической способности противостоять рискам виктимизации наиболее уязвимыми являются обучающиеся пятых-седьмых классов. В ходе опроса 40 % пятиклассников ответили, что спокойно могут встречаться с незнакомыми людьми, с которыми познакомились в сети. Только с восьмого-девятого класса появляются способности противостоять негативному контенту, кибертравле, манипуляции, умение распознать признаки травли и сохранить самооценку и контроль над ситуацией. Согласно результатам исследования О. Ю. Зотова конкретизировала, актуальной становится разработка рекомендаций для школьных психологов по формированию психологической безопасности в разных возрастных группах обучающихся.

Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологической антропологии Московского педагогического государственного университета **Лидия Бернгардовна Шнейдер** обратилась к социально-средовым вызовам, стоящим перед системой профилактики деструктивного и девиантного поведения. «Новые вызовы для системы профилактики носят глубинный характер, – отметила Л. Б. Шнейдер. – В их числе меняющееся понятие нормы в современном мире, приводящее к тому, что норма — это то, что конструируется самим человеком; трансформация семьи в симулякр, сохраняющий биологическую основу, но теряющий ментальное влияние на подрастающее поколение, замещаясь искусственным интеллектом и виртуальными собеседниками; межпоколенческий разрыв, существующий не только между разновозрастными членами семьи, но наблюдаемый даже между старшими и младши-

ми детьми; снижение социальной субъектности, вызывающее вовлеченность несовершеннолетних в мошеннические схемы не только в качестве жертв, но и в соучастии, эмоционально одобряемом ими. Раскрывая феномены современной социальной среды, Л. Б. Шнейдер акцентировала внимание присутствующих на научно-методическом обеспечении воспитательной работы с несовершеннолетними, представив подготовленное ею с коллегами пособие⁷. Завершая выступление рассмотрением проблематики современной семьи, Л. Б. Шнейдер отметила, что содержание семьи образуют гармоничные отношения между мужем и женой, сохранение и развитие родства, ответственное, компетентное и осознанное родительство.

В выступлении кандидата психологических наук, доцента, руководителя отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья, ведущего научного сотрудника кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова **Сергея Николаевича Ениколопова** был представлен анализ проблем, агрессии и насилия в образовательных организациях.

Характеризуя латентность их проявлений, С. Н. Ениколопов отметил использование насилия для удержания статусной позиции в неформальном учебном коллективе. Приводя результаты собственных исследований, С. Н. Ениколопов констатировал, что «под буллингом очень часто скрывается борьба за место в иерархии класса», поэтому данную форму поведения следует отличать от систематического издевательства и вымогательства (Ениколопов и др., 2022). Рассматривая проблему современной семьи, докладчик обратился к ее нестабильности: «Нередко продолжительность жизни в браке составляет 9 лет, поэтому ребенок до перехода во взрослую жизнь может увидеть двух–трех родителей». Как следствие, перед школьными психологами сегодня стоят серьезные вызовы, требующие соответствующей подготовки, в первую очередь, клинической. Являясь форпостом психологической помощи, школьный психолог нуждается в расширении блока клинической психологии, позволяющем сопровождать аутоагрессивное и деструктивное поведение обучающихся.

Доктор психологических наук, академик РАО, профессор, академик-секретарь отделения психологии и возрастной физиологии РАО, член Президиума РАО **Сергей Борисович Малых** подчеркнул, что общество ожидает от научно-психологического сообщества сдвигов в профилактике деструктивного поведения подростков.

Описывая условия психологической работы с подростками с деструктивным поведением, он обозначил глубинный сдвиг в массовом сознании: «За последние годы произошел транзитивный переход от коллективистического общества к индивидуализму. Как следствие, в практике все чаще мы видим явления, которые раньше считали западными, а методы, которые работали ранее, неэффективны в современных условиях». В представлении С. Б. Малых, дальнейшее развитие системы профилактики нуждается в реконструировании межведомственного взаимодействия для интеграции различных сведений о ребенке в интересах оказания ему психологической помощи. Это будет способствовать дифференциации психологической профилактики исходя из запросов конкретных категорий детей, что в целом повысит ее эффективность.

Доктор психологических наук, академик РАО, профессор, заведующий кафедрой психологии развития личности Московского педагогического государственного университета, вице-президент РАО **Виктор Стефанович Басюк** констатировал многоаспектность проблематики девиантного и деструктивного поведения, преодоление которой требует вовлечения не только специалистов Российской академии образования, но и профессионального психологического сообщества.

⁷ Шнейдер, Л. Б., & Зыкова, М. Н. (2024). *Воспитание: лицом к России. Основы гражданско-патриотической работы со школьниками*. Государственный университет просвещения.

Давая оценку сформированной в школе системы профилактики деструктивности, В. С. Басюк подчеркнул, что ключевая роль школьного психолога заключается в том, чтобы выступить маршрутизатором, который диагностирует проблему и помогает родителям и школе определить траекторию движения к специалисту, необходимому обучающемуся исходя из его индивидуальной нуждаемости. Круг специалистов широк, поскольку в современной семье и школе могут культивироваться формы девиации, преодоление которых требует развития ценностно-смысловых установок обучающихся. В. С. Басюк отметил, что деятельное вовлечение самих обучающихся в практику противодействия деструктивности является результативным: «Привлечение школьников в службу примирения – самый эффективный способ профилактики. Когда ребенок включается в службу примирения, появляется тот самый смысл, ценностно-смысловая потребность и установка». В качестве меры совершенствования научно-методического сопровождения различных форм девиаций и деструктивного поведения обучающихся В. С. Басюк предложил обобщение и издание сборника наиболее эффективных методик, подготовленных участниками заседания – членами Советов, под эгидой Российской академии образования.

Доктор психологических наук, академик РАО, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии Московского института психоанализа, руководитель Центра изучения личности в цифровой и смешанной реальности Московского института психоанализа, заместитель заведующего кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова **Галина Владимировна Солдатова** обратила внимание присутствующих на необходимость профилактики подверженности несовершеннолетних идеологии неонацизма. Подростковый возраст характеризуется высокой восприимчивостью к идеологическим и эмоционально окрашенным посланиям, отметила Г. В. Солдатова, что в совокупности с поиском идентичности и потребностью принадлежности к группе помещает подростков в зону риска радикализации. В связи с этим целесообразно вернуться к профилактике ксенофобии, сделав упор на формирование критического мышления, медиаграмотности, поддержку положительной социальной идентичности и работу с когнитивными искажениями. Характеризуя актуальные формы профилактической работы, в том числе в связи с сохранением и защитой традиционных ценностей, Г. В. Солдатова сосредоточилась на проблеме распространенности ненормативной лексики в среде несовершеннолетних. Общая либерализация речевых норм во взрослом обществе приводит к интернализации детьми нецензурной лексики. Учитывая, что «родители, педагоги, блогеры и персонажи медиапродуктов используют ненормативную лексику как привычный и социально приемлемый способ общения», ее значение для подростков переходит из речевой сферы в психологическую и социально-психологическую. Мат для подростков участвует в сепарации и групповой идентификации («маркер своих»), позволяет осуществить эмоциональную разрядку, снять коммуникативный дефицит, выразить протест. Считая тему более чем актуальной, Г. В. Солдатова подчеркнула, что попытки бороться с ненормативной лексикой исключительно через запретительные, карательные меры не только малопродуктивны, но и контрпродуктивны: «Если мы будем фокусироваться на самих словах без учета функций, которые они выполняют для ребенка, мы подменим причины следствиями». Завершая выступление, Г. В. Солдатова резюмировала: «Любые программы по профилактике агрессивного поведения и насилия среди несовершеннолетних должны включать компонент работы с ненормативной лексикой как обязательную часть, потому что это начало того, с чем мы пытаемся бороться».

Подводя итоги заседания, **А. А. Реан** отметил, что в ходе докладов прозвучала экспертная оценка состояния и проблем профилактики девиантного и деструктивного поведения. Заседание позволило определить критически значимые области, требующие привлечения научного и профессионального сообщества: состояние института семьи и его значение в противодействии

деструктивности, а также роль школы и ключевых специалистов – школьных и клинических психологов, осуществляющих работу с несовершеннолетними в школе и за ее пределами. Завершая заседание, А. А. Реан призвал докладчиков доработать и представить конкретные практические предложения по прозвучавшим в ходе дискуссии проблемам для формирования решения.

Список литературы

- Гогиберидзе, Г. М., Реан, А. А., & Кузьмин, Р. Г. (2025). Педагогическая профилактика проявлений молодежного экстремизма: отечественный и зарубежный опыт. *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*, 23(3), 42–67. <https://doi.org/10.55959/LPEJ-25-14>
- Ениколопов, С. Н., Назаров, В. Л., & Зиновьева, М. Е. М. (2022). Травля в школьных стенах: результаты социопсихологического опроса. *Вопросы психологии*, 68(3), 26–34.
- Злоказов, К. В. (2023). Вооруженные нападения несовершеннолетних на образовательные организации в США: социально-психологические факторы риска. *Всероссийский криминологический журнал*, 17(1), 90–102. [https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17\(1\).90-102](https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17(1).90-102)
- Реан, А. А., & Ставцев, А. А. (2024). Семья и школа как факторы риска и профилактики агрессии молодежи: современные вызовы. *Вестник Московского университета МВД России*, (3), 280–286. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-280-286>

References

- Gogiberidze, G. M., Rean, A. A., & Kuz'min, R. G. (2025). Pedagogicheskaya profilaktika proyavlenij molodezhnogo ekstremizma: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie*, 23(3), 42–67. <https://doi.org/10.55959/LPEJ-25-14>
- Enikolopov, S. N., Nazarov, V. L., & Zinov'eva, M. E. M. (2022). Travlya v shkol'nyh stenah: rezul'taty sociopsihologicheskogo oprosa. *Voprosy psihologii*, 68(3), 26–34.
- Zlokazov, K. V. (2023). Vooruzhennyye napadeniya nesovershennoletnih na obrazovatel'nye organizacii v SShA: social'no-psihologicheskie faktory riska. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 17(1), 90–102. [https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17\(1\).90-102](https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17(1).90-102)
- Rean, A. A., & Stavcev, A. A. (2024). Sem'ya i shkola kak faktory riska i profilaktiki agressii molodezhi: sovremennyye vyzovy. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (3), 280–286. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-280-286>

Информация об авторе

Кирилл Витальевич Злоказов – начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент.

About the author

Kirill V. Zlokazov – Head of the Research Department of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Psy.), Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 23.03.2026

Одобрена после рецензирования 20.04.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted March 23, 2026

Approved after reviewing April 20, 2026

Accepted April 28, 2026